ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.С. ПУШКИНА

На правах рукописи

НЕГРАШ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

РУССКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Научная специальность:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доктор философских наук,
профессор С.Л. Слободнюк

Санкт-Петербург
2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……..... 3

Глава 1. Пути развития русской приключенческой прозы первой трети XX века в социокультурном контексте эпохи……..... 18

1.1. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века…….. 18

1.2. Специфика переходных текстов: от эпигонства к самобытности..... 36

1.3. Художественное своеобразие русской подростковой приключенческой прозы первой трети XX века……48

Глава 2. Проблемы поэтики и мировоззрения в русской приключенческой прозе 1901-1917 годов……..…..... **.....** 70

2.1. Мифопоэтика романов «Восемь племен», «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч» В. Г. Тана-Богораза…….....…… 70

2.2. Мистико-религиозное мировосприятие в произведениях А.Барченко…….. 100

2.3. Нравы таежных бродяг в приключенческой прозе П. Белецкого.....124

Глава 3. Поэтика и проблематика русской приключенческой прозы 1918-1933 годов…….……..... 150

3.1. Революционные мотивы в историко-приключенческих произведениях М. Зуева-Ордынца……...……..……..150

3.2. Утопическая тема в романе «Государство Солнца» Н. Смирнова..…..183

3.3. Колониальные взгляды «среднего» человека в романе «Ост-Индия» С. Шервинского……..…… 196

Заключение…… 209

Список литературы……...…...…… 215

Введение

Русская приключенческая проза первой трети XX века до сих пор остается недостаточно изучена в научном дискурсе. Георгий Пилиев подчеркивает: «История Русского приключенческого романа ещё не написана, истоки и пути развития этого жанра в нашей литературе не исследованы, многие произведения этого направления и их авторы либо ещё не выявлены, либо прочно забыты и ждут своего пытливого исследователя»[1]. Во многом это связано с социально-культурными аспектами, революционными событиями в нашей стране в начале XX века, когда на смену одному господствовавшему мировоззрению пришло принципиально иное, советское, из-за чего в литературоведении долгое время было невозможно объективно разобрать несоответствовавшие новой идеологии русские приключенческие тексты начала XX века с героями, имеющими религиозное, мистическое или мифологическое мировоззрение.

По мнению В.П. Булычевой, «до революции 1917 года приключенческая литература во многом копирует образность и сюжет зарубежных авантюрных произведений, активным элементом становится развлекательность, ориентированная на массового читателя. После революции 1917 года в Советской России авантюрно-приключенческие романы создаются в контексте действующей идеологии»[2]. И далее: «Однако были произведения, отражающие индивидуально-творческое мировоззрение автора, презентовавшие читателю яркий, особенный и фантастический мир с вымышленной топонимикой. Безусловно, это, в первую очередь, проза А. Грина»[3]. Соглашаясь с тем, что действительно были тексты, «отражающие индивидуально-творческое мировоззрение автора», все-таки нельзя отнести большинство текстов Александра Грина, при всех их несомненных достоинствах, к жанру классических приключений, в них зачастую слишком силен фантастический элемент. Корнелий Зелинский даже назвал вымышленные

---

[1] Пилиев Г.К. Михаил Волконский и его «романы действия»: [Послесловие] // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. М.: Миллиорк, 2017. С. 475.
[2] Булычева В.П. Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте // Гуманитарные исследования. 2015. №4 (56). С. 127.
[3] Там же. С. 128.

края писателя «Гринландией» в статье «Грин» (1934): «И вот, отказавшись в открытом идеологическом бою защитить свою «Гринландию», Грин находит иной путь защиты — лирический»[4].

Д.Д. Николаев указывает: «Условия, в которых развивалась русская литература в 1920-1930-е годы, во многом определяли различия в мировоззрениях писателей. Сами по себе философские и идеологические разногласия — явление, характерное и для русской литературы девятнадцатого века, но в двадцатом веке, особенно после революционных событий 1917 г., они приобретают иное значение, переходят из области “отвлеченного” в разряд “практического”»[5]. Русские авторы пытались примирить традиции с современными реалиями. При этом выходило множество откровенно слабых, эпигонских текстов как из-под пера писателей, оставшихся в России, так и эмигрантов. Здесь следует отметить, что продолжали публиковаться и типичные подростковые приключенческие книги, созданные по всем канонам подобной литературы рубежа XIX-XX веков. Некоторые авторы позже нашли в себе смелость признать недостатки собственных произведений, к примеру, Аркадий Гайдар писал: «Худшая моя книга — это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная»[6]. Впервые повесть «Всадники неприступных гор» (также известна под названием «Рыцари неприступных гор») вышла полностью в 1927 г., фрагменты издавались в 1926 г.

В 1920-х гг. наступила эпоха военных приключений, книг о Гражданской войне и «красного Пинкертона», а также «белого» ответа на него, производных от «пинкертоновщины»[7] начала XX века. В тени этой «магистральной линии» в приключенческом жанре оказались самобытные, сильные с художественной точки зрения тексты, выполненные в западной традиции. Эти вещи зачастую

---

[4] Зелинский К. Грин // Красная Новь. 1934. Книга 4 (апрель). С. 201.

[5] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. С. 652-653.

[6] Цит. по изд.: Гайдар А.П. Обыкновенная биография в необыкновенное время // Гайдар А.П. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. М.: Детская литература, 1972. С.9.

[7] Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «“ПИНКЕРТОНОВЩИНА” — уничижительное обозначение разновидности массовой литературы о похождениях знаменитых сыщиков в борьбе со злодеями-преступниками. Название «П.» происходит от имени американского сыщика Аллана Пинкертона (Pinkerton, 1819-84), выходца из Шотландии, основавшего в 1850 в Чикаго первое Национальное сыскное агентство в Америке». См.: А.Н. «Пинкертоновщина» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 746.

оказывались на периферии литературного процесса, они нечасто упоминаются в научном дискурсе.

Анализируя многочисленные обзоры, рецензии, заметки, статьи и монографии, в рамках данного научного исследования делается попытка выявить самобытные тексты вне эпигонского массива, военных приключений и «пинкертоновщины». Рассматривается период от начала века и до Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году.

Актуальность темы обусловлена противоречием между растущим интересом к отечественным приключенческим текстам, пересмотру их роли и места в русской беллетристике первой трети XX века и лакунами в научном дискурсе.

Объект исследования: отечественная приключенческая проза первой трети XX века, отвечающая жанровым, мотивно-тематическим и сюжетным канонам мировой приключенческой литературы. Вне подробного рассмотрения остались жанровые разновидности произведений, относящихся к господствовавшей в ту пору «пинкертоновщине» (в том числе «красному Пинкертону» и «белому» ответу на него), а также авантюрно-героическая проза, связанная с военной тематикой, включая книги о Гражданской войне.

Предмет исследования: поэтика приключенческого текста и его мировоззренческая проблематика.

Гипотеза исследования заключается в том, что в первой трети XX века были написаны самобытные приключенческие тексты вне господствовавших в ту пору «пинкертоновщины», в том числе «красного Пинкертона» и «белого» ответа на него, военных приключений вообще и книг о Гражданской войне в частности, выдержанные в традиции классической приключенческой литературы и привносящие нечто новое или редко встречающее в жанре.

Материалом послужили русские приключенческие тексты первой трети XX века: «Восемь племен», «Жертвы дракона», «На озере Лоч» («На озере Лоче») В.Г. Тана-Богораза, «Сокровище Родины» и «Капитан “Дедалуса”» («Капитан корабля “Дедалуса”») М. Волконского, «Смелая жизнь» Л. Чарской,

«Путешественники» Л. Кормчего, «Океан-кормилец», «Доктор Черный», «Из мрака» А. Барченко, «В горах Даурии» («Золотоискатели в горах Даурии»), «Король тайги» и «На вольной земле» П. Белецкого, «Финикийский корабль» В. Яна, «Земля Санникова» В. Обручева, «Сказание о граде Ново-Китеже», «Злая земля» и «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца, «Государство Солнца» Н. Смирнова, «Ост-Индия» С. Шервинского и др.

Цель диссертации: проследить закономерности развития русской приключенческой прозы первой трети XX века; выявить жанровую специфику ее поэтики в соотнесенности с мировоззренческими установками эпохи.

Чтобы достигнуть заявленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

— исследовать взаимосвязь историко-социальных факторов и мировоззренческую типологию персонажей отечественных приключенческих произведений первой трети XX века;

— выявить концептуальные схождения и расхождения между западной и отечественной приключенческой прозой;

— определить особенности эволюции картины мира героев отечественных произведений;

— установить основные приемы поэтики, используемые в формировании мировоззренческой семиосферы приключенческого текста.

Методы исследования. В диссертационном исследовании использованы метод целостного анализа литературного произведения, системно-типологический, культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также применены методики мифопоэтического и интертекстуального анализа, отвечающие поставленным задачам и цели.

Методологическую основу исследования составляют работы «Время Шамбалы» А.И. Андреева[8], «Детская литература в первые десятилетия советского периода» И.Н. Арзамасцевой[9], «Тропинками тайны. Приключенческая литература

[8] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 384 с.

[9] Арзамасцева И.Н. Детская литература в первые десятилетия советского периода / 37-й Всемирный конгресс Международного совета по детской книге (IBBY). 2021. [Электронный ресурс]. URL:

и дети» Б.А. Бегака[10], «Свет малых голландцев» Е.В. Витковского[11], «Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого» В.М. Головко[12], «В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество» Н.Ф. Кулешовой[13], «Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа» М.Э. Маликовой[14], «В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники» В.В. Мароши[15], «Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза» Д.Д. Николаева[16], «Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов» О.Ю. Осьмухиной и Е.П. Овсянниковой[17], «Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице» Н.Н. Пуряевой[18], «Русский модернизм и палеофантастика» Е.П. Сошкина[19], «Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего» Б. Хеллмана[20], «Массовая литература XX века» М.А. Черняк[21], «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit» M. Швартца[22], «Концепция

---

https://web.archive.org/web/20221201225730/https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletiya-sovetskogo-perioda (дата обращения: 12.06.2024).

[10] Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети. М.: Детская литература, 1985. 95 с.

[11] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338-350.

[12] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 150-166.

[13] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. 112 с.

[14] Маликова М.Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. №3 (103). С. 109-139.

[15] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. Том 5. № 3. 2017. С. 807-825.

[16] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. 688 с.

[17] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №6. С. 2079-2085.

[18] Пуряева Н.Н. Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 224-233.

[19] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55 [Электронный ресурс]. URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения 12.06.2024).

[20] Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.): сборник статей / сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 20-45.

[21] Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. 432 с.

[22] Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. 684 p.

детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века)» Е.Ю. Шестаковой[23] и др.

Степень разработанности проблемы исследования. В первые два десятилетия XX в. большинство трудов, посвященных русским авторам приключенческого жанра, представляли собой короткие рецензии, как, к примеру, рецензия на книгу «Запорожцы в Саргоссе» М.Д. Ордынцева-Кострицкого Г. Петри (1913-1914)[24]. Однако уже в начале века были несколько развернутых статей, в которых отмечались сильные черты произведений В.Г. Тана-Богораза, то, как он мастерски изображает древних людей, и здесь в первую очередь следует назвать работу «И.А. Тан (литературный портрет)» Л. Мовича (Л.З. Марковича) (1904)[25].

В 1920-1930 гг. появились труды, в которых делались попытки комплексно рассмотреть русскую приключенческую прозу, особо отмечу статью «Наши Майн-Риды и Жюль Верны» Я. Рыкачева (1929)[26]. Но они, во-первых, не охватывали весь корпус приключенческих текстов первой трети XX века, а во-вторых, анализировали их с точки зрения главенствующей в ту пору идеологии, осуждая произведения, в которых религия и царизм не порицались. Ведь в советские годы произошла переоценка ценностей, изменилось мировоззрение. Были в те годы и критические работы, авторы которых пытались объективно оценить творчество отдельных писателей или их тот или иной роман, те же рецензии С. Обручева на роман «Государство Солнца» Н. Смирнова (1928)[27] и на III и IV тома собрания сочинений В.Г. Тана (Тана-Богораза) (1929)[28].

Нельзя сказать, чтобы в последующие несколько десятилетий русская приключенческая проза первой трети XX века вообще не исследовалась, но в основном это были критические и критико-биографические статьи («Государство

---

[23] Шестакова Е.Ю. Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) // Филологический класс. 2006. № 16. С. 27-30.
[24] Петри Г. [Рец. на книгу «Запорожцы в Саргоссе» М.Д. Ордынцева-Кострицкого] // Что и как читать детям. 1913-1914. №3 (дек.). С. 26.
[25] Мович Л. [Маркович Л.З.]. И.А. Тан (литературный портрет) // Вестник и библиотека самообразования. 1904. №45 (4 нояб.). Стб. 1651-1656.
[26] Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 87-91.
[27] Обручев С. [Рец. на «Государство Солнца» Н.Г. Смирнова] // Печать и революция. 1928. Кн. 6. С. 214-215.
[28] Обручев С. [Рец. на III и IV тома собр. соч. В.Г. Тана] // Печать и революция. 1929. Кн. 1. С. 142-143.

Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») И. Рахтанова (1937)[29], «Борис Житков» Л. Чуковской (1957)[30] и др.), порой отдельные приключенческие тексты рассматривались в трудах, посвященных иным направлениям в литературе, так, в монографии «Русский советский научно-фантастический роман» А.Ф. Бритикова (1970)[31] упоминается «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца, но Бритиков не разбирает этот текст подробно.

В 1975 г. вышла монография «В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество» Н.Ф. Кулешовой[32], в которой предпринята попытка всесторонне проанализировать творчество писателя, отмечается особенность мировоззрения его героев, но Кулешова не делает акцента на значении его произведений о доисторических временах для жанра приключений, хотя и сравнивает «Жертвы дракона» с романом «Борьба за огонь» Ж.-А. Рони-старшего, входящим в цикл «Дикие времена», впрочем, ошибочно указывая, что тот вышел на два года позже романа Тана-Богораза, в 1911 г., хотя в 1911 г. было первое книжное издание, журнальное появилось еще в 1909 г. Кулешова игнорирует сюжеты остальных произведений из цикла «Дикие времена», не учитывает, что они публиковались с 1880-1890-х годов. Не говорит Кулешова и о тематической близости «Восьми племен» произведениям американских авторов об индейцах.

В 1979 г. была издана работа «В мире приключений (Приключенческая литература для детей)» Б.А. Бегака[33], спустя несколько лет, в 1985 г., появилась ее переработанная версия под новым названием «Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети»[34]. Бегак делает акцент на воспитательной ценности приключенческих произведений для подрастающего поколения и поэтому не затрагивает тексты, ориентированные исключительно на взрослую аудиторию, не предпринимает он и попытки оценить в комплексе русские работы

---

[29] Рахтанов И. «Государство Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») // Детская литература. 1937. №12. С. 11-15.

[30] Чуковская Л. Борис Житков // Пионер. 1957. №9 (сент.). С. 58-62.

[31] Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. 448 с.

[32] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. 112 с.

[33] Бегак Б.А. В мире приключений (Приключенческая литература для детей). М.: «Знание», 1979. 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература». № 3).

[34] Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети. М.: Детская литература, 1985. 95 с.

именно первой трети XX века, рассматривает и западные, и отечественные образцы; в числе прочих отмечает приключенческие книги Н. Смирнова и позднюю, переработанную для юношества версию «Сказания о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца.

В 1986 г. появилась еще одна большая работа, посвященная жанру, — «В мире приключений» А.З. Вулиса[35]. Вулис освещает жанр во всем его многообразии, В.П. Булычева высказала следующее мнение о книге Вулиса, с которым сложно не согласиться, она справедливо указала на ее достоинства и недостатки: «В ней исследователь последовательно рассматривает специфику художественного пространства, художественного времени, тип героя, а также одним из первых анализирует феномен тайны как жанрообразующего понятия в приключенческой литературе. При всей значимости этого исследования оно не претендует на исчерпывающий характер, а кроме того, в силу поставленных в работе задач выявления самых общих закономерностей, исследователь привлекает крайне обширный материал: как русскую, так и мировую литературу от XIX до середины XX века, — и никак не касается вопросов специфики русской приключенческой литературы в рамках конкретной национальной культуры или исторической эпохи»[36]. Впрочем, задолго до А.З. Вулиса Виктор Шкловский в статьях «Новелла тайн»[37] и «Роман тайн»[38], вошедших в его сборник «О теории прозы» (1925)[39], исследовал роль тайн в сюжетной литературе.

В 1990-м году Н.Н. Родионова в труде «Советская приключенческая повесть (проблемы типологии жанра)»[40] рассмотрела книги о Гражданской войне, об охране границ, шпионские истории, детективы и т.п. В 2006 г. увидела свет монография «Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и

---

[35] Вулис А.З. В мире приключений. Поэтика жанра. М.: Советский писатель, 1986. 384 с.
[36] Булычева В.П. Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-4. С. 1000.
[37] Шкловский В. Новелла тайн // Шкловский В. О теории прозы. М., Л.: Круг, 1925. С. 97-111.
[38] Шкловский В. Роман тайн // Шкловский В. О теории прозы. М., Л.: Круг, 1925. С.112-138.
[39] На обложке книги название дано как «Теория прозы», а на титульном листе как «О теории прозы».
[40] Родионова Н.Н. Советская приключенческая повесть (проблема типологии жанра): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. / Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. М., 1990. 15 с.

историческая проза» Д.Д. Николаева[41]. В монографии Николаева едва ли не впервые в истории отечественного литературоведения сделана попытка настолько всеобъемлюще изучить русскую массовую литературу 1920-1930-х гг., однако в ней автор не уделяет достаточного внимания историко-приключенческому жанру, который тогда был широко развит, хотя и указывает, в частности, характерные особенности того же «красного Пинкертона». Нет у Николаева и подробного разбора именно приключенческих текстов 1901-1919 гг.

Следует отметить, что не только Николаев акцентировал особое внимание на феномене «красного Пинкертона», но и ряд других исследователей — в качестве примера достаточно назвать труды «Массовая литература XX века» М.А. Черняк (2007)[42] и «Readers and Reading During Russia's Literacy Transition, 1850–1950: How Readers Shaped a Great Literature» Джеффри Брукса (2020)[43].

В 2014 году увидела свет еще одна монография — «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit» Маттиаса Швартца[44], которая, как и следует из названия, посвящена советской приключенческой и фантастической литературе 1917-1953 гг. Взгляд Швартца — взгляд иностранца — весьма любопытен, тем более что он собрал обширнейший материал, в частности Швартц подробно анализирует в разделе «Das Ende der Schmuggelware — Der Schriftstellerkongress 1934»[45] роль Первого Всесоюзного съезда советских писателей 1934 года в развитии массовой литературы. Но Швартц, в силу самой тематики его труда, часто отклоняется в сторону от жанра классических приключений.

Также следует упомянуть серию статьей о приключенческой литературе в самом широком смысле этих слов В.П. Булычевой — «Русская приключенческая

---

[41] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. 688 с.

[42] Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. 432 с.

[43] Brooks J. Chapter 7. Readers and Reading During Russia's Literacy Transition, 1850–1950: How Readers Shaped a Great Literature // The Edinburgh History of Reading. Common Readers / ed. by Jonathan Rose. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. Pp. 137-156.

[44] Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. 684 p.

[45] Schwartz M. Das Ende der Schmuggelware — Der Schriftstellerkongress 1934 // Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. Pp. 275-303.

проза первой половины XX века» (2013)[46], «Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа» (2014)[47], «Сказка в русской приключенческой прозе первой половины XX века» (2014)[48], «Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте» (2015)[49] и др. Но Булычева в рамках приключений рассматривает и сказочную прозу, и фантастику о путешествиях в другие миры, и ряд произведений иных жанров, то есть наряду с «чистыми» приключениями изучает и «Аэлиту» А. Толстого, и «Бегущую по волна» А. Грина, и др. В статье «Поэтика приключенческой прозы первой половины XX века» (2013)[50] Булычева уделяет особое внимания произведениям В. Каверина и А. Грина. Но лучший роман Каверина «Два капитана» в первой версии вышел в 1938-1940 гг., а у Грина, как уже говорилось ранее, зачастую важную роль играет фантастический элемент. В отличие от статей Булычевой, в данном диссертационном исследовании рамки сужены: во-первых, изучен период первой трети XX в., во-вторых, делается попытка отделить собственно приключенческую литературу от прозы, имеющей атрибуты других жанров, то есть рассматриваются условно «чистые» приключения, выполненные в традиции классических произведений Э. Сальгари, Р.Л. Стивенсона, К. Мая и др.; в-третьих, многие из разбираемых приключенческих текстов у Булычевой вообще не упоминаются.

В 2010-2020-х гг. вышло несколько критических и биографических статей, посвященных тому или иному автору и его книгам: Н. Бичехвост написал статью «Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким» (2014)[51], Е.В. Витковский в «Свете малых голландцев» (первая ред. 1991 г.; вторая ред. подготовлена в 2015

[46] Булычева В.П. Русская приключенческая проза первой половины XX века // Lingua Mobilis. 2013. №4 (43). С.24-32.

[47] Булычева В.П. Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа // Фундаментальные исследования. 2014. №8-4. С. 998-1002.

[48] Булычева В.П. Сказка в русской приключенческой прозе первой половины XX века // Современные проблемы науки и образования. 2014. №2. [Электронный ресурс]. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12545 (дата обращения: 12.06.2024).

[49] Булычева В.П. Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте // Гуманитарные исследования. 2015. №4 (56). С. 125-131.

[50] Булычева В.П. Поэтика приключенческой прозы первой половины XX века // Проблемы современной науки и образования. 2013. №2 (16). С. 124-127.

[51] Бичехвост Н. Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким: [Послесловие] // Белецкий П. Золотоискатели в горах Даурии. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В. по заказу ООО «Фаворит», 2014. С. 324-328.

г., издана в 2016 г.)[52] разобрал роман «Ост-Индия» С. Шервинского, а В.М. Головко, оценив и мой вклад в осмысление истерна[53], представил развернутую атрибутику жанра в работе «Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого» (2023)[54] и др. Некоторые исследователи разбирают отдельные направления в жанре — к примеру, М.Э. Маликова в статье «Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа» (2010)[55] рассматривает, соответственно, псевдопереводные романы, а Е.П. Сошкин в «Русском модернизме и палеофантастике» (2020)[56] анализирует разнообразные тексты о доисторических временах — пьесы, стихи, а также приключенческие произведения. О.Ю. Осьмухина изучает романы воспитания и перевоспитания в серии статей: «Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.)» (2024, в соавт. с Е.П. Овсянниковой)[57], «Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов» (2024, в соавт. с Е.П. Овсянниковой)[58], «Особенности романа перевоспитания в отечественной литературе 1920 — начала 1930-х гг.» (2025, в соавт. с Е.П. Овсянниковой)[59] и др.

Нельзя также не упомянуть, что ряд исследователей рассматривают отдельные приключенческие тексты в трудах, посвященных совсем другим вопросам, как А.И. Андреев в книге «Время Шамбалы» (2002, 2004)[60], где он подробно изучил дилогию «Доктор Черный» А. Барченко, придя к выводу, что в

---

[52] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338-350.

[53] Неграш С.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: [Послесловие] // Белецкий П. Король тайги. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 478-486.

[54] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 150-166.

[55] Маликова М.Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. №3 (103). С. 109-139.

[56] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55 [Электронный ресурс]. URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения 12.06.2024).

[57] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №1. С. 40-44.

[58] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №6. С. 2079-2085.

[59] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности романа перевоспитания в отечественной литературе 1920 — начала 1930-х гг. // Новый филологический вестник. 2025. №3 (74). С. 214-225.

[60] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 384 с.

ней отражается «теософско-буддийское мировоззрение Барченко»[61]. Однако если оценивать в целом всё литературное наследие Барченко, то справедливее было бы назвать его мировоззрение мистико-религиозным, так как в большинстве его текстов нет буддийских мотивов.

Имеются и работы, посвященные истории той или иной книжной серии, в рамках которой публиковалась приключенческая проза, допустим, «Назовем его “Всемирный следопыт”» А. Караваева (2020)[62], но в этих трудах не делается попытки изучить мировоззрение героев русской приключенческой прозы первой трети XX века.

В настоящем исследовании акцент делается не только на мировоззрение, но и на поэтику.

Учитывая, что в последние годы были выявлены новые сведения по истории жанра, были извлечены из архивов и частных коллекций многочисленные тексты и опубликованы или как минимум оцифрованы, невозможно говорить о том, что феномен русской приключенческой прозы первой трети XX века полностью изучен.

Научная новизна заключается в том, что:

1. впервые в научном исследовании выявлен целый ряд самобытных, значимых с художественной точки зрения русских приключенческих произведений первой трети XX в. вне военных приключений, события которых разворачиваются в XX в., книг о Гражданской войне и «пинкертоновщины», включая «красного Пинкертона» и «белого» ответа на него, отмечены особенности их поэтики и мировоззрения;

2. впервые рассматривается феномен переходных текстов в русской приключенческой прозе первой трети XX века, то есть произведений, которые невозможно отнести к эпигонским в силу наличия в них национальных черт, но в то же время нельзя считать подлинно самобытными, так как в них слишком много заимствований из трудов предшественников;

---

[61] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 39.
[62] Караваев А.В. Назовем его «Всемирный следопыт». Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. 268 с.

3. многие тексты впервые подвергаются анализу в аспекте поэтики и мировоззрения — «Путешественники» Л. Кормчего, «Океан-кормилец» А. Барченко и «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца и др.

Теоретическая значимость работы определяется возможностью применения результатов диссертации в исследованиях русской приключенческой прозы XX-XXI вв., в исследованиях по эволюции жанра и при изучении наследия отдельных авторов, отдавших дань приключенческой прозе.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты диссертации можно использовать в преподавании истории русской литературы XX столетия, а также при разработке спецкурсов по литературоведческим дисциплинам, в частности — по истории жанров.

Положения, выносимые на защиту:

— Авторы отечественной приключенческой прозы этого периода зачастую опирались не только на классические западные произведения, но и на тексты своих русских предшественников. В качестве яркого примера можно привести роман «Король тайги» П. Белецкого, в котором прослеживается влияние и западной прозы, и русской литературы, причем не только классической, но и криминальных романов Г. Хрущова-Сокольникова.

— В тени откровенно эпигонских и переходных текстов остались несколько по-настоящему сильных с художественной точки зрения и уникальных по своему содержанию крупных произведений, выдержанных строго в западной традиции приключенческой литературы. Это и повесть «Океан-кормилец» А. Барченко, в которой изображена жизнь мурманских промышленников, и «Злая земля» и «Гул пустыни» М. Зуева-Ордынца о далеких русских окраинах, и ряд других текстов.

— Стремясь осознать меняющуюся действительность, в это кризисное для страны время авторы приключенческого жанра зачастую спорили друг с другом на страницах книг, изображая героев с принципиально разным мировоззрением. Так, героиней повести «Смелая жизнь» Л. Чарской движет желание послужить Родине, она восторгается царём, а ребята из книги «Путешественники» Л.

Кормчего жаждут приключений, о которых читали в книгах, при этом Кормчий осторожно критикует существующий строй.

— Переосмысление истории, характерное в целом для послереволюционной отечественной исторической литературы, нашло отражение и в историко-приключенческих текстах. В том же романе «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца совмещены переосмысление нашей истории и фабула о затерянном мире, а в повести «Финикийский корабль» В. Яна царь Соломон предстает далеко не таким мудрым, каким его принято считать.

— События, произошедшие в первой трети XX века в нашей стране, не могли не повлиять на писателей приключенческого жанра, из-за чего в их текстах стало появляться больше неоднозначных персонажей, а сами произведения нередко были ориентированы в первую очередь на взрослых читателей. В качестве примера можно привести и «Восемь племен» В.Г. Тана-Богораза, и «Ост-Индию» С. Шервинского, и др.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования были представлены на международных научных конференциях «Пушкинские чтения-2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация», «XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника» (2023) и «Пушкинские чтения-2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст». Кроме того, при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей был подготовлен справочник «Иные тропы. Путеводитель по приключенческой литературе» (2023)[63], в котором дана краткая информация о многих писателях приключенческого жанра, в том числе отечественных начала XX века: имя, годы жизни, основные произведения и их темы, без анализа текстов, но с зачастую упоминанием авторов, работавших в схожей тематике, а также тех, кто продолжал классические книги.

[63] Негараш С.В. Иные тропы. Путеводитель по приключенческой литературе. СПб.: Северо-Запад, 2023. 340 с.

Основное содержание и результаты исследования нашли отражение в 6 научных публикациях общим объемом 3,55 п. л., в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура диссертационной работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников. В списке использованной литературы 429 наименований. Общий объем диссертации 254 страницы. Цитаты из источников рубежа XIX-XX вв. даны в соответствии с современной орфографией.

Глава 1. Пути развития русской приключенческой прозы первой трети XX века в социокультурном контексте эпохи

1.1. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века

Развитие приключенческой литературы в России неразрывно связано с историко-социальными событиями, в ходе которых менялось мировоззрение масс. Как справедливо указывает Джеффри Брукса, реформы Александра II, в первую очередь отмена крепостного права в 1861 г. и реформа образования, способствовали повышению грамотности населения и в итоге привели к увеличению количества печатной продукции, Дж. Брукс подчеркивает: «Рассказы о бандитизме и мятеже, успехе и семейном счастье, науке против суеверий, войне и истории неизменно хорошо продавались»[64]. *(Перевод мой — С.Н.)* И правда, отвечая на читательский запрос, начали публиковать больше как разных книг, включая приключенческие, так и периодических изданий — еще в декабре 1860 г. был напечатан первый номер «Вокруг света» (датирован январем 1861 г.), позже появились «Задушевное слово» (издавался в 1876-1918 гг.) и ряд других журналов и газет. Как можно убедиться из трудов современных исследователей, к примеру, статьи Д.А. Кузьминова[65], запущенный Александром II образовательный процесс не смог в конечном итоге обратить вспять даже так называемый «Циркуляр о кухаркиных детях» (1887), утвержденный Александром III.

Как бы то ни было, «изначально приключенческая литература служила только для того, чтобы просвещать читателей, сообщать им в увлекательной форме о жизни в других странах, основывалась на рассказах и записках

[64] Brooks J. Chapter 7. Readers and Reading During Russia's Literacy Transition, 1850–1950: How Readers Shaped a Great Literature // The Edinburgh History of Reading. Common Readers / ed. by Jonathan Rose. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 140.

[65] Кузьминов Д.А. Циркуляр «О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных» и его влияние на сословный состав средних учебных заведений по материалам отчетов гимназий // Повышение эффективности реализации фундаментальных научных исследований как условие долгосрочного устойчивого развития России: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 июля 2020 г. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 28-34.

путешественников — допустим, Даниэль Дефо при работе над «Робинзоном Крузо» опирался на историю боцмана Александра Селькирка, прожившего на необитаемом острове с 1704 по 1709 годы. Но очень быстро у нее появилась еще одна функция, а именно — идеологическая. Авторы не просто описывали динамичные приключения во всех частях света, в настоящем и прошлом, но и выводили в качестве положительных героев своих соотечественников, неизменно одерживающих победу над врагами. Некоторые писатели, следуя примеру Дефо, изображали и духовное преображение героя, изменение его мировоззрения. Характерным примером может служить роман «Сергей Петрович Лисицын, русский Робинзон» Николая Сибирякова, впервые изданный в 1870 году. В нем автор живописует, как постепенно меняется мировоззрение «русского Робинзона», как Лисицын становится лучше, как он переживает за отечество и делает всё на благо своей страны, что только может в его непростом положении»[66].

Но литературный процесс не стоял на месте. Д.Д. Николаев утверждает в работе «Литература как пропаганда» (2010): «Рубеж XIX-XX вв. и первая треть XX века в России, да и не только в России — это эпоха кризиса и попыток его преодоления. Был ли кризис объективно или прежде всего проявлялся кризис сознания — вопрос спорный, но нет сомнений, что в это время происходил коренной пересмотр мировоззренческих систем, затрагивающий не отдельных представителей общества, а значительную его часть»[67].

В первые годы XX века в Российской империи бульварная литература, к каковой зачастую относится и приключенческий жанр, продолжала пользоваться огромным спросом, ее много печатали. К сожалению, в основном она была низкопробной. К.И. Чуковский утверждал в критической статье «Нат Пинкертон и современная литература»: «Теперь у нас принято сваливать все на реакцию, но какая же это реакция, — это нашествие, это наплыв, это потоп, а не реакция. И

[66] Неграш С.В. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 669.
[67] Николаев Д.Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2010. С. 494.

когда я вижу, что наша интеллигенция вдруг исчезла, что наша молодежь впервые за сто лет оказалась без «идей» и «программ», что в искусстве сейчас порнография, а в литературе хулиганство, я не говорю, что это реакция, а я говорю, что это нахлынул откуда-то сплошной готтентот и съел в два-три года всю нашу интеллигенцию, съел все наши партии, программы, идеологии, съел нашу литературу и наше искусство, и если где еще остались какие-нибудь неприметные корешки, — рожки и ножки, — он и те съест — так, что и сам не заметит»[68]. Чуковский задается вопросом: «Но неужели надежды нет, и наша интеллигенция, оторвавшись от народа, проглочена городским Пинкертоном навеки и невозвратно? <…> ведь может же интеллигенция стать носительницей пролетарской идеологии, и не интеллигенция, а хоть что-нибудь в нашей культуре может же очиститься этой идеологией, освежиться, просветлеть ею, как солнцем, и хоть ненамного облагородить наше современное бытие»[69].

Даниел Аарон Брукс следующий образом прокомментировал статью Чуковского: «Эта хаотичная иеремиада описывает потребительскую практику так называемых «Готтентотов» — некультурных личностей, посещающих кинотеатры в поисках дешевых острых ощущений, предпочитающих художественную литературу о грубом американском детективе Нате Пинкертоне историям об утонченном Шерлоке Холмсе и в конечном счете диктующих курс современной городской культуры»[70]. *(Перевод мой — С.Н.)*.

Спустя годы, словно оппонируя Чуковскому, Лев Лунц, призывая учиться у лучших западных образцов, заявлял в статье «На Запад!», опубликованной в журнале «Беседа» №3 за 1923 год и позже неоднократно переиздававшейся, что в русской литературе «нет ни одного хорошего романа приключений. И поэтому-то, только поэтому, вместо Дюма мы имеем Брешко-Брешковского, вместо

---

[68] Цит. по изд.: Чуковский К.И. Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 7: Литературная критика. 1908-1915. С. 36-37.
[69] Там же. С. 60.
[70] Brooks D.A. Russian Literary Portraiture in the Twentieth Century: Collecting and Re-Collecting Lichnosti in Criticism and Memoir: A dissertation… Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures. Berkeley: University of California, 2015. P. 79.

Стивенсона — Первухина, вместо Купера — Чарскую, вместо Конан Дойла — уличных Нат-Пинкертонов»[71].

Но разве вся отечественная приключенческая проза с 1901 по 1917 гг. была так слаба? Разве не было в ней высокохудожественных текстов, выполненных в западной традиции, но привносящих нечто новое? Конечно, такие произведения были, но они часто проходили незамеченными в общем потоке. В этот период выходили и «пинкертоновщина» — к примеру, «Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России» (1909) Петра Орловца (Дудорова, 1872- после 1929), и военные приключения — «Шпионы и солдаты» (1915) Николая Брешко-Брешковского (1874-1943), позже выпустившего ставший довольно известным военный роман «Дикая дивизия» (1920), и фантастические и приключенческие работы Михаила Первухина (1870-1928), на которых остановимся чуть подробнее. Большинство рассказов Первухина — эпигонские, те же многочисленные истории о воздухоплавателях — «Шесть суток в воздухе» (1911), «Трагический полет» (1917) и др., они созданы под явным влиянием книг Жюля Верна. Крупная форма, к которой Первухин обращался намного реже, ему удавалась лучше: так, к числу его сильнейших вещей относятся романы «Колыбель человечества» (1911) и «Вторая жизнь Наполеона» (1917), но это фантастика: в «Колыбели человечества» речь идет о затерянном мире, где существует цивилизация, знакомая с электрическом, а роман «Вторая жизнь Наполеона», как и изданный им в 1924 г. «Пугачев-победитель», написан в жанре «альтернативная история».

В начале XX века большой популярностью пользовались произведения Михаила Раскатова (Максима Асса, 1874- вероятно, 1941), особенно его цикл «Антон Кречет», начатый в 1909 году одноименным романом. Но перед нами вполне типичные уголовно-приключенческие тексты, отнюдь не выдающиеся, автор использует одни и те же сюжетные ходы.

Продолжали выходить и историко-приключенческие произведения, на которые по-прежнему был спрос. Еще в 1894 году увидела свет статья «Петр

[71] Цит. по изд.: Лунц Л. На Запад! // Лунц Л. Обезьяны идут. СПб.: Инапресс, 2003. С. 346.

Великий и Вальтер-Скотты-могильщики» Николая Н. Соколова (1844-1912)[72], автора фантастико-приключенческого романа «Ариасвати» (1893); в первой части статьи говорится об ответственности писателя исторической прозы: «...печатая то или другое «историческое повествование», он должен иметь известную задачу, известную цель, кроме платы по стольку-то с листа; в противном случае, он снизойдет до беззастенчивости писателей толкучего рынка, преподносящих читателям «исторические повествования» о разбойнике Чуркине»[73].

Действительно, творцы исторической и историко-приключенческой прозы рубежа XIX-XX вв. нередко вольно обращались с историческими фактами. И если Первухин сознательно выпустил романы в жанре «альтернативная история», то те же Михаил Ордынцев-Кострицкий (настоящая фамилия Кострицкий, 1887- после 1941) и Лидия Чарская (Чурилова, при рождении Воронова, 1875-1937) часто нарушали принципы историзма в тех или иных целях, обычно для увеличения увлекательности повествования.

В биографической статье о Кострицком О. Краснолистова и Л. Гавриной сказано следующее: «Несмотря на то, что К. неоднократно подчеркивал ист. достоверность своих произв., говоря в предисловиях о «строго проверенных ист. фактах», ссылаясь на публикации архивных материалов, критика считала, что «историзма в них искать нечего», что это «типичные романы приключений», в к-рых главное — «занимательная, в романич. духе, фабула», обеспечивающая им успех у юношества»[74]. И правда, Г. Петри в рецензии на его книгу «Запорожцы в Сарагоссе» подчеркивал: «Интерес действия не ослабевает до самого конца <…> Но хотя в содержании и нет ничего прямо невероятного, однако чрезвычайное нагромождение приключений, идеализация отдельных лиц, особенного главного героя, сына испанского гранда, ставшего казаком, и его храбрых спутников, самая мысль представить такую редкую случайность, как столкновение запорожцев с

[72] Годы жизни Николая Н. Соколова стали известным благодаря розыскам Д. Мурашова. См.: Мурашов Д. Фантаст из Пензы // Улица Московская. [Электронный ресурс] URL: https://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/lyudi/item/2416-fantast-iz-penzy (дата обращения: 10.11.2022).
[73] Соколов Н.Н. Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики I // Русская старина. 1894. Т.81 (февр.). С. 193.
[74] Краснолистов О., Гаврина Л. Кострицкий Михаил Дмитриевич // Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3: К-М. С. 106.

крайним Западом Европы, — лишают эту книгу серьезного исторического интереса»[75].

Впрочем, мнение М. Синявской о произведениях Ордынцева-Кострицкого было несколько иным, она признавала за ними определенный историзм, к примеру, в рецензии на «На Куликовом поле» она констатировала: «Историческая сторона рассказа, в главных чертах, верна, но люди неестественны и безжизненны, и изображение быта слишком расплывчато и совсем не дает надлежащего представления о времени»[76]. В рецензии на повесть «Строитель Государев» всё та же М. Синявская писала: «Исторические события излагаются достаточно полно и точно, приводятся иногда и источники <...> К сожалению, автор изображает людей в виде отвлеченных типов и часто неестественными. Особенно неприятно поражает отношение автора к личностям его героев — они даже не замечают собственных страданий, если при этом замешано какое-нибудь важное историческое явление. Его история не лишена интереса, но бездушна и безжизненна»[77].

Что же касается Лидии Алексеевны Чарской, то она зачастую в своих приключенческих текстах тоже вольно обращается с историческими фактами.

Следует помнить, что в первой трети XX века наша страна пережила много потрясений, которые оказали огромное влияние на писателей. 7 (20) мая 1901 года произошла Обуховская оборона, столкновение рабочих с представителями властей, в 1904-1905 гг. шла Русско-японская война, с января 1905 по июнь 1907 года — Первая русская революция, с 1914 по 1918 г. — Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года, с 1917 по 1922 г. — Гражданская война...

Таким образом, в 1901-1917 гг., далеко не в последнюю очередь в силу исторических событий, в русской прозе так и не появилось крупной фигуры, равнозначной ведущим зарубежным писателям приключенческого жанра — тому

---

[75] Петри Г. [Рец. на книгу «Запорожцы в Саргоссе» М.Д. Ордынцева-Кострицкого] // Что и как читать детям. 1913-1914. №3 (дек). С. 26.
[76] Синявская М. [Рец. на «На Куликовом поле» М.Д. Ордынцева] // Что и как читать детям. 1913-1914. №5 (февр.). С. 24.
[77] Синявская М. [Рец. на «Строитель Государев» М.Д. Ордынцева-Кострицкого] // Что и как читать детям. 1913-1914. №5 (февр.). С. 25.

же немцу Карлу Маю (1842-1912), очевидного лидера, плодовитого писателя, работающего на достаточно высоком литературном уровне. Не сформировалось в это время и ярко выраженной русской школы приключенческой прозы, имеющей общие характерные черты, такой, как, допустим, в Италии, где немало писателей откровенно стилизовались под Эмилио Сальгари (1862-1911). И всё же в потоке отечественной массовой литературы 1901-1917 годов попадались сильные оригинальные приключенческие тексты. Их авторы не слепо копировали зарубежные образцы, а искали новые подходы, обращались к темам, редко затрагиваемым западными писателями, таким, как Русский Север, о котором писал Павел Белецкий (1871-1934).

Геннадий Ульман указывает, что после Октябрьской революции Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский думали над тем, как массовую литературу «подчинить благородной цели воспитания новой личности»[78]. Ульман отмечает: «С легкой руки Бухарина появился и новый жанр, так называемый «красный Пинкертон», в котором сыщики уже были не столько защитниками буржуазной частной собственности, сколько представителями нового мышления, эту собственность отвергающими»[79].

На Пятом Всероссийском съезде РКСМ в октябре 1922 года Николай Бухарин поднял вопрос о создании советской приключенческой прозы: «Если «пинкертоновская» литература пользовалась раньше успехом среди молодежи, то естественно, что тут было что-то такое, что соответствовало некоторым чувствам. В чем же тут дело? Дело в том, что для ума требуется легкая, занятная, интересная фабула и развертывание событий, а для молодежи — в десять раз больше, чем для взрослых. Буржуазия это отлично знает и понимает. Она очень ловко ставит эти вопросы, и она свою идеологию, свои щупальцы самыми различными путями внедряет в сознание молодежи. Она создает идеологию, формирует ее, охватывает молодежь, а мы этого не умеем. <...> Вот почему перед

[78] Ульман Г. Что делать с найденным золотом, или Сокровища Непобедимой Армады: [Послесловие] // Кольчугин А. Сокровища Непобедимой Армады. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2015. С. 378.
[79] Там же. С. 378.

нами встает вопрос о всяких революционных романах»[80]. Ряд высказанных им на Пятом Всероссийском съезде РКСМ положений были отражены в его же несколько раз выходившей статье «Научимся влиять на молодежь»: «А посмотрите на нашу молодежь! Что она представляет собой? Жизненный опыт у нее громаден. Часто это — превосходные практические работники. А тем не менее у них громадные пробелы в мировоззрении. И вот именно теперь, когда все силы уже не ухлопываются на войну, перед массой молодежи выплывают с необычайной мощью тысячи вопросов и сомнений. Кто помогает им разрешать эти вопросы? Почти никто»[81]. Бухарин утверждал: «Нужна широчайшая популяризация марксистского мировоззрения наряду с распространением и углубленного марксистского знания. А у нас нет — или почти нет — даже соответствующей литературы»[82].

Как уже выше отмечалось, выступления Бухарина на съезде и в печати инициировали создание нового литературного направления «красный Пинкертон» или «коммунистический Пинкертон», в котором нередко важное внимание уделялось и фантастическому элементу. Один из самых известных образцов «красного Пинкертона» — цикл «Месс-Менд» Джима Доллара (Мариэтты Шагинян, 1888-1982), начатый романом «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924). Позже Шагинян вспоминала, как у нее появилась идея романа: «...я заметила заманчивый фельетон о том, что нам, советским людям, необходимо создать для молодежи свою приключенческую литературу и своего “красного Пинкертона”»[83]. «Месс-Менд» Шагинян неоднократно разбирали в литературоведческих работах, в том числе в статье «Авантюрный роман как зеркало русского символизма» (2002) Н.А. Богомолова[84]. Вообще, феномен «красного Пинкертона» подробно изучен в научном дискурсе: так, ему посвящен

---

[80] Бухарин Н.И. О коммунистическом воспитании молодежи в условиях нэпа (доклад тов. Бухарина) // Пятый Всероссийский съезд РКСМ 11-19 октября 1922 года. Стенографический отчет. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. С. 126-127.

[81] Цит. по изд.: Бухарин Н.И. Научимся влиять на молодежь // Бухарин Н.И. Борьба за кадры: Речи и статьи. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. С. 174-175.

[82] Там же. С. 175.

[83] Шагинян М. Как я писала «Месс-Менд» // Шагинян М. Месс-Менд. М.: Детгиз, 1956. С. 340.

[84] Богомолов Н.А. Авантюрный роман как зеркало русского символизма // Вопросы литературы. 2002. №6. С. 43-56.

один из разделов монографии «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit» Маттиаса Швартца[85], высоко оцененной специалистами, тем же В.И. Борисовым[86]. Также «красному Пинкертону» уделено немало страниц в учебном пособии «Массовая литература XX века» (2007) М.А. Черняк[87] и докторской диссертации «Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза» (2006) Д.Д. Николаева, изданной в виде монографии[88]. Николаев резюмирует в автореферате докторской диссертации: «Отличительной чертой, объединяющей большинство подобных книг, является и масштаб описываемых событий: в конечном итоге речь идет либо о всемирной революции, либо о мировом заговоре империалистов, либо о мировой войне. Одной из причин «глобализации» являются изменения в проблематике: заменяя религиозное социальным, высшую силу силой общественной, писатели в то же время пытались не разменяться на частности и сохранять общий характер проблемы»[89].

Любопытно, что в те годы был не только «красный Пинкертон», в котором вышло немало книг, включая некогда популярный цикл «Желтый дьявол» (первая часть появилась в печати в 1924 г.) Никэда Мата (Николая Костарёва, 1893-1941, и Венедикта Матвеева, 1896-1937), но и «белый Пинкертон», поджанр, в котором работали в основном писатели-эмигранты. Яркие примеры «белого Пинкертона» — «Женщины, кровь и бриллианты» (1926) Николая Брешко-Брешковского и «Пациент доктора Арнольди» (1926) Павла Перова (1886-1980). Соответственно, в «белом Пинкертоне», названом так современными издателями по аналогии с «красным Пинкертоном», много ненависти к большевикам, которых выводят негодяями, хотя фабула, приемы и подходы такие же, как в «красном

---

[85] Schwartz M. Kommunistische Pinkertons — Entwürfe und Varianten populärer Abenteuerliteratur (1917-1932) // Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. Pp. 45-272.

[86] Борисов В.И. Как убивали фантастику: [Рец. на кн.: Швартц М. Экспедиции в другие миры] // Новый мир. 2016. № 10. С. 179-185.

[87] Черняк М.А. «Красный Пинкертон» и развитие авантюрного романа 1920-х годов // Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 85-139.

[88] Николаев Д.Д. Глава четвертая. От Эренбурга к Эрендорфу. — Красный Пинкертон // Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. С. 122-152.

[89] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. С.10-11.

Пинкертоне» или, вообще, в типичной «пинкертоновщине» начала XX века. Е.Ю. Шестакова пишет в статье «Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века)» (2006), что писатели-эмигранты идеализировали царскую Россию, в качестве примера она приводит те же описания детства в реалистичном романе «Жизнь Арсеньева» И. Бунина[90]. Идеализация царской России — неизменный элемент и приключенческих текстов, выдержанных в рамках «белого Пинкертона».

Были, конечно, многочисленные военные приключения, допустим, уже упоминавшийся роман «Дикая дивизия» (1920) Николая Брешко-Брешковского. Особой популярностью пользовались книги о Гражданской войне — «Красные дьяволята» (1923) Павла Бляхина (1886-1961), «Макар-следопыт» (1925) и его продолжение «Чёрный лебедь. Новые приключения Макара-Следопыта» (1930) Льва Остроумова (1892-1955) и др.

В конце 1910-х — 1920-х гг. вышло немало авантюрных произведений, не имеющих отношения к «пинкертоновщине», но лишь немногие из них стали популярны — к примеру, «Амазонка пустыни» («У подножия божьего трона», первая редакция издана в 1919 г., окончательная в 1922 г.) Петра Краснова (1869-1947), «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1923) Алексея Толстого (1883-1945) и «Двенадцать стульев» (1928) Ильи Ильфа (Иехиел-Лейба Файнзильберга, 1897-1937) и Евгения Петрова (Катаева, 1902-1942). Но остановимся не на этих романах, неоднократно становившихся предметом научного исследования, а на менее известном — «Сокровища Непобедимой Армады» (1927) А. Кольчугина, писателя, о котором на сегодняшний день каких-либо сведений найти не удалось, кроме того, что он выпустил еще фантастический роман «Красный граф» (1927).

В «Сокровищах Непобедимой Армады» видны как фабула классических приключенческих романов, так и черты «красного Пинкертона». В основной части романа повествуется о том, как в годы Гражданской войны герои гоняются за кладом, собственно, за теми самыми сокровищами испанской Непобедимой

[90] Шестакова Е.Ю. Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) // Филологический класс. 2006. № 16. С. 27-28.

Армады, оказавшимися на российской территории. П. Гуров в статье «Роман приключений в библиотеке» (1930) пренебрежительно отозвался о подобных произведениях, даже немного перепутав название романа: «Для успехов нашего социалистического строительства и революционной борьбы основное — классовая сплоченность революционных рядов пролетариата, упорная борьба и строительство. Поэтому современные романы о кладах (например роман Кольчугина — «Сокровища пропавшей Армады») — чистейшая бессмыслица»[91]. С точкой зрения Гурова, по крайней мере, в отношении «Сокровища Непобедимой Армады» сложно не согласиться, и всё же этот роман представляет интерес как документ эпохи, и далеко не в последнюю очередь за счет удавшегося автору образа Аграфены. Она поначалу ненавидит большевиков за расстрел ее мужа, всячески вредит их планам, а затем, спустя долгое время, наглядевшись на ужасы, творимые белыми, начинает иначе смотреть на их дело, меняется ее мировоззрение, хотя она и продолжает жить в эмиграции вместе с белым генералом Бермятиным, от которого ждет ребенка.

Таким образом, «из-за диктата «красного Пинкертона» и обилия откровенно эпигонских текстов сильная с художественной точки зрения русская приключенческая проза, выдержанная в классическом ключе, вновь оказалась в тени, лишь немногие критики обращали на нее внимание»[92]. В журнале «Печать и революция» книга шестая за 1928 год вышла рецензия С. Обручева на роман «Государство Солнца» (1928) Николая Смирнова (1890-1933), в которой он сформулировал основные требования к приключенческой прозе: «...занимательность фабулы, верная передача исторических и географических фактов и идеологическая целесообразность или, по крайней мере, безвредность. Кроме того повесть должна быть литературно написана — и если от автора не требуется открытия новых путей в области словесного оформления — во всяком случае он должен вполне владеть литературным ремеслом»[93].

---

[91] Гуров П. Роман приключений в библиотеке (начало) // Красный библиотекарь. 1930. №3 (март). С. 38.
[92] Неграш С.В. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 670.
[93] Обручев С. [Рец. на «Государство Солнца» Н.Г. Смирнова] // Печать и революция. 1928. Кн. 6. С. 214.

Но еще за год до этого, в 1927 г., А.В. Луначарский в работе «О культуре на Западе и у нас» рассуждал об Азии и Европе: «…мы не рассматриваем себя как азиатов, несущих угашенный огонь разума, а, наоборот, как передовой отряд Европы, который несет в Азию величайшие приобретения европейской культуры, только несет не вместе с опиумом, не для того, чтобы империалистически подавлять азиатскую часть человечества, а для того, чтобы призвать к братскому совместному с нами труду на началах той великой культуры, которая развилась в Европе»[94]. Более того, Луначарский, как и Лунц, писал о важности традиций: «В план нашего социалистического строительства входит и строительство нашей собственной культуры, базирующейся на великих традициях здоровой европейской культуры и на великих традициях культуры нашей интеллигенции. И на этих началах и глубинах, в связи со всем строительством, мы разовьем высокий культурный уровень»[95].

Будто полемизируя с Луначарским, Я. Рыкачев в статье «Наши Майн-Риды и Жюль Верны» (1929) заявлял: «У нас нет литературы для юношества. Вся прежняя «литература для юношества» — все эти Куперы, Майн-Риды, Жюль-Верны, Эмары, Марриэты — за самым малым исключением — вышла в тираж. И не в том только смысле, что несовременен трактуемый ею материал — это бы еще полбеды, — а в том, что ее мораль, ее восприятие мира, ее мышление насквозь буржуазны, созданы на потребу буржуазного юношества и рассчитаны на совершенно определенный социально-педагогический эффект. <...> Нужна ли подобная литература советскому юношеству? Об этом не может быть двух мнений. <…> Это — большое зло»[96]. Критикуя произведения приключенческого жанра, Рыкачев делает вывод, что «в отличие от «большой» литературы, литература для юношеского (и детского) возраста не должна отражать индивидуального мировосприятия автора со всеми его оттенками, а давать некоторую среднюю линию, как бы отстоявшееся мировосприятие эпохи»[97].

---

[94] Луначарский А.В. О культуре на Западе и у нас. Нижний Новгород: Нижегородская коммуна, 1927. С. 4-5.
[95] Там же. С. 39.
[96] Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 87.
[97] Там же. С. 90.

Мнение Рыкачева о «средней линии» отчасти нашло воплощение в действительности, как можно убедиться на примере повести «Финикийский корабль» В. Яна (Янчевецкого, 1875-1954), но и в ней автор не сумел полностью уйти от «индивидуального мировосприятия», от своего мировоззрения, находящего отражение в поступках и рассуждениях главных героев.

В 1932 г. был издан роман «Агентство Пинкертона» Лидии Гинзбург (1902-1990). В его третьей главе рассказывается о музее Ната Пинкертона: «Книги и целые серии, рисующие деятельность короля сущиков, широко распространены повсюду, не исключая даже России. В столице Российской империи, городе Санкт-Петербурге, издательство «Развлечение» посвятило сыщикам свыше трехсот выпусков, с общим тиражом от пяти с половиной до шести миллионов экземпляров»[98]. Ссылаясь далее на этот же фрагмент «Агентства Пинкертона», М.А. Черняк справедливо пишет: «В иронически-пародийном произведении, в котором можно обнаружить маркеры авантюрных романов, Л. Гинзбург пытается объяснить причину тотальной вездесущности масскультового события, живучесть «пинкертоновщины» не только в начале XX в., но и в 1920-е гг.»[99]. Черняк резюмирует: «Л. Гинзбург, так же как и К. Чуковский, иронически показывает механизм рождения мифа, унифицированность запросов и вкусов читателя. Доступность способов презентации любой идеи, характерная для этой литературы, нивелирует как понятие авторства, так и понятие национальной специфики литературы»[100].

Но неужели с 1918 по 1933 годы в русской приключенческой прозе господствовали исключительно произведения в жанре «красный Пинкертон», романы о революционных событиях и эпигоны? Отнюдь! Были, допустим, книги «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923) Владимира Арсеньева (1872-1930), основанные на его экспедициях. С.Я. Маршак на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году так отозвался о них: «Возьмите хотя бы путешественника Арсеньева, никогда не принадлежавшего к

[98] Гинзбург Л.Я. Агентство Пинкертона. М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. С. 26.
[99] Черняк М.А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 69.
[100] Там же. С. 70.

цеху профессиональных писателей, но оставившего и детям и взрослым книгу, которая является образцом художественно-документальной прозы»[101]. То есть, хоть книги Арсеньева иногда и позиционируются как приключенческая литература, перед нами все-таки художественно-документальные тексты.

В это время выходили и историко-приключенческие произведения — те же «Капитан Джемс Кук» (1927), «Навстречу гибели: Повесть о плаваньи и смерти капитана Ла-Перуза» (1929), «Один среди людоедов» (1930) и «Путешествие капитана Крузенштерна» (1930) Николая Чуковского (1904-1965)[102]. Но чаще всего эти вещи, пусть некоторые из них и стали популярны, как произведения Чуковского, позже вошедшие в его авторский сборник «Водители фрегатов» (1941), не привносили ничего принципиально нового в жанр — ни по поэтике, ни по мировоззрению. И всё же были книги, выделяющиеся с точки зрения тем и подходов — к примеру, повести «Черные паруса» (1927) Бориса Житкова (1882-1938) и «Беруны» (также изд. под названием «Русские робинзоны», первая редакция — 1933 г., вторая — 1935 г.) Зиновия Давыдова (1892-1957).

Борис Житков, не понаслышке знавший морскую долю, в своих морских рассказах продолжал традиции маринистики и в первую очередь Константина Станюковича (1843-1903), автора сборника «Морские рассказы» (1888), повестей «Вокруг света на “Коршуне”» (1895-1896), «Похождения одного матроса» (1899-1900) и др. На это указывает и А. Покровская в работе «Основные течения в современной детской литературе» (1927): «Житков вместе с Новиковым-Прибой вносит в новую русскую детскую книжку элемент морской бывальщины, чрезвычайно слабо разработанный в старой детской литературе (один Станюкович)»[103]. С.Я. Маршак высоко ценил творчество Житкова, так он говорил о нем еще в 1934 году: «Сейчас у нас есть такие писатели, как Борис Житков, автор смелых и свободных морских рассказов»[104].

---

[101] Маршак С.Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934. С. 22-23.
[102] Названия произведений Н. Чуковского даны по первым изданиям, с сохранением оригинальной орфографии.
[103] Покровская А. Основные течения в современной детской литературе. М.: Работник просвещения, 1927. С. 19.
[104] Маршак С.Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934. С. 34.

Повесть «Черные паруса» Житкова, опубликованная издательством «Радуга» в 1927 году, рассказывает о казаке Грицко, угодившем во время набега в плен к туркам, которые, впрочем, быстро продали его венецианскому купцу. События разворачиваются в XVII веке. Интересен жанр произведения, дело в том, что перед нами историко-приключенческо-техническая повесть, в издательском предисловии к сборнику «Морские рассказы» (1935) говорится о «Черных парусах»: «Но, развертывая картину корабельного быта средневековья, галерной каторги и т.д., автор переплетает свой рассказ с подробным описанием старинных парусных судов различного типа, устройства парусов, средневековых портов и т.д. Как раз эти описания и составляют основное содержание книги, благодаря чему историческая повесть становится историко-технической»[105].

Нельзя не сказать и о стиле автора, на который сразу обратили внимание литературные критики. Е. Привалова и И. Халтурин в 1928 году так отзывались об особенностях его прозы в заметке о втором издании 1925 г. его сборника «Злое море» (впервые вышел в 1924 г.): «Автор не любит тратить лишних слов. Он пишет сжато, живо и ярко»[106]. Гораздо позже, уже в 1957 году, Лидия Чуковская подмечала: «Сила его стиля в великолепном воспроизведении всякой сноровки, удальства, быстроты, хватки»[107]. В. Бианки так отзывался о Житкове: «У Бориса Степановича было органическое чутье русского языка»[108].

«Черные паруса» — одна из жемчужин в творчестве Житкова. Светлана Малая в рецензии на современное переиздание повести обращает внимания на еще одну ее отличительную черту: «Живописный, притом лаконичный язык вообще свойствен Житкову, а здесь ещё он богат на сравнения и метафоры»[109]. Малая приводит несколько примеров, но тут дам другой, не менее характерный: «Фелюга стояла на берегу. Кольями она была подпёрта в борта и сверху прикрыта

---

[105] [Предисловие] // Житков Б. Морские рассказы: сборник. М.: Детгиз, 1935. С. 4.
[106] Привалова Е., Халтурин И. Что мне читать? Указатель литературы для детей старшего возраста. Л.: Прибой, 1928. С. 55.
[107] Чуковская Л. Борис Житков // Пионер. 1957. №9 (сент.). С. 61.
[108] Бианки В.В. Борис Степанович Житков и его литературное наследие // Бианки В.В. Собр. соч.: в 4 т. Л.: Детская литература, 1976. Т.4: Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. С. 222.
[109] Малая С. Борис Житков. Чёрные паруса: [Рец. на «Чёрные паруса», изд. «Мелик-Пашаев», 2017] // Библиогид. [Электронный ресурс] URL: https://bibliogid.ru/knigi/tematicheskie-obzory/2315-boris-zhitkov-chjornye-parusa (дата обращения: 9.02.2023).

парусом, чтоб не рассохлась на солнце. Спала, как под простынёй. Парус навесом свешивался с борта. В тени его лежали арабы. Они спали, засунув головы под самое пузо сонной фелюги — как щенки под маткой»[110].

В произведении особое место уделено не только кораблям, но и религии. Большое впечатление производит эпизод, в котором моряки просят ветра у статуи святого Антония, покровителя путешественников, чтобы оторваться от замеченных вдалеке пиратских судов. Когда он не посылает им ветра, моряки начинают роптать, прикручивают статую к мачте и принимаются осыпать ее бранью, грозятся даже окунуть в воду. В итоге ветер поднимается, да еще какой! Капитан шутит: «Кажется, чересчур напугали Антония. Эти разбойники и скрягу заставят раскошелиться»[111]. Что же касается цвета парусов, то в повести красными парусами герои требуют боя, черные паруса используют для незаметности ночью, а белые ставят на подходе к Венеции вместе с парадным флагом.

Образовательный элемент свойственен и ряду других приключенческих текстов этого периода. Е.П. Сошкин в статье «Русский модернизм и палеофантастика» (2020) подчеркивает оригинальность романа «Кремень и кость» (1931) Евгения Лундберга (1883-1965): «Произведение смело-оригинальное по своим нарративным характеристикам, «Кремень и кость» не умещается в беллетристический стандарт»[112]; Сошкин указывает, что первая из двух частей романа «балансирует на границе между fiction и non-fiction»[113], а во второй «действие становится более «романным», появляется напряженная интрига»[114]. Из книги Лундберга читатели могут получить представление о жизни наших далеких предков, о том, какими инструментами они пользовались и пр. Действительно, роман «Кремень и кость» Лундберга — любопытный образец жанра, однако не лишенный недостатков. В нем этнографическая составляющая превалирует над

[110] Цит. по изд.: Житков Б. Чёрные паруса: повесть. М.: Издательство «Мелик-Пашаев», 2017. С. 99.
[111] Там же. С. 44.
[112] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55. [Электронный ресурс] URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения: 9.09.2023).
[113] Там же.
[114] Там же.

художественной, по литературному уровню он уступает ряду ранее опубликованных произведений, в которых авторы с большим мастерством изобразили сцены первобытной жизни, тщательнее проработали характеры главных героев и т.д., — тем же «Борьбе за огонь» (1909) Ж.-А. Рони-старшего, «Жертвам дракона» (1909) В.Г. Тана-Богораза, «Охотникам на мамонтов» Э. Шторха (1918; окончательная редакция 1937)[115] и др.

В 1933 году в издательстве «Советская литература» увидела свет первая редакция повести «Беруны» Зиновия Давыдова. Как пишет М.М. Полякова в «Краткой литературной энциклопедии»: «В основу сюжета положено действит. происшествие, описанное акад. П.-Л. Леруа в кн.: «Приключения четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицбергену бурею принесенных...» (рус. пер. 1772). Д. дает в романе картину социальных отношений России 18 в., рассказывает о тяжелой участи трудового человека»[116].

Повесть «Беруны» («Русские робинзоны») до сих пор переиздается, вызывает интерес как у простых читателей, так и у филологов. Ей посвящены статьи «Островной локус в повести З.С. Давыдова “Беруны”» (2015) Е.Ю. Ваенской, А.В. Давыдовой, М.В. Никитиной[117], «Семиотика поведения героев в пространстве Арктики (на материале повести З.С. Давыдова «Беруны») (2021) В.Е. Шаховой[118], «Арктический хронотоп в повестях З. Давыдова “Беруны” и К. Бадигина “Путь на Грумант”» (2022) Т.В. Швецовой и В.Е. Шаховой[119] и др. Однако немногие учитывают, что она существует в нескольких редакциях. Первая редакция 1933 г. была разобрана Алексеем Максимовичем Пешковым (Максимом Горьким). Об этом упоминает Л.Н. Иокар, ссылаясь на фрагменты приводимого ниже письма Пешкова, в статье «М. Горький и проблемы советского

---

[115] Роман «Охотники на мамонтов» Э. Шторха вырос из его же книги для молодежи «Člověk diluviální» (1907).

[116] Полякова М.М. Давыдов З.С. // «Краткая литературная энциклопедия» / гл. ред. А.А. Сурков / на сайте Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). [Электронный ресурс] URL: http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke2/ke2-4882.htm (дата обращения: 10.02.2023).

[117] Ваенская Е.Ю., Давыдова А.В., Никитина М.В. Островной локус в повести З.С. Давыдова «Беруны» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1 (53). С. 47-51.

[118] Шахова В.Е. Семиотика поведения героев в пространстве Арктики (на материале повести З.С. Давыдова «Беруны») // Litteraterra. Материалы IX Международной конференции молодых ученых. Вып. 15. Ч. 2. / гл. ред. И.А. Семухина. Электронное изд. Екатеринбург: [б. и.], 2021. С. 108-113.

[119] Швецова Т.В., Шахова В.Е. Арктический хронотоп в повестях З. Давыдова «Беруны» и К. Бадигина «Путь на Грумант» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 232-252.

исторического романа 20-х и начала 30-х годов (По материалам личной библиотеки писателя)»; Иокар рассказывает, как Пешков анализировал чужие произведения: «Горький неоднократно упрекал авторов исторических романов в многословии, растянутости, говорил о необходимости «почистить» язык (письма к З. Тулуб, А. Виноградову, З. Давыдову и др.); одновременно он отмечал во многих исторических произведениях бедность изобразительных средств, скупость описаний»[120]. Пешков в письме от 17 июля 1933 г. указал Давыдову на ряд недостатков, бывших в первой редакции «Берунов», главным из которых посчитал многословие и при несомненном наличии «изобразительной способности» как раз нехватку нужных слов для изображения «стихийности» северной природы, впечатлений героев и проч.: «…Вы понадеялись на обилие слов, не думая о их крепости и силе. С языком у Вас не все ладно»[121]. В 1935 году Давыдов издал переработку для старшего возраста «Берунов» («Русских робинзонов»), эта книга есть в библиотеке Горького, и на ней имеется такая дарственная надпись (Иокар в своей работе ее также приводит): «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому, по чьему совету роман «Беруны» переработан автором в книгу для детей, — в знак глубокого уважения и сердечной благодарности. Зин. Давыдов. Июнь. 1935»[122].

Учитывая замечания Пешкова, с которыми сложно не согласиться, первую редакцию «Берунов» («Русских робинзонов») нельзя счесть одним из сильнейших самобытных русским приключенческих текстов первой трети XX века.

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году С.Я. Маршак рассуждал о трудностях, с которыми сталкиваются писатели, сочиняющие исторические произведения для детей и подростков, о том, что им приходится сложнее, чем их предшественникам, бравшим «готовую идею казенно-идеалистического образца, тысячу раз уже использованную,

---

[120] Иокар Л.Н. М. Горький и проблемы советского исторического романа 20-х и начала 30-х годов (По материалам личной библиотеки писателя) // Наследие М. Горького и современность / отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1986. С. 78-79.

[121] Пешков А. [Письмо А. Пешкова З.С. Давыдову от 17 июля 1933] // Горький М. Полное собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2022. Т.22, кн. 1. С. 100.

[122] Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание в двух книгах / ред. Л.П. Быковцева, А.М. Крюкова, сост. А.Д. Смирнова, М.М. Пешкова, Р.Г. Бейслехем. М.: Наука, 1981. Кн. 1. С.71.

разношенную, как старый башмак»[123]. Он говорил, что на наших авторах «лежит слишком ответственная задача: увидеть подлинные социальные причины событий и в то же время не обезличить истории»[124]. Первый Всесоюзный съезд советских писателей оказал значительное влияние на развитие приключенческого жанра в нашей стране, были написаны новые сильные книги, многие из которых не прошли незамеченными широкой публикой, к примеру, «Тайна двух океанов» (сокращенная версия вышла в 1938 г. в газете «Пионерская правда», первое книжное издание — в 1939 г.) Григория Адамова (Гибса, 1886-1945).

1.2. Специфика переходных текстов: от эпигонства к самобытности[125]

Русская приключенческая проза была вторична западной, и эта вторичность выражалась по-разному, будь то переосмысление, заимствование отдельных элементов или откровенное эпигонство. Так, роман «Робинзон Крузе» (1874) Александры Анненской (1840-1915) вдохновлен «Робинзоном Крузо» (1719) Даниэля Дефо, на что указывает и название. К началу XX века эпигонских произведений стало очень много — и они заняли прочное место на книжном рынке. Можно упомянуть те же романы «От океана к океану» (1901) Александра Красницкого (1866-1917), написанного на основе популярной в Европе книги «Как я пересек Африку» (1881) путешественника Алешандри Алберту да Роша ди Серпа Пинту (1846-1900), «Сокровище африканских гор» (1925) Александра Грина (Гриневского, 1880-1932), созданного по мотивам «Как я отыскал Ливингстона» (1872) Генри Мортона Стэнли (1841-1904), и «Наследство пирата» (первые главы были изданы в 1917 г., полностью — в 1925 г.) Л. Кормчего (Леонарда Пирагиса, 1876-1944). Правда, роман «Сокровище африканских гор» вторичен не только книге Стэнли, но и классическим зарубежным произведениям о поисках сокровищ, ведь, как справедливо пишет В. Ковский, у Грина «вместо

[123] Маршак С.Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934. С. 36.
[124] Там же. С. 36.
[125] Данный параграф является расширенной версией моей статьи «Русская приключенческая проза первой трети XX века: от эпигонства к самобытности» (2022).

рассказа о путешествии Ливингстона и Стэнли в глубь Африки, получилась история разорившегося миллионера, бродяги и искателя приключений Гента»[126]. Что же касается «Наследства пирата» Кормчего, то Ю. Абызов так комментирует его: «беззастенчивая перелицовка “Острова сокровищ”»[127]. Приводя тот же комментарий Абызова, Б. Хеллман соглашается с ним: «...действительно Кормчий открыто использует знаменитый английский роман в качестве подтекста и отправного пункта для своего сюжета»[128].

Любопытно, что через пять лет после революции, 2 декабря 1922 года, Лев Лунц на собрании «Серапионовых братьев» заявлял о необходимости учиться у западных мастеров массовой литературы. В статье «На Запад!» (1923) Лунц прямо призывал стать эпигонами, чтобы затем суметь создать нечто новое: «На Западе могучая фабульная традиция <…> Станем подражать — гимназистами младших классов — авантюрным романам: сперва рабски, как плагиаторы, потом осторожно — о, как осторожно! — насыщая завоеванную фабулу русским духом, русским мышлением, русской лирикой. Вы скажете: мы будем тоже эпигонами. Да, но эпигоны чужой литературы — начинатели нового теченья в своей родной»[129].

И всё же в первой трети XX века существовали сильные, самобытные работы, авторы которых стремились сказать новое слово в приключенческом жанре, та же дилогия «Доктор Черный» Александра Барченко (1881-1938), в которой оккультизм рассматривался как наука. А между многочисленными откровенно эпигонскими и редкими самобытными книгами были переходные тексты, то есть работы, которые невозможно отнести к эпигонским в силу наличия в них самобытных черт, но и нельзя считать подлинно самобытными, так как в них слишком много заимствований из трудов предшественников.

---

[126] Ковский В. Романтический мир Александра Грина. М.: Наука, 1969. С. 88-89.
[127] Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге, 1918-1944. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2006. С. 103.
[128] Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): сборник статей / сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 42.
[129] Цит. по изд.: Лунц Л. На Запад! // Лунц Л. Обезьяны идут. СПб.: Инапресс, 2003. С. 350.

Если говорить о детективно-приключенческом жанре, то в первую очередь следует назвать таких мастеров, как Петр Орловец (Дудоров), выпустивший сборник «Похождения Шерлока Холмса в Сибири» (1909), роман «Воскресший Каин. Похождения Шерлока Холмса против Золотой Ручки» (1909) и др., и П. Никитин, издавший сборники «Новейшие приключения Шерлока Холмса в России. Из записок знаменитого сыщика» (1908), «Воскресший Шерлок Холмс в России» (1908) и др. Причем ряд исследователей, включая А. Шермана, допускают возможность того, что П. Никитин — коллективный псевдоним. Шерман пишет: «Отсюда необъяснимая забывчивость П. Никитина, сюжетные нестыковки и повторы, смена нарративной стратегии и вторжение чуждых (мистических) элементов»[130]. М. Жиркова отмечает в статье «Русский Шерлок Холмс и его авторы: П. Никитин»: «…герои Никитина мало похожи на живых людей, они, скорее, выполняют определенные функции. В данном случае хроникера / летописца и помощника в лице Ватсона и детектива в лице Холмса. Конечно, велика значимость имен героев Дойла, но их можно заменить любыми другими, что никак не отразится на содержании рассказов. <…> Тем не менее, рассказы остаются привлекательными для любителей детективов: интересно узнавать исходные сюжеты, угадывать способ преступления и преступника по отсылкам к детективным традициям и первоисточникам»[131].

Если же обратить взор на подобные переходные тексты с ярко выраженной приключенческой составляющей, то здесь характерными примерами являются романы «Капитан корабля “Дедалуса”» (1902), также выходивший под названием «Капитан “Дедалуса”», и «Сокровище Родины» (1903) Михаила Волконского (1860-1917), «Под знаменем “Башмака”» (1906) Ал. Алтаева (Маргариты Ямщиковой, 1872-1959), «Остров Погибших Кораблей» (1926) Александра

[130] Шерман А. Загадка Никитина: [Послесловие] // Никитин П. Приключения Шерлока Холмса в России: в 2 т. / сост., подготовка текста и послесловие А. Шермана. Электронное изд. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. Т.2: Черный ворон. С. 196.
[131] Жиркова М.А. Русский Шерлок Холмс и его авторы: П. Никитин // Art logos (Искусство слова). 2017. №2. С. 45.

Беляева (1884-1941 или 1942[132]), «Плутония» (1924) и «Земля Санникова» (1926) Владимира Обручева (1863-1956).

Михаил Волконский к началу XX века уже был известным писателем, его исторические романы пользовались популярностью: «Мальтийская цепь» (1891), «Кольцо императрицы» (1896) и др. Вероятно, откликаясь на массовый запрос, он решил в 1900-е годы выпустить несколько чисто приключенческих вещей, творчески переработав штампы жанра и привнеся национальный колорит, русское мировоззрение. Сам он с теплотой отзывался о приключенческой прозе, которую именовал «романами действия». В первых строках «Сокровища Родины» он пишет: «...романы действия, где события часто сходятся с вымыслом, и запутанная завязка, полная таинственности, отвлекает нас от действительности и житейских мелочей. Многие находят такие произведения ненужными и лишними, требуют, чтоб им описывали только окружающую их повседневную жизнь <…> но и произведение, полное загадочной поэзии, отвлекающее нас от действительности, даже сказка, в которой соблюдена художественная правда, являются такими же детищами литературы, и отвергать их вовсе — значит отымать у человечества фантазию, необходимую для творчества»[133].

«Капитан корабля “Дедалуса”», вышедший в журнале «Вокруг света» №№ 1-31 за 1902 год, — одна из первых попыток не просто использовать штампы жанра, но и создать отечественный приключенческий роман. Николай Александрович Гринёв, прибыв в Порт-Саид, знакомится с некой загадочной женщиной и в итоге опаздывает на корабль. С этого и начинаются его приключения. Динамичный сюжет, насыщенный крутыми поворотами, строится вокруг противостояния благородного Гринёва и мерзавца Сарматова, не только выдающего себя за Гринёва в корыстных целях, но и похитившего женщину, вымогающего деньги с ее мужа, а ее саму вознамерившегося продать индусам, чтобы они могли поступить с ней как пожелают.

---

[132] Обычно датой смерти А.Р. Беляева указывают 6 января 1942 года, однако литературовед Зеев Бар-Селла (урожд. В.П. Назаров) убедительно доказал, что А.Р. Беляев умер «*не позднее 23 декабря*» 1941 года. См.: Бар-Селла З. Александр Беляев. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 373.

[133] Цит. по изд.: Волконский М.Н. Сокровище Родины // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. М.: Миллиорк, 2017. С. 9.

Волконский прибегает к часто встречающимся в жанре сюжетным ходам — на судно нападают дикари, покупатели женщины оказываются поклонниками богини Кали, желающими принести ее в жертву, и т.д., но он старается привнести нечто новое. К примеру, тут есть подводная лодка, вот только она значительно отличается от судна из романа «Двадцать тысяч лье под водой» (1870) Жюля Верна (1828-1905), она небольшая, в ней могут более-менее комфортно разместиться лишь двое взрослых мужчин: «Я вспомнил, как увлекался в детстве фантастическим описанием в романе Жюля Верна подводного корабля «Наутилуса» с его капитаном Немо, и странно мне было испытывать теперь в действительности подводное путешествие. Правда, эта действительность сильно разнилась от фантазии романиста. Здесь не было роскошных отделений «Наутилуса» с его столовой, спальнями, чудовищным машинным отделением и огромным стеклом, через которое капитан Немо любовался жизнью дна морского. Я сидел в маленькой каюте, где было сосредоточено всё управление «Дедалуса», и она же служила для нас единственным помещением»[134]. А еще это судно может не только плавать под водой, но и летать, как выясняется ближе к финалу романа.

Волконский старается объяснить, чем русские отличаются от европейцев, в первую очередь англичан. Так, один из бедных жителей Коломбо говорит: «Джуди любит русских. Они добрые. Когда приходит русский пароход, они много дают денег. А инглиз считает сингалеза за крысу. Инглизы злые»[135]. При этом главным врагом Гринёва все-таки является не англичанин, как можно было бы предположить, а опять же русский, чем Волконский подчеркивает: не все русские хорошие, добрые люди. Любопытен один из способов, которым Гринёв должен опознать Сарматова, коего до этого никогда не видел: «…выдаст его русский язык. Он не утерпит, чтобы при первом же случае не выругаться по-русски»[136].

Несмотря на местами ироничный тон повествования, перед нами серьезная попытка написать роман в традиции западной приключенческой прозы, привнеся

[134] Цит. по изд.: Волконский М.Н. Капитан «Дедалуса» // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. М.: Миллиорк, 2017. С. 414-415.
[135] Там же. С. 433.
[136] Там же. С. 417.

русские национальные черты. Но в «Капитане корабля “Дедалуса”» при всех его достоинствах слишком много штампов не только жанра приключений, но и «пинкертоновщины», те же поиски сбежавшего негодяя Сарматова, чтобы можно было причислить его к лучшим образцам русской приключенческой прозы.

Еще более нетипичным получился роман «Сокровище Родины» Волконского, впервые вышедший в журнале «Вокруг света» №№1-49 за 1903 год. Речь идет о приключениях выучившегося на филолога Николая Ивановича Урвича. Дело в том, что Урвича «тянуло неудержимо вдаль, ему хотелось повидать чужие страны и чужих людей»[137]. Он в Одессе берет билет до Владивостока, до которого, правда, ему так и не суждено будет добраться. На корабле судьба сводит его с французом Дьедонне, который в какой-то момент предлагает ему отправиться за сокровищами на Остров Трех Могил.

Автор смело использует многочисленные литературные штампы — бунт на корабле, нападение чернокожих пиратов, индийские сокровища и т.д. Как в сказке, герой должен выдержать испытания огнем, воздухом, водой и землей, чтобы добраться до сокровищ, но главной наградой для него станет любовь прекрасной девушки, дочери князя Северного. Урвич каждый раз демонстрирует свои лучшие качества. При этом роман написан подчеркнуто иронично, по сути это пародия на приключенческую прозу, допустим, завязка с сокровищами на Острове Трех Могил и ряд событий на снаряженным в путешествие судне недвусмысленно отсылают к «Острову сокровищ» (1883) Р.Л. Стивенсона (1850-1894). И всё же в этом довольно ироничном повествовании есть серьезные размышления. Так, Дьедонне, как и бедный житель Коломбо из «Капитана корабля “Дедалуса”», нелестно отзывается об англичанах и их колониальной политике, что, вообще, нередко встречалось во французских и немецких приключенческих произведениях, к примеру, это ярко проявляется в антиколониальном романе «Нена Сагиб» (1859) Джона Ретклиффа (Германа Гёдше, 1815-1878). Дьедонне говорит: «Да вы назовите лжецом всякого, кто

[137] Цит. по изд.: Волконский М.Н. Сокровище Родины // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. М.: Миллиорк, 2017. С. 10.

скажет вам, что Англия — свободная страна. Хороша свобода, если целая Индия не что иное, как крепостные господ, населяющих Англию. Отымите этих крепостных и посмотрите, что останется от пресловутой свободы»[138].

Гринёв и Урвич, два положительных русских героя Волконского, наивны и благородны, они готовы на подвиги, если уверены в справедливости задуманного дела. Г. Пилиев отмечает в статье «Михаил Волконский и его “романы действия”»: «Читая произведения Михаила Волконского, можно без труда выявить его жизненные идеалы, увидеть, какие моральные ценности и человеческие качества он ценил и превозносил. Скромность, доброта, отзывчивость, смелость, неприятие алчности и гордыни, умение постоять за свою честь, уважение к женщине, любовь к Родине, уважение к истории и традициям своей страны, вера в Бога, следование Православию, убежденность в правоте монархического устройства страны»[139]. В этом выражается мировоззрение и Гринёва, и Урвича, и многих других положительных персонажей автора.

Более того, «Сокровище Родины» Волконского можно рассматривать как образец отечественных иронически-приключенческих романов, получивших особое распространение в 1920-е годы. М. Маликова в статье «Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа» (2010) разбирает ряд иронически-приключенческих текстов отечественных авторов, изданных в те годы под иностранными именами: «Красавица с острова Люлю» (1926) Пьера Дюмьеля (Сергея Заяицкого, 1893-1930), «Атлантида под водой» (1927) Ренэ Каду (Овадия Савича, 1896-1967, и Владимира Корвин-Пиотровского, 1891-1966) и др. Но следует учитывать, что еще до изучаемого Маликовой периода русскоязычные писатели сочиняли иронически-приключенческую прозу и выступали под псевдонимами, в том числе зарубежными, достаточно назвать «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (1833) Осипа Сенковского (1800-1858) и фантастико-приключенческий роман «Гроза мира» («Неведомый город») (1914) И. Де-Рока (Ивана Ряпасова, 1885-1955), выдержанный в манере Жюля Верна. Как

[138] Там же. С.23.
[139] Пилиев Г.К. Михаил Волконский и его «романы действия»: [Послесловие] // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. М.: Миллиорк, 2017. С. 480.

бы то ни было, Маликова справедливо указывает: «Псевдопереводной роман, конечно, является пародией (возможно, заказанной издательствами и властью) на советские переводы и подражания западной авантюрной беллетристике, в огромных количествах выходившие и потреблявшиеся при НЭПе. Однако ряд внешних этой прагматике черт, общих для всего круга этих произведений — сходный габитус авторов — профессиональных беллетристов второго ряда с дореволюционным опытом, перед которыми остро стояла необходимость найти для себя диспозицию в нэповском литературном поле; непропорционально большое число паратекстов; маркированная на всех уровнях текста его вторичность, мнимость и поддельность; сплошная ироническая интонация, становящаяся автонаправленной, — позволяют рассматривать псевдопереводной роман как разыгрывание позиции писателя, пытающегося компромиссно соединить «свободу» как «мастерство», оборачивающееся «условностью» заданного авантюрного жанра, с соблазном «нужного дела», борьбой «за право свое пребывать в рядах советских писателей» и просто с тем, что «есть надо было». При этом поддельный, компромиссный характер собственного литературного проекта и вообще положения в новом литературном поле, его «иностранность» преобразуются в доминанту текста»[140].

Отмечу, что еще до публикации работы М. Маликовой В. Бугров в 1970 году издал статью «…И выдумали самих себя!», посвященную псевдопереводным романам, которые он именовал «поддельными романами». Говоря об обилии переводной беллетристики в 1920-х гг., Бугров также считал, что «общий низкий уровень чтива <…> не мог не вызвать естественного протеста у людей, знакомых с классикой. Этот протест нередко выливался в форму пародии»[141].

Феномен псевдопереводных романов времен НЭПа весьма любопытен, однако эти работы сложно считать значимым явлением, в отличие от «красного Пинкертона» и написанной вне него самобытной русской приключенческой прозы. Фактически перед нами еще одна разновидность переходных текстов, ведь

---

[140] Маликова М.Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. №3 (103). С. 124-125.

[141] Бугров В. …И выдумали самих себя! // Уральский следопыт. 1970. №7. С. 77.

близкие по тональности иронически-приключенческие произведения к 1920-м годам были хорошо известны на Западе, и там они тоже стали ответом на засилье однотипных штампованных работ, достаточно назвать «Морских бродяг» (1907) Роберта Крафта (1869-1916).

В начале XX века появились не только иронически-приключенческие романы, но и историко-приключенческие романы-агитки, включая «Под знаменем “Башмака”» Ал. Алтаева (Маргариты Ямщиковой). Роман «Под знаменем “Башмака”» впервые увидел свет на страницах журнала «Юный читатель» №№2 и 4 за 1906 г., после революции выдержал ряд переизданий. В романе речь идет о крестьянских восстаниях в 1520-е годы. Это ярко выраженная агитка, с критикой «князей и попов», позже, уже в советские годы, вышло немало подобных историко-приключенческих книг-агиток, толчком к его написанию, вероятно, послужил роман «За свободу» (1898) Роберта Швейхеля (1821-1907), с которым у романа Алтаева (Ямщиковой) много общего, что доказала в критическом разборе Монахиня Евфимия[142]. Впервые роман «За свободу» Швейхеля был опубликован на русском в сокращенном переводе О. Анасовой в 1905 г., на него даже вышла рецензия в журнале «Русская мысль» №8 за 1906 год[143].

Критика капитализма прослеживается и в романе «Остров Погибших Кораблей» А. Беляева, написанного в духе западной приключенческой прозы, что и не удивительно, учитывая историю его создания. Виктория и Патрис Лажуа пишут в предисловии к французскому изданию романа 2015 г., что «Остров Погибших Кораблей» «был не чем иным, как адаптацией фильма Мориса Турнёра «The Isle of Lost Ships» (1923) <…> являющегося в свою очередь адаптацией романа Криттендена Марриотта «The Isle of Dead Ships» (1909, на французском «Остров пропавших кораблей»)...»[144] *(Перевод мой — С.Н.)* Далее Лажуа утверждают: «Фактом остается, что этот роман является плагиатом фильма

[142] Евфимия Монахиня. Под знаменем «Башмака» // Новая Либерея. О книгах с любовью. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=usmtcxGXY6o (дата обращения: 12.12.2022) (РКН: сайт YouTube нарушает закон РФ).
[143] [Рец. на роман «За свободу» Р.Швейхеля] // Русская мысль. 1906. Кн. VIII (авг.), библиографич. отд. С. 197-201.
[144] Lajoye V., Lajoye P. Alexandre Beliaev et les littératures populaires d’Occident: [Предисловие] // Beliaev A. L’Île des navires perdus. Lisieux: Lingva, 2015. Pp. 7-8.

Турнёра: плагиат признан при его первоначальной публикации, предварявшейся редакционной заметкой с откровенным указанием, что это «вольный перевод» американского фильма»[145]. *(Перевод мой — С.Н.)*

И правда, перед началом «Острова Погибших Кораблей» Беляева во «Всемирном следопыте» №3 за 1926 год идет краткая заметка, в которой сказано, что теперь «литераторы заимствуют сюжеты для повестей и романов из кино-картин и сценариев. Кино, таким образом, отдает свой долг литературе. Рассказ А. Беляева «Остров Погибших Кораблей» является «вольным переводом» фильмы того же названия»[146]. Но «Остров Погибших Кораблей» не просто новеллизация, автор привнес в него много нового, в том числе элементы советского мировоззрения. Лажуа пишут, что «он старается добавить сильную социальную значимость — и, следовательно, где-то критикует капиталистический Запад. Персонаж сыщика, например, далеко не в самой красивой роли: его страсть, его мотивация не справедливость, а деньги. Ясно, что настоящий герой этого романа — Гатлинг, обвиняемый в убийстве, человек, работающий в судостроении. Тут, несомненно, есть советские штрихи, присущие «Острову Погибших Кораблей». И чтобы еще больше выделить это, Беляев добавляет подсюжеты, существенно расширяет сюжет фильма: всё это в итоге порождает оригинальное произведение, которому нечего завидовать его образцу»[147]. *(Перевод мой — С.Н.)*

Романы «Плутония» и «Земля Санникова» Владимира Обручева тоже хорошо известны, они сразу же привлекли внимание как простых читателей, так и литературных критиков. К. Козьмина следующим образом отозвалась о романе «Земля Санникова, или Последние онкилоны» на страницах журнала «Сибирские огни» №2 за 1927 год: «Книга читается легко и по обилию научных данных будет ценным вкладом в научно-художественную беллетристику, особенно для юных читателей»[148]. Писали об этих романах и ученые — так, Николай Серебренников

---

[145] Там же. P. 8.

[146] [Заметка от редакции о фантастическом кинорассказе «Остров Погибших Кораблей» А. Беляева] // Всемирный следопыт. 1926. №3. С. 3.

[147] Lajoye V., Lajoye P. Alexandre Beliaev et les littératures populaires d’Occident: [Предисловие] // Beliaev A. L’Île des navires perdus. Lisieux: Lingva, 2015. Pp. 8-9.

[148] Козьмина К. [Рец. на роман «Земля Санникова или последние онкилоны» В. Аф. Обручева] // Сибирские огни. 1927. №2. С. 240.

отмечает: «…только в 1924 году Обручев надумал опубликовать роман «Плутония» (1915), фантастический, но более правдоподобный, нежели «Путешествие к центру Земли» Жюля Верна <…> В 1924 году Обручев завершил научно-фантастический роман «Земля Санникова». Поводом к его созданию опять послужило недовольство: Карел Глоух в романе «Заколдованная земля» поместил оазис с первобытными людьми и мамонтами в Гренландии, а такого быть не могло б, поскольку ледники там движутся. Сюжетом Обручев избрал поиск таинственного острова в море Лаптевых, виденного в 1811 г. полярными исследователями Я. Санниковым и М. Геденштромом, и в 1886-м фиксированного Э.В. Толлем»[149]. Подробнее о реальных поисках Земли Санникова говорится во многих трудах, включая статью «Двойники Земли Санникова» С.Б. Удалина[150].

Но Серебренников не первый указал на произведения, вдохновившие Обручева, сам Обручев признавался в работе «Как возник замысел «Плутонии» (из воспоминаний)»: «Я перечитал роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», прочитанный еще в детские годы, и заметил в нем теперь большие геологические несообразности, дающие читателям ошибочные сведения. <…> Мне захотелось написать более правдоподобный с геологической точки зрения фантастический роман и познакомить читателя с животными и растениями, обстановкой жизни на Земле в минувшие эпохи...»[151]

Что же касается «Земли Санникова», то З. Ингирев еще при жизни Обручева, в 1948 г., опубликовал брошюру «Творческий путь В.А. Обручева», в которой так рассуждал об этом романе: «Замысел его возник из случайного чтения бездарного романа какого-то автора <…> Путешественники неожиданно оказались у огромной пропасти среди льдов, спустились вниз и нашли на дне пышную растительность и первобытных людей. Бросалась в глаза беспомощность вымысла. Кто же не знает, что ледники всегда перемещаются по уклону,

---

[149] Серебренников Н. Владимир Обручев: [Послесловие] // Обручев В. Избранное. Томск: Томская писательская организация, 2015. С. 299.

[150] Удалин С.Б. Двойники Земли Санникова // Горизонт. 2023. №9 (47). [Электронный ресурс] URL: https://astra-nova.org/issues/horisont/n047/сергей-удалин-двойники-земли-саннико/ (дата обращения: 30.12.2024).

[151] Цит. по изд.: Обручев В.А. Как возник замысел «Плутонии» (из воспоминаний) // Обручев В.А. За тайнами Плутона / сост. и авт. сопроводит. текста А.В. Шумилов. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 133-134.

непрерывно рассекаются трещинами. Не могло существовать среди гренландских льдов устойчивой рытвины таких колоссальных размеров. И все же, сердцевина наивного сочинения была совсем неплоха»[152].

Спустя десять лет, в 1958 году, в очередном переиздании «Плутонии» и «Земли Санникова» появилось послесловие Георгия Гуревича, в котором уже можно найти название упомянутого Ингиревым романа и имя его автора: «Снова отправным толчком служит прочитанный роман. На этот раз «Заколдованная земля» чешского писателя Карла Глоуха»[153].

Между «Путешествием к центру Земли» (1864) Ж. Верна и «Плутонией», а также «Заколдованной землей» (1910) К. Глоуха (1880-1957) и «Землей Санникова» правда много общего. И дело не только в сюжете. Это ярко выраженные произведения «жюль-верновского» типа, то есть с подчеркнуто научным мировоззрением. Следует, однако, отметить, что романы Обручева — это в первую очередь проза ученого, Обручев полемизировал со своими предшественниками, усилил научную составляющую.

Упомяну еще вот что: в первом издании роман «Плутония» публиковался без сокращений и редакторских купюр, в дальнейшем он неоднократно правился. То есть первая редакция 1924 года самая полная. Алексей Караваев сравнил разные версии романа в статье «Возвращение “Плутонии”» (2022)[154].

Таким образом, русские писатели отзывались на веяния времени, находились под влиянием западных образцов, шедевров жанра, массового запроса и идеологического заказа, но даже в этих непростых условиях зачастую искали свои пути — с разной степенью успешности. Некоторые созданные ими произведения до сих пор представляют интерес не только как документы эпохи для исследователей, но и как увлекательная литература для массового читателя.

---

[152] Ингирев З. Творческий путь В.А. Обручева. М., Л.: Госгеолиздат, 1948. С. 42-43.

[153] Гуревич Г. О романах В.А. Обручева «Плутония» и «Земля Санникова»: [Послесловие] // Обручев В.А. Плутония. Земля Санникова. М.: Детгиз, 1958. С. 637.

[154] Караваев А. Возвращение «Плутонии»: [Послесловие] // Обручев В. Плутония. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 386-394.

1.3. Художественное своеобразие русской подростковой приключенческой прозы первой трети XX века[155]

В начале XX века, в сложный период для России, на страницах художественных произведений высказывались разные точки зрения на царизм, некоторые авторы во всем поддерживали власть, другие, не вступая в прямую конфронтацию, указывали на недостатки существующего строя. К числу писателей, в чьих трудах прослеживается восторженное отношение к действующей царской власти, принадлежит Лидия Чарская, автор книг для детей. Некоторые произведения Чарской написаны в приключенческом жанре, подробно рассмотрим «Смелую жизнь», одну из ее лучших повестей.

Впервые «Смелая жизнь» была опубликована в журнале «Задушевное слово» №№1-52 за 1905 год. «Смелая жизнь» основана на «Записках кавалерист-девицы» (1836) Надежды Дуровой, а также в целом на биографии Дуровой. Надо сказать, что к тому времени уже вышли несколько книг об этой отважной девушке, хорошо осознающей свою женскую сущность, но вынужденной в те годы выдавать себя за мужчину, чтобы послужить Родине: «Двенадцатый год» (1879) Даниила Мордовцева (1830-1905), «Кавалерист-девица» (1898) Дмитрия Дмитриева (1848-1915) и др.

В. Приходько подчеркивает в статье «Скачи, мой конь, во весь опор...»: «Чарская, в силу многих причин далекая от политической оппозиции, писала «Смелую жизнь» на фоне взбаламученного моря надвинувшейся первой русской революции 1905 года, которая грозила затопить страну в волнах народного гнева. Девочкой-подростком она, возможно, была очевидцем торжественного посещения монархом (Александром III) института, где училась, и невольно объединила верноподданнические чувства «кавалерист-девицы» со своими»[156]. Чтобы напомнить о патриотизме читателям, Чарская показала через призму восприятия

---

[155] Данный параграф является расширенной версией моей статьи «Мировоззренческие аспекты русской подростковой приключенческой прозы начала XX в.» (2023).

[156] Цит. по изд.: Приходько В. «Скачи, мой конь, во весь опор...»: [Предисловие] // Чарская Л. Смелая жизнь. М.: Детская литература, 2018. С. 9-10.

Дуровой и Русско-прусско-французскую войну 1806-1807 гг., и Отечественную войну 1812 года.

Н.Н. Пуряева замечает в работе «Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице»: «Тема девичьей судьбы — центральная в творчестве Чарской, и в этом смысле ее обращение к сюжету о Дуровой вполне закономерно. «Смелая жизнь» — типичное дидактическое произведение с определённой читательской аудиторией — подростки. Характер главный героини обозначен очень четко и односторонне — патриотка своей родины. Вектор ее восприятия задан в самом начале повести: ролевой моделью для Дуровой является Жанна Д'Арк <…> Факт наличия у Дуровой семьи Чарская предсказуемо игнорирует, она придерживается канвы «Записок» и романа Мордовцева, даже заимствует у него некоторые детали, которые работают на героизацию образа. Таким образом, глубокого анализа внутренних причин поступков Дуровой в повести нет, все происходящее представлено как восторженный патриотический порыв, своего рода образец того, как надо любить Родину»[157]. Далее Пуряева резюмирует: «В итоге литературный образ Дуровой окончательно отрывается от своего прототипа, утрачивает черты реального человека <…> Повесть Чарской — первое произведение, в котором ведущей в представлении героини становится *дидактическая идея*»[158].

На несоответствие отдельных эпизодов «Смелой жизни» Чарской реальным событиям указывает и Е.О. Шацкий: «В воспоминаниях Надежды Дуровой есть сюжеты, выбивающиеся из идеальных представлений о фронтовом братстве. Дважды Н. Дурова стала жертвой казаков: один раз — продали ее коня, другой — во время сна украли конскую упряжь. Л.А. Чарская не включила эти эпизоды в повесть»[159]. У Чарской Дурова иначе лишается коня: он, ускакав от хозяйки, гибнет, напоровшись на плетень: «Там, на плетне, тяжело опустившись на острые колья, трепетало в конвульсиях обезображенное тело ее несчастного Алкида…»[160]

---

[157] Пуряева Н.Н. Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 227.
[158] Там же. С. 227.
[159] Шацкий Е.О. Патриотический потенциал повести Л.А. Чарской «Смелая жизнь» // Начальная школа. 2010. №3. С. 98.
[160] Цит. по изд.: Чарская Л. Смелая жизнь. М.: Детская литература. 2018. С. 208.

В «Смелой жизни» интересна реакция сослуживцев Дуровой на то, как их товарищ переживает из-за смерти коня:

«В тот же вечер глубоко растроганный Галлер говорил своему эскадрону, собравшемуся на молитву:

— Ребята! Наш юный приятель Дуров достоин теперь еще большего уважения. Сколько любви и преданности обнаружил он к своему злосчастному коню!.. Каждый истинный кавалерист должен чувствовать такую именно привязанность к лошади. Конь и кавалерист — это одно целое и на войне, и в походе… Честь и слава молоденькому товарищу за его неподкупную привязанность к коню!..

А молоденький товарищ бился в это время в нервном истерическом припадке на руках своего друга — Вышмирского»[161].

Разумеется, всякий кавалерист переживал бы из-за гибели любимого коня, возможно, даже пустил «скупую мужскую слезу», но, если бы он стал биться в нервном истерическом припадке, вряд ли товарищи начали бы его за это больше уважать. Допустимы ли подобные преувеличения и искажения реальной истории в угоду сюжетным перипетиям? Грешат этим многие писатели приключенческого жанра, тот же Александр Дюма (1802-1870).

В. Приходько пишет: «Сегодня известно (и было, наверно, известно Чарской), что знака равенства между героиней «Записок» и автором все-таки нет, ее автобиография не документ, ведь чутье художника подсказало Дуровой: у предания своя правда, необязательно совпадающая с анкетной. Так, в действительности она оставила не отца с матерью, а мужа с ребенком, и не в шестнадцать <…> Чарская пошла за созданной Дуровой лирической легендой, разворачивая скуповатые эпизоды «Записок» в приключения в своем обычном духе, расстелила пышный ковер из радужных романтических цветов»[162].

В повести «Летят мои кони...» Борис Васильев рассуждал: «Если Григорий Петрович Данилевский впервые представил мне историю не как перечень дат, а

[161] Там же. С. 210.
[162] Цит. по изд.: Приходько В. «Скачи, мой конь, во весь опор...»: [Предисловие] // Чарская Л. Смелая жизнь. М.: Детская литература, 2018. С. 9.

как цепь деяний давно почивших людей, то другой русский писатель сумел превратить этих мертвецов в живых, понятных и близких мне моих соотечественников. <…> Я говорю о Лидии Алексеевне Чарской, чьи исторические повести — при всей их наивности! — не только излагали популярно родную историю, но и учили восторгаться ею. А восторг перед историей родной страны есть эмоциональное выражение любви к ней. И первые уроки этой любви я получил из «Грозной дружины», «Дикаря», «Княжны Джавахи» и других повестей детской писательницы Лидии Чарской»[163]. Вот и Е.О. Шацкий, анализируя труд Чарской, делает вывод: «Как видим, повесть «Смелая жизнь» воспевает чувство соучастливости в границах семьи и общества; ее чтение может помочь в воспитании чувств любви к Родине, уважения к ее защитникам»[164].

Прекрасное знание психологии подростков, особенно девочек, умелое использование исторических фактов и патриотической темы привело к популярности «Смелой жизни» Чарской — повесть выдержала несколько изданий в начале XX века, а с 1991 г. вновь и вновь переиздается и допечатывается. В советские годы ко всем трудам Чарской отношение было не столь теплое. На Первом Всесоюзном съезде советских писателей 1934 года С. Маршак говорил: «Убить Чарскую, несмотря на ее женственность и мнимую воздушность, было не так легко. <...> Но революция нанесла ей сокрушительный удар»[165].

На том же Первом Всесоюзном съезде советских писателей, приводя позже в пример то, как она в одной из повестей описывает убийство спящих врагов, К. Чуковский возмущался: «В 1910 г. нам, писателям, в том числе и мне, стало известно, что самый популярный и самый влиятельный из детских журналов «Задушевное слово» получил от военного министерства субсидию на пропаганду милитаризма среди малолетних читателей и многотысячную ссуду от министерства двора за прославление и популяризацию царской фамилии. <…> И

---

[163] Цит. по изд.: Васильев Б. Летят мои кони... // Васильев Б. Летят мои кони…: сборник. М.: Советский писатель, 1984. С. 169-170.

[164] Шацкий Е.О. Патриотический потенциал повести Л.А. Чарской «Смелая жизнь» // Начальная школа. 2010. №3. С. 99.

[165] Маршак С.Я. Содоклад С.Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 22.

Чарскую тоже нельзя трактовать (так ее трактуют теперь) как пошлую романтическую институтку. Чарская отравляла детей тем же сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств»[166]. Позиция Чуковского может показаться странной: из-за его нелюбви к царской России (а ведь другой и не было в годы написания большинства произведений Чарской!) в его рассуждениях идеология перебивает здравый смысл. Разве плохо призывать подростков любить свою Отчизну, быть готовыми умереть за нее в случае нужды? Конечно, нет!

К. Чуковский в целом негативно относился к творчеству Чарской, он писал в статье «Лидия Чарская»: «Что же это такое, обожаемая Лидия Алексеевна? Ведь не аппарат же вы в самом деле, а такой же человек, как и мы. Как же это случилось, что вы превратились в машину? Долго ли вам еще придется уныло и однообразно из году в год фабриковать по готовым моделям все те же ужасы, те же истерики, те же катастрофы и обмороки?»[167] Спустя многие годы, уже в 1991 г., В. Приходько так прокомментировал отношение Чуковского к прозе Чарской: «Читатель ошибется, решив, что мы устрашимся темы «Чарская и Чуковский». В своей острой, ядовитой статье «Лидия Чарская» (1912 г., ныне тоже страница нашей литературной истории), он, вопреки восторгам читательским, сосредоточил внимание на издержках ее нередко аффектированного стиля, на обилии экстремальных ситуаций. На театральности. На языковых несуразицах. Но его главный вывод — автор неискренен — не приблизил к пониманию того, каким образом Чарской, при всех этих недостатках, удалось пленить столько сердец»[168].

Приходько соглашается и с тем, что писательница искажает исторические факты: «Конечно же повесть Чарской тем более не документ. Скажем лишь самое важное. По некоторым страницам может сложиться впечатление, что Александр I руководил военными действиями русских войск. Было иначе: этот умный,

---

[166] Чуковский К.И. Речь К.И. Чуковского // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 180.

[167] Цит. по изд.: Чуковский К.И. Лидия Чарская // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 7: Литературная критика. 1908-1915. С. 309.

[168] Цит. по изд.: Приходько В. «Скачи, мой конь, во весь опор...»: [Предисловие] // Чарская Л. Смелая жизнь. М.: Детская литература, 2018. С. 7-8.

образованный, но нерешительный и болезненно самолюбивый монарх оказался плохим полководцем. И под давлением общественного мнения он назначил главнокомандующим Кутузова, а сам армию оставил. Но Александр I у Чарской («детское добродушие и кроткая нежность», «чистый, ясный взор», «великая душа», «гордый, прекрасный орел» и т.п.) не столько подлинное лицо, сколько лубок, наивно-утопическая греза о добром отце нации, олицетворяющем само Отечество»[169]. То есть прав Чуковский, когда говорит, что Чарская открыто пропагандировала любовь к царской России, в чем нередко и заключалось мировоззрение ее главных героев.

Впрочем, недостаток той же «Смелой жизни» Чарской не только в отклонении от историзма, но и в ее далеко не безупречном стиле, в подчеркнуто «слезливо-сахарных» эпизодах, как тот, где Надежда Дурова беседует с отцом, готовясь убежать из дома: «Но Андрей Васильевич не заметил нового волнения дочери. Он еще раз поцеловал смуглое личико и, не обернувшись, исчез за дверью. И хорошо сделал, что не обернулся. Его Надя, его бедный, милый «рябчик», стояла теперь на коленях перед креслом, на котором он только что сидел, и покрывала его старенькую кожаную обивку иступленными поцелуями, смешанными с беззвучными слезами…»[170]

Леонид Пантелеев рассказывал в очерке «Как я стал детским писателем» о своих впечатлениях от произведений Чарской. Читая их в детстве, он испытывал «сладкое упоение». Позже, уже став взрослым, он услышал от Маршака и Чуковского, что «Чарская — это очень плохо, что это нечто непристойное, эталон пошлости, безвкусицы, дурного тона»[171]. Тогда Пантелеев решил перечитать один из ее романов, теперь у него сложилось о нем иное мнение: «И вот я читаю эти ужасные, неуклюжие и тяжелые слова, эти оскорбительно не по-русски сколоченные фразы и недоумеваю: неужели таким же языком написаны и «Княжна Джаваха», и «Мой первый товарищ», и «Газават», и «Щелчок», и

[169] Там же. С. 9.
[170] Цит. по изд.: Чарская Л. Смелая жизнь. М.: Детская литература. 2018. С. 34.
[171] Пантелеев Л. Как я стал детским писателем // Детская литература. 1979. №11 (167). С. 16.

«Вторая Нина»?..»[172] Он не стал это проверять, признался: «Так и живут со мной и во мне две Чарские: одна та, которую я читал и любил до 1917 года, и другая — о которую вдруг так неприятно споткнулся где-то в начале тридцатых»[173].

И правда, до революции патриотические, дидактические книги Чарской, как и сейчас, пользовались спросом. Одним из авторов, придерживающихся более критического отношения к царизму, был плодовитый писатель и идеолог Леонард Юлианович Пирагис (1876-1944), также известный под псевдонимами Л. Кормчий, Л. Король-Пурашевич и др.

Бен Хеллман утверждает: «Каковы были темы дореволюционных детских книг Кормчего? Сразу надо сказать, что в дореволюционном творчестве будущего сотрудника «Правды» не встречается критики буржуазного менталитета и капиталистического строя общества, нет изображения классовой борьбы или разоблачения социального неравноправия и несправедливости»[174]. С точкой зрения Хеллмана нельзя полностью согласиться. Невзирая на то, что далеко не все произведения для юношества Кормчего содержат критику существующего строя, она все-таки присутствует в некоторых его работах, как будет наглядно показано на примере повести «Путешественники» (1908).

Всё тот же Хеллман заявляет: «Как детский писатель Кормчий до Октябрьской революции не отличался от многих своих коллег, его темы были сквозными для тогдашней русской детской литературы. <…> Если читатели не в достаточной мере обращали на него внимание, то причина проста — как писатель Кормчий был посредственностью»[175]. Такое же скептическое отношение к книгам Кормчего высказывает и Юрий Абызов в работе «А издавалось это в Риге, 1918-1944»: «Л. Король-Пурашевич до революции подвизался в Петербурге в качестве

---

[172] Там же. С. 16.
[173] Там же. С. 16.
[174] Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): сборник статей / сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 26-27.
[175] Там же. С. 27.

детского писателя и журналиста невысокого полета. Перенес в Ригу все самое дурное, чем была отмечена петербургская бульварная печать»[176].

Однако писатель и издатель В.Ф. Бутлер более лестно отзывался о его работах, в 1931 году он говорил в статье «Четверть века в литературном строю (К 25-летию литературной деятельности Л. Кормчего)», опубликованной в качестве предисловия к изданной им же книге «Мир любви» Кормчего: «Если имя Л. Кормчего в настоящее время не пользуется широкой популярностью, то это объясняется причинами, нисколько независящими от талантливости его носителя. <...> Более ценны труды Л. Кормчего в другой области — в литературе для юношества, которой писатель посвятил почти всю первую половину своей деятельности. С 1908 по 1917 год появилось свыше двадцати его книг: романов, повестей и рассказов для подрастающих поколений»[177]. Филолог П. Лавринец так высказался касательно статьи Бутлера о Кормчем: «Дилетанту, поздно вступившему на литературное поприще, Кормчий представлялся старшим, более опытным и успешным товарищем по перу»[178].

В рецензии на выпущенный уже в XXI веке сборник «Проклятие капуцина» Кормчего, в котором переиздали его рассказы и романы разных лет для взрослых, П. Моисеев пишет: «“Блуждающий мертвец” откровенно разочаровывает. По стилистике это довольно типичный для 1910-х — 1930-х годов авантюрный роман, и основная сюжетная ситуация (случайная встреча двух двойников, один из которых занимает место другого) тоже отнюдь не нова. Разумеется, шедевры уровня «Принца и нищего» или «Пленника Зенды» создаются редко, но романы вроде «Двойника» Бриджеса тоже можно прочесть с удовольствием. Однако не случайно рассказы Кормчего так коротки: выбрав завязку, он начинает писать книгу, еще толком не представляя, что будет дальше. И сюжет моментально сдувается: Мориц фон Лауч, только что присвоивший себе документы и деньги

[176] Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге, 1918-1944. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2006. С. 29.
[177] Бутлер В.Ф. Четверть века в литературном строю (К 25-летию литературной деятельности Л. Кормчего): [Предисловие] // Кормчий Л. Мир Любви. Рига: Издательство «Школа жизни» В.Ф. Бутлера, 1931. С. 3-4.
[178] Лавринец П. В. Бутлер, Л. Кормчий и Литва // Inkluzīvi / сост. Я. Курсите. Рига: LU Akadēmiskais apgāds, 2012. С. 127.

миллионера Давида Кея, начинает бестолково метаться по белу свету, меняя планы, настроение и характер»[179]. В этом смысле произведения для юношества Кормчего смотрятся намного выигрышнее, они более концептуальны, в них он временами как бы полемизировал с той же Чарской, особый интерес представляет его повесть «Путешественники. Приключения двух юных беглецов», впервые изданная в «Библиотеке “Всходов”» №2-3 за 1908 год.

В «Путешественниках» он исподволь показал недостатки существующего строя. Фабула «Путешественников» типична — юные Ленька и Володька бегут из дома, где их любят, по пути они встречают самых разных людей — бродяг, богомольцев, лесника и т.д. Но если героиня «Смелой жизни» Чарской жаждет послужить Родине, то персонажи Кормчего, начитавшись книг Томаса Майн Рида (1818-1883), Джеймса Фенимора Купера (1789-1851) и др., жаждут приключений, как, кстати, и герои повести «Робинзон в русском лесу» (1873) О. Качулковой (Ольги Хмелевой) и рассказа «Мальчики» (1887) Антона Чехова (1860-1904), которые, возможно, и вдохновили Кормчего на «Путешественников». Ребята из повести Кормчего мечтали доплыть до Америки, но их странствия завершились на Валааме, вся их заграница свелась к территориям Великого княжества Финляндского, являвшегося тогда частью Российской империи.

Ребята считают себя настоящими путешественниками, а не бродягами или беглецами, в чем выражается их мировосприятие: они отождествляют себя с героями приключенческих произведений, за счет чего автор привносит нотку ироничности. В тексте особо подчеркивается разница между значением этих слов. «Не беглец, а путешественник! — с досадой поправил Володька. — Беглецы — это что из тюрьмы убегают»[180]. И далее: «А она-то! Бродягами назвала, дура!»[181]

Чарская и Кормчий ориентировались на разную читательскую аудиторию: Чарская писала для девочек, а Кормчий — для мальчиков. Более того, у них были разные взгляды на царизм и религию: Чарская патриотично прославляла царскую

---

[179] Моисеев П. Мистика, гиньоль, бульварщина и исторический эпос: [Рец. на сб. «Проклятие капуцина» Л. Кормчего (Пирагиса), изд. «Престиж Бук», 2019] // Год Литературы. 2019. 17 декабря. [Электронный ресурс] URL: https://godliteratury.ru/articles/2019/12/17/mistika-ginol-bulvarshhina-i-istori (дата обращения: 10.12.2022).
[180] Цит. по изд.: Кормчий Л. Путешественники: повесть. М.: ЭНАС-КНИГА, 2016. С. 25.
[181] Там же. С. 160.

фамилию, а Кормчий, бывший в те годы эсером, как уже говорилось, осторожно критиковал существующий строй. Поэтому там, где у Чарской сентиментальность и пафос, у Кормчего — горечь и ирония. Уже в самом начале повести он позволяет себе с иронией отозваться об отдельно взятых «бравых» военных, чрезмерно приукрашивающих свои подвиги. Так, тетя Миля, воспитывающая Леньку, повествует о том, как дядя Ваця получил вторую рану: «Собрались они там где-то возле леса. (Тут дядя начинал волноваться.) Ждали помощи. Вдруг откуда ни возьмись появились три казака, должно быть разведчики. Обычно в его глазах все увеличивается в тысячу раз, — ну, и казаков оказалось бессметное множество. (Дядя нервно вертел папиросу и делал вид, что не слушает рассказа.) Он и гаркнул: «Панове! До лясу!» — да сам первый и пустил свою клячу в чащу... По дороге большая ветка зацепила за его чамару, он и повис, а кто-то из своих, проезжая мимо, вытянул его плетью. Вот откуда его вторая рана!»[182]

Герои Кормчего — и главные, и второстепенные, — как и у Чарской, верят в Бога, но и здесь можно встретить ироничные замечания, один из пассажиров парохода, на котором оказываются ребята, говорит: «Мы в обители грех-то замолим! Ведь грех — как орех: скорлупу бросил, а зернышко — в горлышко... И утеха, и польза!»[183]

Традиционная проблема отцов и детей у Чарской в «Смелой жизни» развивается исключительно в эмоциональном ключе, но эта эмоция выводит на патриотическую идею. Чарская воспевает отношения отцов и детей — достаточно вспомнить упомянутый выше эпизод, в котором Надежда Дурова плачет, переживая из-за того, что будет с ее любящим отцом после того, как она убежит из дома. Кормчий дает и отрицательные примеры. Лесник, встретившийся мальчишкам по пути, сначала рассуждает о русских мужиках: «А русский бесталанный мужик все зверем себя чувствует. Он школу-то и нюхом не нюхал, одно дубье на спине чуял. Ну, и пьет водку-то... До газеты ли ему, коли он и аза не знает? Полушубок пропьет, льны бабьи, кровные, на водку перегонит и не

[182] Там же. С. 10.
[183] Там же. С. 62.

одному рублю голову сломает. Потом ночью, пьяный, ребятенка до болести испугает да жену побоями в сухотку вгонит»[184].

Всё тот же лесник поведал ребятам о гибели своего отца, его история осторожно показывает недостатки существующего строя, сводя их к коварству богачей и чудовищным поступкам простаков. В неурожайный год его отец пошел просить хлеба у помещика для жены и детей, но тот ничего не дал. Разозлившись, отец поджег амбары помещика. «Народ переполошился, побежали — глядь: амбары горят. «Подожгли», — галдят. С голодухи-то еще больше озверели люди. Подумали аль сам помещик в ту пору сказал, что злой человек поджег хлеб, что он-де хотел его мужикам раздать (как бы не так!). Ну, и осерчали мужики. <...> Батьку моего тут же, у амбаров, изловили. Он и не запирался. «Я, говорит, поджег, а вы больше верьте этому кровопийце (это на барина-то), даст он вам хлеба — держите карман шире, дурни. Даст разве с отравой только». Где ж там, никто и слушать не стал — ослепли с голодухи-то. Кинулись что зверье, истерзали, изорвали, каблуками истоптали... <…> Забили... А потом, когда очухались, жалели. Лучшего, говорят, человека из всего общества убили…»[185]

Как уже упоминалось, у Чарской и Кормчего были принципиально разные мировоззрения. Чарская в «Смелой жизни» показывает Надежду Дурову как идеал, легенду, на которую надо равняться, уж если девушка служит Родине, то грешно и юношам не послужить! Кормчий живописует, как поступать не надо. Он изображает хулиганистых ребят, которые и курят, и лодку могут украсть, он акцентирует внимание на дурных поступках и их последствиях, он демонстрирует, что, если дети сбегут из дома, ничего хорошего из этого не будет, они не станут героями, их ждут голод, травмы и неприятные встречи как с бродягами, так и с представителями властей.

Через десять лет после выхода «Путешественников», в 1918 году, Кормчий в своей программной статье «Забытое оружие (О детской книге)» рассуждал о важности книг для детей: «Министерство просвещения стремилось, главным

[184] Там же. С. 146.
[185] Там же. С. 149-150.

образом, к затемнению народного сознания. Вся его деятельность сводилась исключительно к **воспитанию**. Оно воспитывало рабов, конечно <...> Обучали скверно, воспитывали виртуозно»[186]. И далее: «Просмотрите список книг, одобренных министерством и ознакомьтесь с содержанием хоть одной из них. Сразу станет понятна гнусная, предательская роль, навязанная книге. На первом плане стоят исторические повести и рассказы. Сплошь бездарные, они проникнуты зато монархическим духом настолько, что чернота чуть ли не окрашивает пальцы, когда перелистываешь книгу»[187]. Любопытно, что, осуждая контроль царским правительством распространения книг для детей во всех учреждениях, подведомственных министерству народного просвещения, призывая создавать принципиально новую детскую литературу, он требует от новой власти вести себя не менее жестко: «Обязанность государства — воспитать детей. На обязанности государства и лежит снабжение детей духовной пищей, не отравленной вредными примесями. Борясь за свободу, мы обязаны освободить и души наших детей. Только создав поколение, свободное от предрассудков и суеверий, навеянных вековым рабством тела и духа, мы можем сказать, что кончили дело завоевания свободы»[188].

С. Маслинская в статье «“Наследство и наследственность”: эволюция критики русской детской литературы 1910-1920-х годов» справедливо замечала: «Статья Кормчего провозглашала «новые» принципы детской литературы, которые практически ничем не отличались от тех, которые формулировались в статьях либеральных педагогов-реформаторов до февраля 1918 года, например, в статьях В.С. Мурзаева и С.И. Шохор-Троцкой»[189].

В 1921 году Кормчий, которому, судя по всему, не понравилась жизнь при советской власти, перебрался в Ригу. В эмиграции он опубликовал множество произведений, в том числе три свои знаковые работы — авантюрный роман для взрослых «Дочь весталки» (1924), впервые изданный под названием «Зорбэгом»,

---

[186] Кормчий Л. Забытое оружие (О детской книге) // Правда. 1918. №28 (255) (17 февр.). С. 3.
[187] Там же. С. 3.
[188] Там же. С. 3.
[189] Маслинская С. «Наследство и наследственность»: эволюция критики русской детской литературы 1910-1920-х годов // Revue des études slaves. 2017. Т. 88. № 1-2. С. 243.

мистико-исторический роман-легенду «Гений мира» (1931) и подростковый приключенческий роман «Серый Домик» (1926). Б. Хеллман рассуждает: «Зато «Серый домик» можно назвать лучшей юношеской книгой Л. Кормчего. Из общих для детской приключенческой литературы мест — круглый сирота, посланный к дальним родственникам, жизнь на острове, контрабанда и кораблекрушение, мистический незнакомец Ben Gunn (!), убийство, раскрытие загадок и разоблачение темных личностей, счастливый конец — Кормчий сумел создать развлекательное произведение и образец жанра, слабо развитого в русской литературе»[190]. Хоть «Серый Домик» и считается одним из сильнейших произведений автора, в нем, правда, нет ничего принципиально нового для жанра.

Тем временем в Советской России вновь начала бурно развиваться приключенческая литература, вот только теперь на страницах приключенческих книг для подростков воспевался не царизм, а новая власть. После Гражданской войны вышло немало патриотичных подростковых произведений, посвященных недавним революционным событиям. Здесь нельзя не упомянуть повесть «Красные дьяволята» Павла Бляхина, существующую в двух значительно отличающихся редакциях, первой 1922 года и второй, подготовленной автором к печати незадолго до смерти.

Впервые «Красные дьяволята» вышли в 1923 году в издательстве «Бакинский рабочий». Повесть обрела такую популярность, что Бляхин выпустил продолжения — «Даешь Крым!» (1926) и «Красный дьявол» (1942), еще встречается упоминание о повести «На трудовом фронте», но она так и не увидела свет. По мотивам «Красных дьяволят» сняли фильмы «Красные дьяволята» (1923, реж. Иван Перестиани) и «Неуловимые мстители» (1966, реж. Эдмонд Кеосаян).

Но если читатели приветствовали повесть «Красные дьяволята» Бляхина, то критики отнеслись к ней намного строже.

А.К. Покровская в работе «“Приключения” в современной детской литературе (Обзор 19 книг)» (1926) пишет: «П. Бляхин — талантливый

[190] Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л.Кормчего // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): сборник статей / сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 42.

продолжатель Чарской, лишь контрастный по окраске. Так же негативен и язык его повести по сравнению с языком творений Чарской. Вместо институтского жаргона он употребляет жаргон комсомольский. В тех местах повести, где нет надобности в таких негативных контрастах, их стиль близко напоминает друг друга»[191]. С. Маслинская (Леонтьева) в статье «“Пионерская” беллетристика VS “большая” детская литература» (2012) так комментирует приведенное выше мнение Покровской: «Действительно, пионерская беллетристика, будь то странствия рабоче-крестьянских сироток или авантюры с подрывом белогвардейских бронепоездов, создавалась с очевидной оглядкой на Чарскую и, шире, в русле уже сложившейся традиции детской беллетристики начала XX в. Поэтому, критикуя пионерскую литературу периода НЭПа, педагоги и писатели раздраженно припоминали Чарскую. Она стала экземплификативом — приводимым в качестве примера именем — детской беллетристики вообще, а термин «беллетристика» в речах партийных функционеров Наркомпроса и просоветских литераторов становился бранным словом»[192].

Сравнивая «Красных дьяволят» Бляхина и повесть «Игорь и Милица (Соколята)» (1915) Л. Чарской, О.А. Симонова в статье «Девочки в детской литературе 1920-х гг. о Гражданской войне (на примере повести П. А. Бляхина «Красные дьяволята»)» (2021) приходит к такому выводу: «Фабула повести Бляхина непосредственно продолжала традицию детской беллетристики Чарской и авантюрно-приключенческой литературы, однако образ героини обновлял литературные нормы репрезентации женщины-воина, демонстрируя возможные пути к гендерному равенству»[193]. Следует, однако, отметить, что девушки-воины ко времени первой публикации повести Бляхина встречались не только у Чарской, в произведениях других авторов о Надежде Дуровой и в романе «Личные воспоминания о Жанне д’Арк сьера Луи де Конта, её пажа и секретаря» (1896)

[191] Покровская А. «Приключения» в современной детской литературе (Обзор 19 книг) // Новые детские книги. М.: Работник просвещения, 1926. Сб. IV. С. 44.
[192] Маслинская (Леонтьева) С. «Пионерская» беллетристика vs «Большая» детская литература // Детские чтения. 2012. Т1. №1. С. 111.
[193] Симонова О.А. Девочки в детской литературе 1920-х гг. о Гражданской войне (на примере повести П.А. Бляхина «Красные дьяволята») // Детские чтения. 2021. Т.20. №2. С. 90.

Марка Твена (Сэмюэла Лэнгхорна Клеменса, 1835-1910), на который явно ориентировалась сама Чарская, но и, допустим, во многих книгах Эмилио Сальгари, в том числе в романе «Капитан Темпеста» (1905). Так что в этом смысле Бляхин не сказал нового слова в жанре.

Но вернемся к отзывам на повесть «Красные дьяволята» Бляхина, которые позволяют взглянуть на отношение критиков ко всему корпусу изданных в те годы подростковых приключенческих произведений о Гражданской войне.

Я. Рыкачев в статье «Наши Майн-Риды и Жюль Верны» (1929) так говорил о Бляхине и Льве Остроумове, авторе «Макара-следопыта»: «Эти два автора являют исключительно яркий образец безраздельного подчинения традиции буржуазного «приключенчества». Не обладая ни талантом, ни умением своих предшественников, они доводят обнажение приема почти до пародийности»[194]. С. Решетин в статье «О детской мечте» (1938) был не менее категоричен, подчеркивая, что в книге Бляхина «дети совершают поступки, не свойственные их возрасту. Они идут впереди Красной армии, так сказать, расчищают путь красным бойцам, вяжут Махно, сажают его в мешок и т.д. Это чепуха»[195]. М. Гершензон говорил в статье «Революционная романтика в детской книге о гражданской войне» (1928): «Приемы, на которых, за единичными исключениями, строится книга о гражданской войне, хранились до нашего времени в арсеналах старой детской романтики — в сокровищницах Жюль Верна, Купера, Майн Рида. Борьба героической личности с препятствиями и преградами всякого рода перенесена сюда целиком. Недаром столпами революционного приключенчества стали Следопыт Бляхина и Макар-Следопыт Остроумова. Испытанные приемы поспешно вытащены на свет и пущены в ход в неприкрытом виде. Из костей кое-как можно составить некоторое подобие живого организма. Мясо, одежда — стоит ли канителиться с такой пустяковиной? Читатель сгложет и кости, — ведь он малолетний»[196]. Гершензон делает выводы: «Прошло десять лет. Но

[194] Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 88.
[195] Решетин С. О детской мечте // Детская литература. 1938. № 13 (июль). С. 17.
[196] Гершензон М. Революционная романтика в детской книге о гражданской войне // Печать и революция. 1928. Кн. 5. С. 143.

революционная романтика все еще остается мифом. «Красные дьяволята» и «Макар-Следопыт» все еще читаются детьми; но они отошли уже в прошлое, в волосах у них седина, все чаще и чаще читатель проходит мимо, не обращая на них внимания. Основания моста разошлись, романтика зажила своей жизнью, правдивая книга о гражданской войне — своей. Жюль Верн и Купер, Майн Рид, Марриет, Буссенар вытесняют своих эпигонов»[197].

Б. Н. Борисов в работе «Две редакции повести П. А. Бляхина “Красные дьяволята”» (1974) полемизирует с критиками тех лет, в частности упоминает статьи Решетина и Гершензона: «В оценке повести П. Бляхина «Красные дьяволята» критикой 20-х — начала 30-х годов очень заметно влияние господствовавшей тогда точки зрения, насаждавшейся деятелями РАПП, что единственным приемлемым методом отражения жизни в советской литературе может быть только реализм <…> Эта исходная позиция и привела к появлению ряда статей, в которых дана отрицательная оценка повести П. Бляхина «Красные дьяволята», совершенно не принимавшая в расчет особенности жанра этой книги. П. Бляхин написал для детей приключенческую повесть о гражданской войне, и многие ее особенности, которые воспринимались критикой как недостатки и грубые просчеты, вытекают из природы жанра приключений»[198]. Рассуждая о мировосприятии героев повести Бляхина, Борисов говорит, что «горячее стремление воевать на стороне трудящихся за новую жизнь связано в их сознании с книжными образами, навеянными романами Ф. Купера, М. Рида, Э. Войнич, внося в жизненные представления ребят значительный элемент игры. Отсюда — таинственный язык, понятный лишь двоим, отсюда — взятые себе имена любимых героев — Следопыта Ф. Купера и Овода Э. Войнич, которые привлекали брата и сестру не столько романтической необычностью, сколько мужеством и верностью в служении благородному делу свободы; отсюда — приемы и действия, также во многом позаимствованные из книг (маски,

[197] Там же. С. 149.
[198] Борисов Б.Н. Две редакции повести П.А. Бляхина «Красные дьяволята» // Художественный образ и историческое сознание. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет им. О.В. Куусинена, 1974. С. 192.

таинственные записки, неожиданные появления и исчезновения)»[199]. Борисов пишет: «Работая над второй редакцией «Красных дьяволят», Бляхин значительно изменяет и характер условий воспитания героев (отец — первый агитатор на селе за Советскую власть, брат — большевик), и мотивировку их поведения, выводя на первый план идею воспитания в ребятах чувства классовой ненависти, идею сознательного участия в боях на стороне Советов»[200]. Но, как выше уже отмечалось, вторая редакция «Красных дьяволят» вышла только в 1960-е годы.

В 1920-е годы к теме Гражданской войны и времени после нее обращаются многие авторы, в том числе Аркадий Гайдар (Голиков, 1904-1941), выпустивший, в частности, детские повести «Р.В.С.» (1925) и «На графских развалинах» (1929). А. Рагозин в статье «Лирика Гайдара» (1939) так говорит о них: «Именно эти книги дали повод для наиболее серьезных упреков писателю. <...> Нам думается, что эта суровая оценка первых работ Гайдара, особенно же «Р.В.С.», решительно ничем не заслужена»[201]. Но самыми популярными произведениями Гайдара стали не они, а «Судьба барабанщика» (1939), «Чук и Гек» (1939), «Тимур и его команда» (1940) и др. Правда, еще в 1929 году Гайдар издал повесть «Школа», о которой следующим образом отозвался Рагозин: «…это хорошая книга о гражданской войне, и читается она с интересом. В ней даже имеется ряд достоинств, которых нет в других произведениях Гайдара. Так, например, впервые в этой повести ему удалось создать правдивые и увлекающие читателя образы взрослых людей. Но среди других книг Гайдара «Школа» — одна из наименее удачных»[202]. При этом О.Ю. Осьмухина и Е.П. Овсянникова в статье «Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов» доказывают, что именно «Школа» Гайдара наряду с «Дневником Кости Рябцева» Н. Огнева сыграли большую роль в формировании соцреалистического канона[203]. Как бы то ни было, лучшие произведения Гайдара,

---

[199] Там же. С. 202-203.
[200] Там же. С. 203.
[201] Рагозин А. Лирика Гайдара // Детская литература. 1939. № 8. С. 10.
[202] Там же. С. 13.
[203] Осьмухина О.Ю., Овсянникова Е.П. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №6. С. 2079-2085.

за исключением, быть может, повести «На графских развалинах», в отличие от «Красных дьяволят» Бляхина, нельзя считать выдержанными в духе западной классической приключенческой прозы.

Надо сказать, что подростковые приключенческие повести о Гражданской войне и времени сразу после нее хорошо изучены в научном дискурсе. Вот что о них говорится в работе «Советская приключенческая повесть (проблема типологии жанра)» Н.Н. Родионовой: «“Детский авангардизм” (преувеличение роли детей в революционных событиях) рассматривается нами как одна из специфических особенностей художественной структуры приключенческой повести 20-х годов. В повести детского авангардизма находит выражение процесс освоения концепции личности, рожденной временем. Основное художественное достижение повести 20-х годов заключается в том, что она дает героический тип поведения, тип реализации личности, присущий жанру, тем самым закладывает основы традиции изображения героев в советской приключенческой повести»[204].

В конце 1920-х — начале 1930 гг. стали появляться написанные на высоком литературном уровне подростковые историко-приключенческие произведения, созданные в традиции классики жанра, но привносящие нечто новое. К лучшим из них относится повесть «Финикийский корабль» (1931) Василия Яна, входящая в «Античный цикл». Также в этот цикл входят повесть «Спартак» (1933), роман «Огни на курганах» (первое сокращенное издание 1932 г., позже автор доработал его, окончательная редакция вышла после его смерти) и рассказ «Голубая сойка Заратустры» (написан в 1945 г., издан в 1961 г.), к циклу примыкают рассказы «Письмо из скифского стана» (1929) и «Ватан» (начат в середине 1930-х гг., завершен в 1940-х гг., издан в 1961 г.). Подробного разбора заслуживает повесть «Финикийский корабль» Яна, поскольку ее события происходят в древний период, к которому нечасто обращаются писатели приключенческого жанра. Впервые повесть «Финикийский корабль» была издана отдельной книгой в 1931 году «Огиз» и «Молодой гвардией». А. Немировский отметил в статье «Античный

[204] Родионова Н.Н. Советская приключенческая повесть (проблема типологии жанра): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1990. С. 5.

цикл В. Яна» (1989): «Выдумав «записки» финикийского моряка, он наполнил их подлинно историческим содержанием, воссоздав историю Финикии и ее колоний по другим, дошедшим до нас источникам — по произведениям карфагенских и греко-римских авторов и прежде всего по Библии. Угаритские тексты писатель использовать не мог, потому что они еще не были дешифрованы»[205].

А. Платонов так отозвался о «Финикийском корабле» В. Яна в рецензии, впервые опубликованной в журнале «Вокруг света» №9 за 1947 г. и цитируемой далее по изданию 2011 г.: «Повесть ведется от лица финикийского моряка, который в малолетстве имел случай совершить далекое путешествие от малоазиатских финикийских берегов Внутреннего (Средиземного) моря до Счастливых (Канарских) островов, расположенных уже во Внешнем, Крайнем море — в том море, за которым была, как предполагали древние люди, вечная тьма, то есть находился конец земного мира. Маленький Элисар путешествовал не из страсти к бродяжничеству и не из любви к познанию вселенной, к чему он еще не был и не мог быть подготовлен. Он путешествовал в поисках отца своего Якира, уведенного в рабство. Этот нравственный стержень повести является вместе с тем и главной линией ее сюжетной конструкции и сообщает произведению поэтическое благородство»[206]. Если главная героиня Чарской жаждет подвигов, герои Кормчего — приключений, персонажи Бляхина оказываются втянуты в вихрь Гражданской войны, то Элисар в первую очередь стремится найти отца, хотя ему также интересно взглянуть на другие края, и в этом заключается отличие его мировоззрения.

Мальчик становится спутником старика Софэра, о котором следующим образом пишет Платонов: «Этот мужественный человек и добрый мудрец своей личностью и своими деяниями как бы соединяет все века человечества в одно время, что делает его современником для всех людей, для которых умножение знания о природе и человеке и совершение добра является долгом жизни и

---

[205] Немировский А.И. Античный цикл В. Яна: [Послесловие] // Ян В.Г. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 548.

[206] Цит. по изд.: Платонов А.П. «Финикийский корабль» В. Яна // Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. М.: Время, 2011. С. 560.

смыслом ее»[207]. В статье «Уроки мастера. Творческий путь Василия Яна (В. Г. Янчевецкого)» (1989) В. Оскоцкого говорится: «Столь же органично включены в повесть «азы» социального знания, которое писатель хочет привить юным читателям. Для этого нужна ему сцена философского диспута о жизни, который в социальных и нравственных понятиях своего времени ведут правдоискатель Софэр, старший друг и наставник юного Элисара, и царь Соломон, истово убежденный в счастье своих подданных»[208]. На этих страницах Василий Ян изображает встречу двух принципиально разных мировоззрений, одно из которых представляет Софэр, а другое — царь Соломон.

И как раз в эпизоде, о котором упоминает В. Оскоцкий, есть критика царизма, после встречи с царем Соломоном Софэр рассуждает: «Подвалы дома царского все больше наполняются золотом, слитками меди и серебра, но все более слабеют люди, работающие на его полях. Услыхав о царских богатствах, придут воины других народов, и тогда некому будет защитить родную страну. Чужестранцы разрушат дворцы царя, прославленного мудрым, и заберут его золото и богатства его, а всех жителей продадут в рабство. Где же мудрость? В такой мудрости таится много печали, и чем больше хвалят мудрость царя, тем больше льется слез у работающих на него…»[209] В последнем предложении автор, смещая акценты в духе новой советской морали, обыгрывает известное изречение царя Соломона, следующим образом звучащее в синодальном переводе: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»[210].

Имеется в повести и жречество, представленное в отнюдь не лестном виде. Когда женщина, весь день трудившаяся в поле, обращается к жрецу с просьбой помолиться Ваалу-Хаммону, тот интересуется, есть ли у нее дары для храма? Она отвечает, что «принесла двух белых голубей, четыре рыбки и сноп пшеничных

---

[207] Там же. С. 561.
[208] Оскоцкий В.Д. Уроки мастерства. Творческий путь Василия Яна (В. Г. Янчевецкого): [Предисловие] // Ян В.Г. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 19.
[209] Цит. по изд.: Ян В. Финикийский корабль // Ян В. Финикийский корабль: исторические повести. М.: Радуга, 1993. С. 47.
[210] Книга Екклезиаста, или Проповедника // Священные книги Ветхого Завета в русском переводе. СПб.: Синодальная типография, 1876. С. 998.

колосьев»[211]. Жрец на это говорит: «Скупы стали люди»[212]. Но разве может простолюдинка сделать более богатый дар?..

Элисар становится всему этому свидетелем. Каждый раз он проявляет свои лучшие качества, более того, он даже не стремится к личному обогащению. Когда грозный пират, к которому герои попадают в плен, сулит ему за преданность сокровища, тот отвечает ему: «Но что я буду делать со всем этим богатством? <…> У моей матери есть хижина на высоком берегу моря, и около нее растет пальма, которая каждый год дарит нам мешок фиников. В нашей хижине есть очаг, он нас греет, и на нем Ам-Лайли печет лепешки. У нас есть циновка и бараний мех, на которых мы спим, и есть плащ — он нас покрывает и защищает в холодную погоду. Разве тебе нужно столько светильников, когда достаточно одного, чтобы писать буквы, как Софэр, или прясть нитки, как делает мать? <…> Я очень тебя жалею. Сколько эти богатства доставляют тебе забот!»[213]

В финале юный Элисар отправляется домой, где надеется встретить обретшего свободу отца, а старик Софэр остается на Счастливых (Канарских) островах, он говорит: «Всю жизнь я искал людей, которые не делают несправедливости и не угнетают слабых. Теперь я нашел их. Может быть, я еще сумею научить их письму и другим знаниям, хотя силы мои слабеют. Когда-нибудь настанет счастливое время — это будет через тысячу, или две, или три тысячи лет, — но тогда, конечно, люди уже не будут воевать, не будет насилий, рабства и убийств. Люди будут изучать мир, законы жизни и природы»[214].

А. Немировский писал: «Читатель может подумать, что цель Софэра отыскать страну справедливости навеяна современными представлениями и является своего рода модернизацией истории. Это не так! Еще в рабовладельческие времена люди мечтали об обществе, основанном на справедливых началах. Не видя возможности его создания в мире, живущем по

[211] Цит. по изд.: Ян В. Финикийский корабль // Ян В. Финикийский корабль: исторические повести. М.: Радуга, 1993. С. 74.
[212] Там же. С. 74.
[213] Там же. С. 63.
[214] Там же. С. 108.

несправедливым законам, они воображали, что такое общество существует или может существовать за пределами ойкумены (обитаемого мира)»[215].

Конечно, к 1931 году повесть «Финикийский корабль» Василия Яна была не единственным приключенческим произведением о древней эпохе, тут можно назвать, допустим, роман «Плавание Магона-финикиянина» (1875) Леона Каэна (1841-1900), и все-таки «Финикийский корабль» — один из лучших образцов подростковой приключенческой прозы о том периоде. «Финикийский корабль» не просто показывает юным читателям древний мир, но и носит ярко выраженный воспитательный характер, демонстрирует, что лучше стремиться к добродетели и знаниям, нежели к богатству любой ценой.

В первой трети XX в. жанр подростковых приключений постоянно изменялся, откликаясь на веяния времени: в начале века высказывались разные точки зрения на царизм; в 1920-х гг. часто описывалась Гражданская война и время после нее; в конце 1920-х — начале 1930-х гг. появились произведения, в которых ярко выражена тяга к поискам и даже созданию счастливой страны, утопии, где все были бы равны, царизм осуждается.

При этом на протяжении всех этих лет продолжали выходить и типичные подростковые тексты, выполненные в традиции работ рубежа XIX-XX веков.

[215] Немировский А.И. Античный цикл В. Яна: [Послесловие] // Ян В.Г. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т.1. С. 549.

Глава 2. Проблемы поэтики и мировоззрения в русской приключенческой прозе 1901-1917 годов

2.1. Мифопоэтика романов «Восемь племен», «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч» В.Г. Тана-Богораза

В конце XIX — начале XX веков вышло немало приключенческих книг о доисторических временах. Популярность произведений о жизни племен в доисторический период объясняется сенсационными открытиями ученых, которые не могли не увлечь не только специалистов, но и обывателей. Так, еще с 1820-х годов начались исследования костей древних гигантских созданий, большой вклад в развитие палеонтологии в то время внесли такие ученые, как Гидеон Мантелл (1790-1852), автор «Petrifactions and their teachings; or, hand-book to the gallery of organic remains of the British Museum» (1851)[216].

Вскоре писатели, следящие за новейшими разработками и открытиями, развили эту тему: так появился целый пласт произведений о неандертальцах и динозаврах. Конечно, как всем сейчас известно, люди и динозавры жили в разные эпохи, однако искушение совместить их было сильным, да и образы огромных чудовищ захватывали воображение. Причем ряд авторов не просто фантазировали об этом, но и пытались в художественной форме реконструировать быт и нравы доисторических племен, привнеся в свои произведения наравне с авантюрными мотивами научную достоверность. К примеру, в 1891 году во Франции увидел свет роман из цикла «Дикие времена» «Вамирэх»[217] Ж.-А. Рони; под этим именем тогда выступали в печати французские писатели Жозеф Анри Онорэ Боэкс (1856-1940), позже взявший псевдоним Жозеф-Анри Рони-старший, и Серафин Жюстен Франсуа Боэкс (1859-1948), впоследствии известный как Жюстен-Франсуа Рони-младший. «Вамирэх» был выпущен на русском языке уже в 1892 году отдельным

[216] Mantell G.A. Petrifactions and their teachings; or, hand-book to the gallery of organic remains of the British Museum. London: Henry G. Bohn, 1851. 496 p.
[217] Роман представляет собой расширенную версию «Scènes préhistoires» (1888).

томом под названием «До Потопа» в переводе Н. Орлова в издательстве Ф. Ф. Павленкова.

Русские авторы, как и зарубежные, не обошли своим вниманием дающую столько новых возможностей тему, и некоторые из них сумели подать ее с неожиданной стороны, как тот же Дмитрий Пахомов (1872-1924) в повести с говорящим названием «Первый художник» (1907). Но по-настоящему уникальным явлением в литературе вообще и в жанре в частности стали произведения В.Г. Тана-Богораза.

В.Г. Тан-Богораз — отечественный революционер, ученый и писатель. Родился 15 (27) апреля 1865 г. в городе Овруче Волынской губернии. При рождении он получил имя Натан Менделевич Богораз, при крещении стал Владимиром Германовичем, порой публиковался под псевдонимами Н.А. Тан, И.А. Тан и В.Г. Тан. Псевдоним он выдумал на основе собственного имени «Натан» (эта игра с именами позже нашла отражение в его художественных произведениях). По сложившейся традиции в отечественном книгоиздании, его книги в настоящее время чаще всего выпускают под двойной фамилией «Тан-Богораз», на Западе же их печатают и под настоящей фамилией «Bogoras» («Bogoraz»), и под псевдонимом «Tan», и под именем «Tan Bogoraz».

Тан-Богораз с детства много читал, окончил Таганрогскую мужскую классическую гимназию, затем два года учился в Петербургском университете — сначала на естественном отделении физико-математического факультета, потом на экономическом отделении юридического факультета. В 1926 г. он вспоминал: «На ученье, на университет смотрели, как на подготовку. Не к тому подготовку, чтобы жить и работать, а к тому, чтобы уйти и погибнуть»[218].

Был народником, осенью 1882 года его арестовали и выслали из Петербурга в Таганрог. Там он продолжил свою подрывную деятельность, за что и поплатился: его арестовали и одиннадцать месяцев продержали в остроге. «Этой тройственной цепью злоключений, — арестом, высылкой и новым арестом, —

[218] Тан-Богораз В.Г. Автобиография // Тан-Богораз В.Г. Союз молодых. М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. С. 348

началась моя, можно сказать, государственная служба»[219]. Позже участвовал в работе революционно настроенных кружков в Москве и Петербурге. 9 декабря 1886 г. в очередной раз был арестован. Сидел в Петропавловской крепости, в 1889 г. сослан на десять лет в Колымск, что сыграло огромную роль в его становлении как писателя и ученого. Тан-Богораз так вспоминал об этом периоде своей жизни: «Незабвенные годы в Колымске, — натуральное хозяйство, каменный век вживе, «не половишь-не поешь». Ловишь рыбу, ездишь на собаках и вместе с собаками кормишься этой рыбой. <…> А морозы какие, — плюнешь — замерзший плевок вонзается в снег сосулькой. Лед на реке толщиною в печатную сажень. Хочешь напиться, изволь пробуравить этот лед. Также и для рыболовных сетей. Ничего, справлялись. Боролись с природой, как северные Робинзоны, и побеждали ее. <…> От оседлых народов я забрался к кочевым, странствовал с чукчами и с ламутами верхом на оленях, питался летнею падалью, как полагается по чукотскому укладу, и «кислою» гнилою рыбой, как полагается по укладу якутскому. Научился говорить по-чукотски, по-ламутски и даже по-эскимосски. Вызнал и усвоил всякие шаманские хитрости. <…> Пишешь на морозе карандашом, руку отморозишь, писавши об жесткую бумагу, а потом ничего, отойдет. Потом на ночлеге в тепле пишешь вместо чернил оленьей кровью»[220].

Получил разрешение вернуться в Петербург в 1898 году. Ссылка дала богатый материал не только для его «Колымских рассказов» (выходили в периодике в 1890-х гг., в дальнейшем были собраны в одноименный авторский сборник, который неоднократно публиковался, в том числе в 1910 г. вышел в издательстве «Просвещение»), но и для «Чукотских», на которых остановлюсь немного подробнее. Он писал «Чукотские рассказы» с 1894 г., они появились в 1896-1899 гг. в периодике — в «Журнале для всех», «Восточном обозрении», «Русском богатстве» и др., а в 1899 г. вышли отдельной книгой, на титуле, правда, был указан 1900 г. (издание С. Дороватовского и А. Чарушникова)[221]. «Чукотские рассказы» сразу же привлекли внимание читателей. Рассуждая о рассказах Тана-

[219] Там же. С. 350.
[220] Там же. С. 354.
[221] В 1900 г. вышел и его сборник поэзии «Стихотворения» (издание С. Дороватовского и А. Чарушникова).

Богораза и в первую очередь о «Кривоногом» (издан в «Русском богатстве» №10 за 1896 г.), Н.Ф. Кулешова указывает: «В поле зрения Тана-Богораза не только бытовые явления и события из повседневной жизни чукчей, но и их религиозные верования. Эти верования ярче всего отразились в северном фольклоре. И писатель щедро вводит в рассказ мифологические образы, с незапамятных времен сохранившиеся и бытовавшие в народных преданиях и сказаниях, используя их как средство раскрытия внутреннего мира своего героя. <…> Широкое и разнообразное использование чукотского фольклора, заметное уже в первом рассказе, станет отличительной чертой творчества Тана-Богораза как бытописателя Севера»[222].

Соглашаясь с Кулешовой, Е.А. Михайлова пишет: «Любопытно, что буквально с первых шагов на литературно-этнографическом поприще, Владимир Германович получает претензии с двух сторон. Со стороны представителей науки — в том, что склонен порой к достаточно вольной интерпретации строго научных фактов <…> Со стороны почитателей его литературного таланта — в том, что ученый в нем сковывает творческое начало художника. Действительно, например, первоначальный текст некоторых из его «Чукотских рассказов» был перегружен чукотскими словами. Так, в журнальной публикации «Кривоногого» находим около 40 сносок, поясняющих смысл того или иного чукотского слова. <…> Таким образом, этнографическая карьера В.Г. Богораза начинается именно с Колымской ссылки. Работал он абсолютно самостоятельно, не получив никакой специальной подготовки»[223]. Е.А. Михайлова в связи с претензиями почитателей его литературного таланта ссылается на рецензию В.Г. Короленко, опубликованную в журнале «Русское богатство» №5 за 1900 год, позже она была переиздана в девятом томе его собрания сочинений. Позволю себе дать чуть более обширную цитату из рецензии Короленко, нежели у Михайловой: «В очерках, представляющих снимки с натуры <…> вы встретите фигуры, разговоры, черты,

[222] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. С. 26.
[223] Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 102-103.

поражающие своей неожиданной оригинальностью. <...> Чукчи, ламуты, шаманы <...> все это оригинально, неожиданно, странно и, не смотря на некоторую сухость, длинноты, повторения и излишнюю фотографичность снимков, — запечатлевается в памяти и дает правдивую картину своеобразного, неведомого быта. Пусть в произведениях г. Тана этнограф порой слишком связывает художника. Но за то художник оживляет этнографические описания, которые и сами по себе были бы интересны»[224]. А.П. Чехов, находясь в Ялте, даже попросил в своем письме от 6 декабря 1899 года В.С. Миролюбова: «Скажите Тану, чтобы он выслал мне свою книжку. Я о ней слышу и читаю много хорошего, а купить негде, да и совестно покупать книгу земляка»[225].

Обозревая восемь томов собрания сочинений писателя, Е.А. Колтоновская отметила в статье «Интеллигент-скиталец» (1911): «Тон повествования у Тана несколько однообразен; он не силен как художник, ему недостает тонкости, а иногда и яркости. Но произведения его очень содержательны и всегда читаются с интересом. Автор, которому тесен земной шар, несмотря на обилие впечатлений, сумел их хорошо использовать, исчерпав каждый предмет до дна. В рассказе его не одно внешнее богатство материала, а и умелая его обработка, иногда творческое воспроизведение давно исчезнувших форм жизни — воспроизведение живое и согласное с научными данными»[226]. Но с тем, что Тан-Богораз не силен как художник, нельзя согласиться!

Итак, в январе 1899 г. при участии Академии Наук Тан-Богораз перебрался в Петербург, где и присоединился к марксистам. Но он в Петербурге пробыл относительно недолго, вскоре отправился в Северо-Тихоокеанскую экспедицию имени Джесупа, организованную американским Музеем естественных наук. По окончании экспедиции Тан-Богораз оказался в Нью-Йорке, где подготовил фундаментальную монографию «Чукчи», а также написал ряд художественных

---

[224] Цит. по изд.: Короленко В.Г. Тан. — Чукотские рассказы, СПб. 1900 // Короленко В.Г. Полное собр. соч.: в 9 т. Петроград: Издание Товарищества А.Ф. Маркс, 1914. Т. 9. С. 340-341.

[225] Чехов А.П. [Письмо В.С. Миролюбову, 6 декабря 1899 г. Ялта] // Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1980. Письма: Т.8. С. 324.

[226] Колтоновская Е.А. Интеллигент-скиталец // Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб.: Типо-литография акционерного общества «Самообразование», 1912. С. 262.

произведений, включая «За океаном. Повесть из жизни русских в Америке» (вышла в журнале «Мир Божий» №№1-6 за 1904 г.). Тогда же он сочинил роман «Восемь племен» (издан в 1903 г.) и начал работу над «Жертвами дракона» (1909). Как раз эти два романа вместе с повестью «На озере Лоч» («На озере Лоче») (1914) являют собой прекрасный образец приключенческой прозы.

Роман «Восемь племен», написанный в 1902 г. в Нью-Йорке, впервые был опубликован в ежемесячном петербургском журнале «Мир Божий» №№ 5-8 за 1903 год. Роман не оставил читателей равнодушными. В журнале «Русская мысль», книга девятая за 1903 год в разделе «Журнальное обозрение» появилась рецензия Ю.И. Айхенвальда: «В VIII книжке «Мира Божьего» закончен «роман из древней жизни крайнего северо-востока» «Восемь племен» г. Тана. Бесспорно, он представляет собою оригинальное явление в одноцветной сфере нашей беллетристики, которая не любит уходить далеко не то что от современности вообще, но даже и от нынешнего дня с его заботами и злобой. У г. Тана достало мужества и таланта перенести себя и читателей в глубокую старину, в далекие страны, к людям, которые еще не отдалились от природы и живут заодно со стихиями. <…> Автор с любовью и знанием изобразил древний мир северных кочевников и оленеводов и на этом фоне написал несколько ярких сцен — битвы, жертвоприношения, любовь. Он написал их рукой не первоклассного мастера; вы слишком чувствуете, что в нем сильнее археолог и этнограф, нежели художник, и все-таки они оставляют в вашей фантазии живой след, потому что и в авторе ученые сведения значительно претворились в образы живой фантазии»[227].

Айхенвальд не только восхищается романом Тана-Богораза, но и указывает на его, по его мнению, слабые стороны. Он пишет, что автор «не сроднился со своими первобытно-непосредственными персонажами, не воплотил их в себя и себя в них. <…> даже и в речи своей он не скрывает того, что смотрит на них со стороны, глазами ученого и культурного человека. Он не стесняется употреблять о своих оленеводах такие выражения, как «игнорировать, шансы, партнер, строго

[227] А. [Айхенвальд Ю.И.] [Рец. на роман «Восемь племен» г. Тана в разделе «Журнальное обозрение»] // Русская мысль. 1903. Кн. IX (сент.), отд. 2. С. 210-211.

говоря, элемент» <…> Рисуя древность, он сам живет в другой эпохе; рисуя молодость человечества, он сам — старик. И оттого читатели тоже не могут всецело проникнуть одновременно и во внешнюю оболочку, и в самую душу той своеобразной жизни, которая проходит перед ними на страницах «Восьми племен». Интерес часто раздваивается между началами психологическим и этнографическим, и не всегда они находят себе желательный синтез. Особые черты каждого из восьми племен не выясняются резко в своих характерных отличиях»[228]. И всё же Айхенвальд считает, что «роман нашего автора составляет заметное и ценное приобретение нашей изящной литературы. <…> Фигуры шаманов, игрища и гульбы, смерть белого оленя — всё это сделано увлекательно, и соответственные страницы романа нельзя читать без волнения»[229].

В журнале «Вестник и библиотека самообразования» №45 за 1904 год вышла работа «И.А. Тан (литературный портрет)» Льва Мовича (под этим псевдонимом выступал Л.З. Маркович). Мович, именуя его поэтом, писал: «Наш поэт уходит в первобытную поэзию севера, в сказки и предания этих «пасынков природы», где он еще ярче видит начало кривой, свежий и вечный родник тех первобытных сил, из которых, как нитка из клубка, развилась наша поэзия, наше искусство, наше понятие о доблести и героизме… <…> Роман из древней жизни крайнего северо-востока Азии — «Восемь племен» — имеет всю захватывающую красоту древнего эпоса, его необъятную ширь и величавую простоту, его гомеровскую наивность и дикую первобытную силу»[230].

В архиве Российской академии наук сохранилось письмо академика А.А. Шахматова В.Г. Богоразу от 13 мая 1905 года, в котором он признался, что роман «Восемь племен» привел его в «полное восхищение», он подчеркнул: «Эпический стиль рассказа, мастерское изложение, художественные образы, им вызываемые — всё это выше моих слабых похвал»[231].

---

[228] Там же. С. 211.
[229] Там же. С. 211.
[230] Мович Л. [Маркович Л.З.]. И.А. Тан (литературный портрет) // Вестник и библиотека самообразования. 1904. №45 (4 нояб.). Стб. 1654.
[231] Шахматов А.А. Письмо В.Г. Богоразу от 13 мая 1905 года // СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 369 Л. 1.

Через семьдесят лет, в 1975 году, Кулешова отметит: «Свою главную задачу романист видел в том, чтобы воскресить, художественно реконструировать древнюю жизнь и быт, нравы, обычаи и верования восьми племен: чукчей, юкагиров, камчадалов, курильцев, эскимосов, ламутов, оленных и приморских коряков. <…> В отличие от рассказов чукотского цикла, где интимная сторона жизни героев, в сущности, оставалась за пределами художественного исследования, роман «Восемь племен» содержит картины и эпизоды личной жизни племенного населения Севера, события в нем развертываются на канве любовной интриги. Именно любовная коллизия лежит в основе повествования в «Восьми племенах», чего как раз не было в «чукотских» рассказах Тана-Богораза и что впервые появляется в его творчестве»[232].

Спустя еще десять лет, в 1985 году, Ю.М. Шпрыгов в своем сборнике литературно-критических очерков «Проза утреннего края», будто бы дискутируя с Айхенвальдом касательно изображенных Таном-Богоразом характеров представителей племен, еще не начавших контактировать с русскими, заметил: «Всем содержанием и смыслом своего произведения писатель полемизировал с модными в то время буржуазными «теориями» о духовном и нравственном примитивизме человека Севера, о его якобы неспособности к высоким и благородным чувствам»[233].

После смерти В.Г. Тана-Богораза его роман «Восемь племен» неоднократно переиздавался, причем как в полной авторской редакции, так и с небольшими купюрами — из второй главы убраны упоминания о мухоморах и их действии, в чем можно убедиться, если сравнить поздние издания с дореволюционными, к примеру, с изданием романа 1910 года, выпущенным Книгоиздательским товариществом «Просвещение». Так, в авторском сборнике «Восемь племен. Чукотские рассказы» («Гослитиздат», 1962) роман представлен полностью, а в книге «Восемь племен. Воскресшее племя» («Восточно-Сибирское книжное издательство», 1987), в которую, кроме упомянутых выше двух романов, вошли

[232] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. С. 74-75.
[233] Шпрыгов Ю.М. Владимир Тан-Богораз // Шпрыгов Ю.М. Проза утреннего края: литературно-критические очерки. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1985. С. 14.

несколько рассказов, с купюрами, причем сокращенные места отмечены соответствующим знаком <…>.

В 2019 г. роман «Восемь племен» был выпущен в Италии в сборнике «Le otto tribu e altre storie» в переводе Лучаны Ваджи Саккоротти, занимающейся изучением коренных народов Арктики. В сборник также вошли несколько рассказов писателя. На обложке автор указан как «Tan Bogoraz». О сборнике положительно отозвались итальянские критики — так, Альдо Форбиче говорит в статье «Il Giro del Vaticano, Bogoraz, scrittore o giornalista?», вышедшей в газете «Avanti!» за 2 сентября 2019 года: «Эта книга выделяется качеством написания и психологическими и этнографическими наблюдениями ученого-писателя Богораза. <...> Теперь «Восемь племен» дают нам возможность познакомиться с эпическим стилем, этнографическими курьезами и поэтическими образами ученого»[234]. *(Перевод мой — С.Н.)*

В романе «Восемь племен», как уже ясно из приведенных выше цитат из критических работ, посвященных ему, описывается жизнь северных племен. Е.П. Сошкин указывает: «Примечательная особенность «Восьми племен», прямо связанная с их этнографическим бэкграундом, — неопределенность времени действия, которое может быть приурочено к любому хронологическому отрезку, предшествовашему историческому моменту встречи северных народов с представителями иных цивилизаций»[235]. Действительно, эта история могла бы произойти как на заре времен, так и буквально за несколько лет до встречи чукчей с русскими. А вот место, где начинается рассказ, автор озвучивает в первых же строчках романа: «…на Чагарском поле, у реки Анапки <…> Место это находилось внутри обширной ненаселённой полосы, отделявшей южные приморские посёлки от северных оленных стойбищ и протянувшейся во всю ширину страны от Большого Внешнего моря, которое называлось также Моржовым, до бухты Белых Дельфинов на другом, Внутреннем, море, которое

[234] Forbice A. Il Giro del Vaticano, Bogoraz, scrittore o giornalista? // Avanti! 2019. 2 settembre. [Электронный ресурс] URL: https://www.avantionline.it/il-giro-del-vaticano-bogiraz-scrittore-o-giornalista/ (дата обращения: 20.09.2023).
[235] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55. [Электронный ресурс] URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения: 9.09.2023).

южныё люди звали Бобровым»[236]. В примечаниях сам Тан-Богораз поясняет, что Моржовое море — это Тихий океан, а Бобровое — Охотское море[237].

Во время Весеннего торга одно из племен, а именно — Мышееды, нарушает закон о перемирии бога Великого Морского Рака Авви и нападает на другое, чтобы забрать себе их вещи, оленей и женщин. Мышееды, вообще, как пишет автор, «относились к богам до такой степени непочтительно, что сочиняли насмешливые сказки о Кухте и его семье, полные крепкого и дерзкого юмора и дававшие перевес над глупым Вороном маленьким мышам благодаря их лукавому проворству. Они рассказывали об Авви, что он однажды показался на берегу в виде большого моржа и стал хвастать силою, но «люди» предложили ему покататься на оленях и, поймав на аркан двух больших диких быков, припрягли их к моржу; быки утащили его в горы, где он едва не погиб с голоду»[238]. Против Мышеедов выступают представители остальных племен, в том числе силач оленевод Ваттан, отважный Колхоч, ставший побратимом Ваттана, быстроногая Мами и охотник-одул Гиркан.

Ю.М. Шпрыгов утверждал: «Борьба добра и зла — одна из основных тем романа. Зло олицетворяет племя Мышеедов»[239]. Однако с этим можно поспорить, их образ неоднозначен. Сам Тан-Богораз пишет в начале романа: «Мелкая война велась здесь с переменным успехом: то южные воины перебьют пастухов и угонят с севера стадо вместе с подростками; то оленеводы сожгут одинокое прибрежное жилище, возьмут кожи и ремни и тоже перебьют взрослых, а мальчиков и девочек уведут в плен»[240]. То есть перед нами один из эпизодов бесконечных сражений между племенами, пусть Мышееды, действительно, выведены в тексте в неприглядном виде.

Из-за поступка Мышеедов бог Авви, как считают все, глядя на испортившуюся погоду, разгневался. Ему решают принести жертвы — убивают

---

[236] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. М.: Издательство «РуДа», 2020. С. 5.
[237] Там же. С.5.
[238] Там же. С. 16.
[239] Шпрыгов Ю.М. Владимир Тан-Богораз // Шпрыгов Ю.М. Проза утреннего края: Литературно-критические очерки. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1985. С. 13.
[240] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. М.: Издательство «РуДа», 2020. С. 5.

животных, правда женщины жалеют о потерянном мясе. Спустя какое-то время, поняв, что это не помогло, все приходят к выводу, что необходимо принести в жертву человека — юную девушку, еще совсем девочку, только что спасшуюся из рук Мышеедов. Этот эпизод также наглядно демонстрирует, что противников Мышеедов нельзя считать однозначно добрыми. М.А. Юрина подчеркивает в статье «Художественное отражение бытовой и религиозной жизни северных народов в романе В.Г. Тана-Богораза “Восемь племён”»: «Автор показывает, что к подобным обрядам северные народы прибегали крайне неохотно, предпочитая жертвовать богам более безобидным способом: лучшими оленями, собаками и т.п. Однако сам факт гибели девочки по указанию шамана свидетельствует о том, что коренное население региона в первобытные времена не чуралось человеческих жертвоприношений»[241].

Озлобленные из-за того, что они лишились своей, как они полагают, законной добычи, Мышееды позже нападают на Мами, которая вместе с большим стадом оленей, принадлежащим ее семье, покидает Чагарское поле и отправляется в земли своего народа. Мами оказывается в плену, и каждый день наблюдает за тем, как режут ее любимых оленей, при этом только она лучше всех способна вести стадо, свое стадо. Узнав от единственного выжившего и не попавшего в плен спутника Мами о том, что произошло, Ваттан, Гиркан и еще ряд воинов отправляются ее спасти, что, в конце концов, им и удается.

Мами разрывается между двумя юношами, оказывающими ей знаки внимания, Ваттаном и Гирканом. Она понимает, что Ваттан будет ей прекрасным мужем, он, как и ее семья, оленевод. Но ее больше тянет к Гиркану, который единственный из всех мужчин способен ее перегнать, но он из племени охотников, не желающих пасти оленей, считающих заботу о стаде излишними хлопотами и не воспринимающих стада как богатство. Она даже хочет подарить ему оленей, но он противится: «Не надо! — наотрез отказался Гиркан. — Я говорю — обуза. У пастуха в руках — аркан: на одном конце олень, а на другом

[241] Юрина М.А. Художественное отражение бытовой и религиозной жизни северных народов в романе В.Г. Тана-Богораза «Восемь племён» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №11-3 (53). С. 223.

сам привязан»[242]. Здесь автор делает акцент на социальный конфликт, показывает, какая пропасть разделяет оленеводов и охотников.

Автору удался образ Мами. М.А. Юрина пишет в статье «Двуплановый характер образной организации романа В.Г. Тана-Богораза “Восемь племён”»: «Несмотря на всю силу духа и воли, Мами не справляется с охватившим её чувством к молодому юкагиру и вверяет ему свою честь»[243]. И действительно, кратко, без многостраничных описаний рефлексии, и, пожалуй, даже можно сказать поэтично Тан-Богораз демонстрирует, как меняется характер Мами, как она перестает быть уверенной в себе женщиной и предлагает себя сначала Гиркану, а потом, услышав его суровый ответ, и Ваттану: «Ваттан! — сказала она. — Ты самый сильный на тундре. Моя кровь — твоя. Стадо и полог, душу и жизнь — возьми, что хочешь…»[244] Но вскоре она понимает, что не любит Ваттана, и все-таки выбирает Гиркана, кажущегося ей «воплощением горного духа, владетеля и мстителя этих безмолвных мест»[245]. Поддавшись страсти, Мами проводит ночь с Гирканом, но уже на утро он покидает ее; в этом выражается весь прагматичный и свободолюбивый характер Гиркана, который, как выясняется, способен и на подлость. У Мами случается припадок: «Это был знакомый, хорошо памятный припадок, печать Ивметуна, ужасного духа тоски, который гнездится в брошенных шатрах и подстерегает людей на кочевых дорогах»[246]. Чтобы заполучить красавицу, Ваттан, который порой сомневается в силе шаманства, все-таки прибегает к тайному колдовству, связанному с плотью мертвеца, это колдовство творит его родич-шаман.

М.А. Юрина говорит в статье «Двуплановый характер образной организации романа В.Г. Тана-Богораза “Восемь племен”»: «…социальный конфликт служит своеобразным фоном для показа более сложного и

---

[242] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. М.: Издательство «РуДа», 2020. С. 62.
[243] Юрина М.А. Двуплановый характер образной организации романа В.Г. Тана-Богораза «Восемь племён» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-2. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvuplanovyy-harakter-obraznoy-organizatsii-romana-v-g-tana-bogoraza-vosem-plemyon (дата обращения: 19.10.2022).
[244] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. М.: Издательство «РуДа», 2020. С. 132.
[245] Там же. С. 132.
[246] Там же. С. 146.

неразрешимого любовного конфликта, главные действующие лица которого — Ваттан, Гиркан и Мами — вступают во взаимоотношения, приводящие к трагическому финалу. Острота «противостояния» героев обусловлена сложностью и неоднозначностью их характеров, переданных автором также двупланово: с одной стороны, психологически достоверно и убедительно, с другой — романтически приподнято, героически возвышенно»[247]. Рассуждая о неоднозначности характеров героев, М.А. Юрина справедливо отмечает, что «внешний лоск, удачливость, романтическая устремлённость к свободе сочетаются у Гиркана с прагматичностью и цинизмом»[248]. Далее М.А. Юрина рассуждает о Ваттане: «Он изображён и как чукотский богатырь <…> и как обыкновенный человек со сложным характером и слабостями, испытывающий порой не только возвышенные, но и самые низменные чувства»[249].

Итак, Ваттан отправляется на поиски Мами, которая, как выясняется, ушла в Ущелье Каменных Людей. Молодой герой находит ее, она с радостью встречает его, но явно принимает за обожаемого ею Гиркана. Причем сам Ваттан подозревает это, но «это мимолетное чувство тотчас же исчезло. Душа его была слишком переполнена бурным и необузданным счастьем»[250].

Мами решает, что лишь олени никогда ее не придадут, она даже отныне отказывается их убивать — ни ради еды, ни ради шкуры. Ваттан, с детства привыкший есть мясо, в какой-то миг не выдерживает и убивает одного из оленей. После чего автор описывает гибель Мами, а за ней и самоубийство Ваттана, перерезавшего перед тем, как вонзить нож себе в сердце, всех тех столь любимых Мами оленей, что не успели убежать. Причем Ваттан лишает себя жизни с помощью ножа, полученного еще в самом начале романа от своего побратима Колхоча, ножа, который он выменял на плененную девушку, что посчитал для себя удачной сделкой. Этот эпизод с обменом ножа на пленницу

---

[247] Юрина М.А. Двуплановый характер образной организации романа В.Г. Тана-Богораза «Восемь племён» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-2. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvuplanovyy-harakter-obraznoy-organizatsii-romana-v-g-tana-bogoraza-vosem-plemyon (дата обращения: 19.10.2022).
[248] Там же.
[249] Там же.
[250] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. М.: Издательство «РуДа», 2020. С. 162.

добавляет штрихов не только к характеру Ваттана, но и к нравам северных народов. Любопытно, что, рассуждая о северных нравах в те годы, этот же эпизод из романа Тана-Богораза приводит в пример и В.Б. Окорокова в работе «Юкагирский роман»[251].

М.А. Юрина полагает, что «объясняется смерть героини не романтическим самоубийством, а вполне реалистически — эпилептическим припадком, застигшим её на краю скалы. <…> Так автор раскрывает одновременно и самобытное мифологическое мироощущение девушки, и её психологическое состояние, и истинную причину её гибели»[252]. Но с этой трактовкой изложенных автором событий сложно полностью согласиться, девушка же убегала от Ваттана, кажущегося ей в приступе безумия врагом Рынто, пусть перед гибелью она и узрела клыкастое лицо духа Ивметуна. Скорее всего, даже если бы припадок и не застиг ее на вершине скалы, она бы все равно совершила самоубийство, лишь бы не попасть в руки ненавистного мышееда Рынто.

В «Восьми племенах», как и во всех художественных произведениях автора, каждая деталь играет существенную роль. Из изложенного выше сюжета видно, как много событий автор уместил на страницах своего относительно небольшого романа, занимающего в издании 2020 года менее ста восьмидесяти страниц. Причем чувствуется, что Тан-Богораз, сочиняя «Восемь племен», проживал в Америке: в его романе видны мотивы западных книг об индейцах, хотя нельзя утверждать наверняка, читал ли он их или нет. Речь не о вестернах, а именно о произведениях, где важное место занимают верования коренных народов Америки, как в книгах того же Джеймса Уилларда Шульца (1859-1947), автора приключенческих историй о жизни индейцев: «Белая бизониха» (1881), «Магическая Муха» (1900) и др.

Конечно, между художественными произведениями об индейцах и людях доисторических времен много общего, авторы прибегают к одним и тем же

---

[251] См.: Окорокова В.Б. Юкагирский роман. Якутск: ЧИФ «Ситим», 1994. С. 27.

[252] Юрина М.А. Двуплановый характер образной организации романа В.Г. Тана-Богораза «Восемь племён» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-2. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvuplanovyy-harakter-obraznoy-organizatsii-romana-v-g-tana-bogoraza-vosem-plemyon (дата обращения: 19.10.2022).

фабулам: столкновения племен, похищение женщин, угон скота, но есть и важные отличия. В книгах об индейцах зачастую акцент делается на мифологическое мировоззрение героев, реконструкции их верований, что далеко не всегда можно обнаружить в произведениях о доисторических временах, — как раз это и позволяет сравнить «Восемь племен» с работами об индейцах, пусть в романе вместо лошадей и выступают олени.

Стилистически роман «Восемь племен» близок книгам Дж. У. Шульца. И это на самом деле не так удивительно, как может показаться на первый взгляд: Тан-Богораз, как и Шульц, кочевал вместе с племенами, близко познакомился с их верованиями и манерой рассказывать истории. Роман «Восемь племен», как и книги Шульца, аутентичен, насколько это вообще возможно. И всё же у романа Тана-Богораза есть ряд важных отличий от произведений того же Шульца. Во-первых, в «Восьми племенах» нет выходцев из цивилизованных земель, о русских здесь и не слышали, в работах Шульца часто фигурируют представители «цивилизованных» стран. Во-вторых, роман «Восемь племен» более натуралистичен — к примеру, герои прибегают к разлагающейся плоти мертвеца в одном из обрядов. В-третьих, использована другая мифология: Шульц опирается на верования американских племен, а Тан-Богораз — на легенды чукчей и прочих северных народов.

В 1904 г. В. Г. Тан-Богораз вернулся в Россию. Был одним из участников Крестьянского Союза. В это же время он работал в самых разных жанрах, писал рассказы, стихи, статьи и очерки. Наконец, из-под его пера вышел второй приключенческий роман «Жертвы дракона». Роман «Жертвы дракона», в котором, как подчеркивает Е.П. Сошкин, «ни действие, ни характеры, ни обстановка, хотя они и ориентированы на аутентичный антропологический материал, не имеют, в отличие от «Восьми племен», конкретной этно-географической привязки»[253], был издан в журнале «Современный мир» (ранее этот журнал выходил под названием «Мир Божий») №№ 9-12 за 1909 год. Роман получил известность; о том, что книга полюбилась и простым читателям, и

[253] Сошкин Е.П. Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 9.

специалистам, и высокопоставленным чиновникам говорит то, что она была переиздана после революции — в 1927 г. она была выпущена в издательстве П.П. Сойкина первым томом в серии «Природа и люди», ежемесячном приложении к журналу «Вестник знания». Более того, в 1920 г. Тан-Богораз получил заказ от Секции исторических картин при Петроградском Театральном Отделе Наркомпроса на написание на основе романа «Жертвы дракона» одноименной пьесы. Тан-Богораз справился с поставленной задачей, но сама пьеса впервые увидела свет только сто лет спустя — стараниями Е.П. Сошкина она была опубликована в журнале «Литературный факт» №1 (15) за 2020 год.

Сразу после первой публикации романом заинтересовались на Западе. Так, уже в 1910 г. роман был издан в двух томах на польском языке под названием «Ofiary Smoka», в 2019 г. его переиздали в серии «Arcydziela Literatury Rosyjskiej» («Шедевры русской литературы»), где выходили произведения русских классиков — Александра Пушкина, Федора Достоевского, Льва Толстого и др. На обложке автор указан как «W. Tan».

В 1986 г. в Польше вышла научная работа «Syberyjskie motywy w twórczości Władimira Germanowicza Tana-Bogoraza» Йоланты Аулак. Анализируя произведения Тана-Богораза, она резюмирует: «Этнографические интересы, опыт многочисленных путешествий, наблюдения за различными культурами, фольклором палеоазиатских племен стали для писателя богатым тематическим источником, а также определили художественные методы его творчества. Имея богатый материал, предоставленный сибирской действительностью, Тан редко обращался к художественному вымыслу, строя сюжет произведения преимущественно на основе реальных фактов и дополняя его этнографическими сведениями. Даже в фантастическом видении древней истории формирования северных племен, представленном писателем в романе «Жертвы дракона», легко заметить использование элементов материальной культуры и обычаев, характерных для чукчей, например захоронение умерших в деревянных колодах, подвешенных на деревьях, обычай приветствовать друг друга потиранием щек, питье теплой крови убитого животного и др. Вышеуказанные особенности

означали, что проза Тана также имела значительную познавательную ценность»[254]. *(Перевод мой — С.Н.)* Соглашаясь во многом с мнением Аулак, нельзя не указать на тот факт, что как раз художественного вымысла в романе «Жертвы дракона» довольно много, начиная хотя бы с самого маловероятного факта «соседства» племени с гигантским ящером.

В 1929 году роман вышел на английском языке под названием «Sons of the Mammoth» в переводе Стивена Грэма, специалиста по русской культуре, составителя знаменитого сборника «Great Russian short stories» (первое издание — 1929 г.). Имя автора на обложке дано как «Waldemar Bogoras». О книге написали несколько периодических изданий, к примеру, в «The Saturday Review of Literature. Volume VI» за 8 марта 1930 года в разделе «The New Books», подразделе «Science» вышла краткая рецензия на книги «Life and Work in Prehistoric Times» Ж. Ренара и «Sons of the Mammoth» В. Богораза, в ней говорится: «“Сыны мамонта” далеки от того, чего можно было бы ожидать от известного русского этнографа, поскольку представляют собой любопытную мешанину антропологических всяких всячин. <...> Действительно, все его герои скорее воплощения абстрактных качеств или институционализированные марионетки, нежели правдоподобные люди. Однако, кто из нас встречал во плоти мужчин и женщин плейстоцена и может на личном опыте опровергнуть реалистичность этих персонажей? Более того, как бы ни придирались антропологи, Богораз написал весьма читабельную и занимательную историю»[255]. *(Перевод мой — С.Н.)*

«Поразительно, что в 1930-х гг. в западном многотиражном издании появился даже не просто рекламный материал с аннотацией книги далеко не самого известного в то время русского писателя приключенческого жанра, а ее разбор, пусть и краткий, в котором рецензент пришел к выводу, что это

[254] Aulak J. Syberyjskie motywy w twórczości Władimira Germanowicza Tana-Bogoraza // Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986. Tom 8: Z badań nad językami i literaturami słowiańskimi. Pp. 127-128.
[255] The New Books (Science) // The Saturday Review of Literature. Volume VI. 1930. №33 (8 march). P. 815.

«занимательная история». Мало кто из отечественных авторов массовой прозы первой трети XX века может похвастаться подобным!»[256]

Роман не забыли, в годы холодной войны о нем упомянул литературный критик Сэм Московиц в разделе «Birth Control: Better the World Below Than the World Above» своей книги «Strange Horizons: The Spectrum of Science Fiction» (1976): «Издатели, похоже, сами уверены в конкурентоспособности примитивизма, поскольку они перевели с русского языка «Сынов мамонта» Владимира Богораза (1929), роман о доисторических временах, где главный герой, изгнанный из своего племени из-за ереси, укрощает природу ради себя и своей женщины, не имея ничего, кроме собственных рук и нескольких грубых инструментов»[257]. *(Перевод мой — С.Н.)*

В 2022 году роман «Жертвы дракона» вышел на французском языке под названием «Le Dragon de Lune» в переводе Виктории и Патриса Лажуа, на обложке имя автора дано как «Vladimir Bogoraz». И всё же, хоть проза Тана-Богораза продолжает находить читателей по всему миру, она не настолько популярна, как, допустим, произведения В. Обручева.

В «Жертвах дракона» автор обыгрывает характерную для многих культур легенду о девственнице, которую решают принести в жертву ужасному чудовищу, и храбром юноше, отважившимся защитить ее и сразиться с драконом. При этом Тан-Богораз пишет не детскую сказку, он создает роман в стилистике сказаний чукчей, с которыми несколько лет кочевал.

Сюжет романа столь же прямолинеен, как обычно излагается в легендах.

Черный Юн, один из колдунов племени Анаков, за успешную охоту обещает богу полуночи жертву — белую олениху, самую лучшую в стаде: «О, Дракон, как ты поглощаешь солнце, дай мне поглотить этих оленей…»[258] Но

---

[256] Неграш С.В. Русская приключенческая проза первой трети XX века в зарубежном критическом дискурсе //Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIX Международной научной конференции, 6–7 июня 2024 г. / отв. ред. проф. Т.В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 151.

[257] Moskowitz S. Birth Control: Better the World Below Than the World Above // Moskowitz S. Strange Horizons: The Spectrum of Science Fiction. New York: Charles Scribner’s Sons, 1976. P. 95.

[258] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона // Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 17.

добыть заветную белую олениху ему мешает юный Яррий, который, невзирая на то, что еще не прошел обряд посвящения в охотники, принимает участие в охоте. Черный Юн мстит Яррию, и того изгоняют из племени, вместе с ним уходит его подруга Ронта. Проблуждав какое-то время, Ронта принимает решение вернуться в племя, в котором к тому моменту началась эпидемия.

В ее отсутствие колдуны безуспешно пытались избавиться от заразы, использовали разные способы, описания которых, судя по всему, взяты из верований народов Севера: поменяли имена людям, принесли страшную жертву — ребенка (эта сцена описана натуралистично) и даже отправились всем племенем к дракону, дожившему до их времен динозавру, чтобы он пожрал всех слабых и позволил жить остальным. Увидев Ронту, соплеменники просят ее добровольно пойти к дракону и умилостивить его, стать искупительной жертвой, заменить собой сбежавшую белую олениху, и она соглашается.

Изгнанник Яррий, сам плохо понимая — по какой причине, идет следом за Рontой. Если Ваттан, персонаж «Восьми племен», лишь изредка сомневается в высших силах, то Яррий постоянно высказывает крамольные мысли о колдовстве и богах. Яррий решает сразиться с Лунным Драконом, древним божеством. Яррий не боится нарушать заветы предков, осуждения своих соплеменников. Сам автор пишет в предисловии: «Богоборцем-мятежником, первым революционером древнейшего палеолита, я сделал своего Яррия»[259]. Вот и Н.Ф. Кулешова подчеркивает: «В «Жертвах дракона» есть то, чего не было в прежней прозе Тана-Богораза. Это новое — в изображении бунта человека против богов и против слепого следования языческим обрядам и обычаям»[260]. Действительно, главным героем на этот раз стал самый настоящий революционер, богоборец, что было естественно после событий, происходивших в России с января 1905 г. по июнь 1907 г., событий, получивших историческое название Первая русская революция. Тогда шли массовые выступления против царя, монархии, фактически готовилась почва для Октябрьской революции 1917 года.

---

[259] Цит. по изд.: Тан (Богораз) В.Г. Предисловие // Тан-Богораз В.Г. Жертвы дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С.7.

[260] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. С. 105.

Безусловно, лишь Яррий является истинным богоборцем, но и некоторые другие герои позволяют себе выступать против воли богов. Они спорят с высшими силами, пытаются их обмануть. Кощунственные речи можно услышать не только из уст «революционера» Яррия, но и Черного Юна, который ругается с божеством, торгуется за жизни своих соплеменников, однако в итоге все-таки покоряется тому, что в его понимании неизбежно.

Яррий вступает в бой с ящером, однако практически сразу понимает, что на самом деле это никакой не бог, не создание, наделенное сверхъестественными способностями, а обычное животное, пусть и очень крупное. Как закончится эта схватка? Автор не дает ответа на этот вопрос, финал открытый. Сам Тан-Богораз так высказался об этом: «Я оставил роман свой как бы неоконченным, ибо я не хотел дать свирепому дракону пожрать благородного Яррия и не мог дать Яррию победить дракона. Пусть же читатели сами кончают, как хотят…»[261]

На первый взгляд, если не считать открытой концовки, роман мало отличается от произведений западных авторов о доисторических временах. Как и в некоторых произведениях из цикла «Дикие времена» братьев Рони, здесь имеется изгнанник. Так что же выделяет роман «Жертвы драконы» на фоне других книг? Сравнивая «Жертвы дракона» с «Борьбой за огонь» Рони-старшего, Кулешова полагает, что «в центре повествования Рони оказались лишь перипетии, связанные с добыванием огня племенем уламров, в то время как роман Тана-Богораза давал несравненно более широкую панораму жизни первобытного человека — его повседневные занятия, обычаи, брачные взаимоотношения внутри племени, религиозные верования и многое другое»[262]. Однако Тан-Богораз не просто реконструирует быт и обычаи наших предков, он показывает, как они воспринимали мир — через призму верований. Колдовство в романе кажется вполне реальным, именно благодаря черной магии колдунья сохраняет Ронту, невзирая на то, что она уже достигла брачного возраста, физиологически недостаточно развитой, тем самым не давая ей потерять девственность.

---

[261] Цит. по изд.: Тан (Богораз) В.Г. Предисловие // Тан-Богораз В.Г. Жертвы дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 7.

[262] Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Издательство БГУ, 1975. С. 106.

Хоть Тан-Богораз при написании романа использовал обширный фольклорный материал, собранный им в экспедициях, в книге нет конкретного упоминания того или иного реально существующего этноса. В «Жертвах дракона» время от времени излагаются сказания, вот одно из них: «С драным оленем была связана зловещая охотничья легенда. Она говорила, что Анаки, много лет тому назад, однажды захватили на реке такое огромное стадо, что насытились убийством и опустили копья; но олени всё шли. Тогда охотники поймали живого оленя, ободрали с него кожу и в таком виде отпустили его на волю. С тех пор ободранный олень привязался к племени Анаков. Он ходит вслед за ними, является им на стойбище и во время охоты и жаждет мести»[263].

Но автор использует фольклорные элементы не только для того, чтобы читатели прониклись духом первобытной жизни, для создания мифологической дикарской атмосферы, нет, каждый из них играет существенную роль в сюжете, героям периодически являются видения, влияющие на их поступки. Так, тот же Яррий отправляется вслед за Ронтой благодаря одному из этих видений, а Черный Юн через некоторое время после опять же очередного видения, вызванного на этот раз потрясением от смерти его любимого сына, идет вместе с племенем на погибель, в пасть дракона.

Интересна ономастика имен. Е.П. Сошкин справедливо замечает, что «ономастика романа весьма эклектична»[264]. Казалось бы, В.Г. Тан-Богораз должен был бы использовать в своей стилизации под сказание исключительно имена чукчей, ламутов и других народов Севера, но здесь наблюдается огромное разнообразие. Тан-Богораз признается в предисловии к роману: «Мой Яррий — это именно реальный прообраз победоносного Юрия»[265], то есть речь о христианском святом Георгии Победоносце, поразившем страшного змия. Колдунья Исса, похоже, получила имя от египетской богини Исиды, олицетворения женственности и материнства, а прекрасная гордая охотница

[263] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона // Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 36.
[264] Сошкин Е.П. Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 9.
[265] Цит. по изд.: Тан (Богораз) В.Г. Предисловие // Тан-Богораз В.Г. Жертвы дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 7.

Дина, с холодом глядящая на мужчин и обожающая выставлять их в дураках, — от Дианы, древнеримской богини охоты, как указывает Е.П. Сошкин[266].

При этом Черный Юн своего маленького сына ласково называет Мышонок. Учитывая общую конструкцию имен в романе и то, что его супругу зовут также — Юна, можно предположить следующее: имя Юна преобразовано от Юноны, покровительницы брака, а Юн — от Юпитера, мужа Юноны, верховного божества в древнеримской мифологии, отца всех богов. На это же указывает и то, что слово Черного Юна имеет огромный вес среди Анаков.

В романе фигурируют два основных племени: Анаки, довольно-таки развитое, уже умеющее добывать огонь, и Гррамы, менее развитое и более волосатое. Название первых, по мнению Е.П. Сошкина, «позаимствовано из Библии, где неоднократно упоминаются *анаким* — доханаанское племя исполинов»[267], и тут он, скорее всего, прав. Что касается Гррамов, то это название, вероятно, восходит к «грр», то есть к простому рычанию зверей.

Любопытно, что каждое из времен года у Анаков имеет свое название. «Весна называлась “бродячее время”, ибо она начиналась уходом с зимних стоянок. Мужской и женский лагеря разбивались врозь и медленно шли вперёд на расстоянии дня пути, направляясь к реке Дадане и охотничьим полям. Лето называлось “время встречи”, ибо оно начиналось после оленьей охоты и оканчивалось встречей с жёнами, праздником брака и осеннего солнца. Осень называлась “время воскресения зверей”, ибо она заканчивалась этим праздником. Зима называлась кратко и выразительно: “время смертей”»[268].

В.Г. Тан-Богораз подробно описывает праздники и церемонии выдуманного им народа Анаков, насыщает свой текст поэтическими строками, которые герои наполовину пропевают. Эти строфы создают особый эффект при чтении, добавляют аутентичности повествованию:

«Пять трясогузок сидели под листьями клёна.

---

[266] Сошкин Е.П. Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 10.
[267] Там же. С.10.
[268] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона // Тан-Богораз В.Г. Жертвы дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 136.

Пришли пять турухтанов и распустили свои крылья.

И сказали: “Спляшем брачный танец.

Совьём колесо солнцу, будем плясать брачный пляс.

Будьте нам жёнами, будем вам мужьями...”»[269]

Не обошел своим вниманием автор и предания о близнецах, часто встречающиеся в языческих верованиях. Так, о сыновьях Майры Глиняной, Антеке и Лиасе, в племени поговаривают, что у нее один ребенок от человека, а другой — от дьявола (одного из могущественных злых созданий, существующих наравне с духами). Отцом Лиаса был Большой Лиас, а имя Лиас, в свою очередь, несомненная отсылка к имени Диас (Зевс), при этом сам Большой Лиас отказался признавать своим сыном Антека. Таким образом, имя Майра Глиняная преобразовано от Майры (Мэры), дочери аргосского царя Прета, родившей сына от Зевса. А на кого же намекает автор именем Антек? Вероятно, речь идет об Антее, жестоком великане, сыне Посейдона. Впрочем, в романе обоих малышей ждет гибель: одного убьет перед смертью мамонт, что всё племя сочтет добрым знаком, а другого принесут в жертву во время эпидемии. В.П. Сошкин отмечает: «Этот мотив убийства одного из близнецов <...> соответствует широко распространенной среди первобытных народов практике, основанной на веровании, что один из близнецов является порождением злого духа»[270]. Но Тан-Богораз явно учитывал не только верования первобытных народов, но и греческие мифы, в которых несколько раз встречается мотив рождения женщиной близнецов, из которых один ребенок от смертного, а второй — от бога.

Исходя из всего вышесказанного видно, как тщательно Тан-Богораз работал над текстом, каждая деталь в романе «Жертвы дракона» направлена на то, чтобы не только показать, как жили наши далекие предки, но и передать читателю их миропонимание, привнеся, впрочем, идею богоборчества.

В 1914 г. вышла повесть «На озере Лоч» («На озере Лоче»), опубликованная отдельной брошюрой в Москве «Торговым домом С. Курнина и Ко». Фабула

---

[269] Там же. С. 71.

[270] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55. [Электронный ресурс] URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения: 9.09.2023).

повести типична для произведений о доисторических временах: столкновение двух племен. Решение конфликта также традиционно и восходит к сказкам — предводитель одного племени влюбляется в девушку из другого, она отвечает ему взаимностью, несмотря на гибель в сражении своего близкого родственника — Малта, двоюродного брата, и оба племени объединяются в одно. Здесь необходимо упомянуть, что события повести разворачиваются в более позднюю эпоху, чем «Жертвы дракона», во времена свайных построек.

В.Г. Тан-Богораз не скрывает, что при ее написании вдохновлялся сказочными мотивами, в частности шаманские видения Низеи, главной героини, «взяты почти буквально из «Рассказа о безруком шамане», очень известного на крайнем северо-востоке Азии»[271]. Причем на этот раз, в отличие от «Жертв дракона», у повести есть четкая географическая привязка: «Действие её происходит приблизительно на севере Италии, на одном из озёр»[272]; разумеется, в те доисторические времена никакой Италии еще не существовало. Здесь автор сам указывает, откуда взялись названия двух враждующих племен: слово «Селоны» (озерные жители) «имеет отношение к группе племенных имён, наиболее древних в Италии: сикулы, сиканы (также валлийские силуры)»[273], а «Луры» (более развитое племя, использующее бронзу) — «мидийского корня, подобно многим другим именам восточной Европы, известных из древних эпох»[274].

В повести автор, как и обычно в своей прозе, использует собранный им богатый этнографический материал. Так, Низея, увидевшая пришельцев Луров, поначалу принимает их за легендарных Солнцевых Людей, волшебный добрый народ, сулящий всем блага. Мифологическое мировоззрение свойственно и Лурам, тот же Аслан, их предводитель, воспринимает мир через призму легенд и мифов, а себя искренне считает потомком самого Солнца, от которого его отделяет всего двенадцать поколений. Действительно, в повести «На озере Лоч», как и в романах «Восемь племен» и «Жертвы дракона», автор старается показать,

---

[271] Цит. по изд.: Тан (Богораз) В.Г. Предисловие // Тан-Богораз В.Г. Жертвы дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 9.
[272] Там же. С. 8.
[273] Там же. С. 8.
[274] Там же. С. 9.

как думали наши далекие предки, как видели и ощущали мир. Когда Низея подзывает поздних бабочек, называя своими мыслями, она, правда, считает их таковыми, ведь «бабочки — это мысли, которые люди теряют по дороге, но если громко позвать их, они могут вернуться обратно»[275].

Говоря о повести в предисловии, автор подчеркивает: «Воинские игры и пляски, легенды, колдовство и заклинания — всё это заимствовано из действительной жизни различных племён. В частности, рыбьи пляски и насмешливые песни девушек взяты у центральных эскимосов»[276]. Еще В.Г. Тан-Богораз упоминает у Селонов наличие почитаемого всеми Предка (Прадеда), фигуры, собранной из человеческих костей и обернутой шкурами. В повести Предок играет важную символическую роль: он падает в озеро вместе с Асланом. Автор подчеркивает: «Оба племени утратили святыню: Луры — живую, а Селоны — мёртвую. Предок людей и потомок богов вместе рухнули в тёмную воду»[277].

Имя Аслан позаимствовано из тюркских языков и означает «лев», а Низея (Несея, Несайя) взято из греческой мифологии, так звали нереиду, одну из дочерей морского божества Нерея и океаниды Дориды. Таков был творческий метод В.Г. Тана-Богораза при написании «Жертв дракона» и «На озере Лоч»: при кажущейся на первый взгляд эклектичности он сочинил гармоничные произведения, в которых нет ничего лишнего, искусственного или казуального, каждый эпизод, каждая деталь работает на создание общей цельной картины.

В журнале «Печать и революция» книга 1 за 1929 год вышла рецензия Сергея Обручева, в которой он следующим образом отозвался о «Жертвах дракона» и «На озере Лоч»: «Интерес рецензируемых повестей в том, что они написаны этнографом, суммировавшим в них наблюдения над наиболее первобытными племенами современности. Получилась чрезвычайно интересная реконструкция возможного (или воображаемого?) быта, обычаев, легенд

[275] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. На озере Лоч // Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 205.
[276] Цит по изд.: Тан (Богораз) В.Г. Предисловие // Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 9.
[277] Цит. по изд.: Тан-Богораз В.Г. На озере Лоч // Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона. На озере Лоч: роман, повесть. М.: Издательство «РуДа», 2019. С. 230.

первобытного человека»[278]. К недостаткам «Жертв дракона» Обручев относит то, что писатель ввел в сюжет дракона: «Существование гигантских ящеров в эпоху палеолита немыслимо, они вымерли гораздо раньше»[279]. Выделяет он и еще один, по его мнению, минус этих произведений: «Вредна, пожалуй, также излишняя внутренняя вера в шаманское камлание — автор описывает камлание так, что в его действенность начинают верить и читатели»[280].

Нельзя не упомянуть о том, что «Жертвы дракона» и «На озере Лоч» некоторые исследователи причисляют к фантастике — к примеру, эту точку зрения отстаивает В. Окулов, но даже он называет Тана-Богораза «Российским Рони»[281]. И правда, художественные произведения о жизни племен Тана-Богораза имеют такое же отношение к фантастике, как и, допустим, роман «Борьба за огонь» (1909) Рони-старшего. То есть их можно считать как приключенческими книгами о доисторических временах, так и палеофантастикой, расхождение связано исключительно с разной терминологической основой. В работе «Русский модернизм и палеофантастика» Е.П. Сошкин объяснил это расхождение в терминологии: «По-английски существует понятийное разграничение двух родственных, но не тождественных друг другу повествовательных жанров — prehistoric fiction и prehistoric sci-fi. Первое из этих двух понятий объединяет нарративы о доисторических людях и животных (в отдельных случаях — только животных) в доисторических условиях; второе — все прочие нарративы, в которых действуют доисторические люди и/или животные. <…> По-русски оба множества текстов объединены общим названием — палеофантастика»[282]. При этом сам Тан-Богораз именовал два своих самых известных романа — «Жертвы дракона» и «Восемь племен» — палеолитическими[283]. Е.П. Сошкин утверждает: «Пф-романы Богораза «Восемь племен» и «Жертвы дракона» входят в число

[278] Обручев С. [Рец. на III и IV тома собр. соч. В. Г. Тана] // Печать и революция. 1929. Кн. 1. С. 142.
[279] Там же. С. 143.
[280] Там же. С. 143.
[281] Окулов В. «Российский Рони» // Окулов В. Bibliouniversum (Попытка контакта). Иваново: Талка, 2008. С. 88.
[282] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55. [Электронный ресурс] URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения: 9.09.2023).
[283] См.: Тан-Богораз В.Г. Автобиография // Тан-Богораз В.Г. Союз молодых. М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. С. 356.

наиболее фундированных в научном отношении образцов жанра, где быт, культура и мышление доисторических людей кропотливо реконструируются на основе данных сравнительной этнографии и религиоведения»[284].

Между прочим, у Тана-Богораза есть и научно-фантастические работы — таков опубликованный в книге «Италии. Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине» (издательство «Шиповник», 1909) отрывок из оставшегося незавершенным романа «Завоевание Вселенной».

К сожалению, после Октябрьской революции 1917 г. В.Г. Тан-Богораз более не писал о древних временах. Б.И. Карташев в биографической работе «По стране оленных людей. Путешествия В.Г. Тана-Богораза» утверждает: «После 1910 года Богораз долгое время не создает новых беллетристических произведений. Только спустя восемнадцать лет он снова возвращается к художественной литературе: в 1928 году выходит в свет его роман «Союз молодых», посвященный гражданской войне в Колымском крае»[285]. Но тут он заблуждается, Тан-Богораз продолжал писать прозу, он сам об этом говорит в предисловии к роману «Союз молодых» (вышел под названием «Старые и новые. Трилогия из северной жизни» в выпускавшемся «Красной газетой» журнале «Вокруг света» №№5-14, 17-23 за 1927 г., книжное издание под названием «Союз молодых» — в «Государственном издательстве» в 1928 г.): «Я написал первый рассказ в 1914 году, на самом пороге войны, и долго не печатал, даже не хотел напечатать, ибо в своем первоначальном виде то был рассказ без продолжения и без внутреннего смысла. Мы ведь не знали вначале, какое продолжение дадут судьба и история нашей короткой передышке между двух революций, и чем кончится амнистия 1905 г. и как конституция станет погромом, а потом революция «эксом», и затянется волынка на девять лет и вспыхнет война и подземный провал, извержение вулкана —

[284] Сошкин Е.П. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. №55. [Электронный ресурс] URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения: 9.09.2023).
[285] Карташев Б.И. По стране оленных людей. Путешествия В.Г. Тана-Богораза. М.: Государственное издательство географической литературы,1959. С. 45.

РЕВОЛЮЦИЯ со всех заглавных букв, и как террористы станут «контрами». От «экса» до «контры» — какое изменение пределов...»[286]

После Гражданской войны у писателя вышли два романа, упомянутый выше «Союз молодых» («Старые и новые») и «Воскресшее племя» (Государственное издательство «Художественная литература», 1935). В романе «Союз молодых» три части, в книжном издании 1930 г., опубликованном «Землей и фабрикой», они называются так — «Ружейная Дука», «Викеша казаченок» (в журнале в 1927 г. издана под названием «Союз молодых») и «Полковник Авилов» (в журнале в 1927 г. издана под названием «Молодые партизаны»). В «Союзе молодых» показано, как меняется Колыма, как в привычную жизнь сначала проникает революционное мировоззрение «красных», а затем являются убегающие от «красных» «белые», творящие зверства, измывающиеся над местным населением. «Союз молодых» — страшный приключенческий роман о том, как проходила революция на Колыме, в его последней главе сын, один из вожаков «красных», убивает собственного отца, главаря отряда «белых», до этого изнасиловавшего его возлюбленную.

Что же касается «Воскресшего племени», то в нем речь идет о возрождении после Октябрьской революции едва полностью не уничтоженного народа юкагиров. Д.К. Зеленин в сноске в статье «В.Г. Богораз — этнограф и фольклорист», посвященной в первую очередь научной деятельности писателя, отмечает, что из всей его беллетристики «к этнографии ближайшее отношение имеют «Чукотские рассказы» 1899 г. и роман «Воскресшее племя» 1935 г.»[287].

И верно, в эти годы В.Г. Тан-Богораз, кроме всего прочего, активно занимался научной и административной работой. В 1918 г. он был назначен сотрудником Музея антропологии и этнографии Академии наук, с 1921 г. преподавал в разных высших учебных заведениях. При его непосредственном участии 20 июня 1924 года был основан Комитет содействия народам северных

[286] Цит. по изд.: Тан. Предисловие // Тан-Богораз В.Г. Союз молодых. М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. С. 9-10.
[287] Зеленин Д.К. В.Г. Богораз — этнограф и фольклорист // Памяти В.Г. Богораза (1865-1936): сборник статей / отв. ред. академик И.И. Мещанинов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1937. С. XV.

окраин при Президиуме ВЦИК, в декабре 1929 г. — Институт народов Севера, а в 1932 г. открыт Музей истории религии в Ленинграде, где он и стал директором.

Научной деятельности В.Г. Тана-Богораза посвящено множество работ, о значимости его научных трудов начали писать еще при его жизни — к примеру, к семидесятилетию со дня его рождения вышел журнал «Советская этнография» №4-5 за 1935 г., в котором, в частности, была опубликована статья «В.Г. Богораз-Тан» Я.П. Алькора[288]. В том же журнале вышла еще одна примечательная работа — «В.Г. Богораз в зарубежной критике» Е.Г. Кагарова[289], в которой говорится, как были встречены научные труды Тана-Богораза в других странах, какой получили отклик в зарубежной прессе.

В.Г. Тан-Богораз скончался 10 мая 1936 года. За десять лет до смерти, 20 мая 1926 г., он вспоминал: «Два раза объехал землю по широте, был на голоде, был на последней войне с санитарным отрядом, ходил пешком через Карпаты, забрался в Венгрию, на польском фронте был, потом отступил довольно стремительно. Был на коне и под конем. <…> Тяжелое раздумье между двух революций досталось нам дорого. Начальство расставило вешалки по всем городам. А снизу выдвигались анархисты, боевики, всевозможные эксы, дружины боевые и разбойничьи. В то время было хорошо тем, кто был связан с партией, но мы, беспартийные, метались. Началась война, а с ней патриотический угар. Мы, интеллигенты, писатели, художники и прочая шушера обрадовались <…> Нам, изгоям, духовным изгнанникам, словно подарили отечество, новое с иголочки, только что отчеканенное по военному заказу»[290].

Столь насыщенная жизнь не могла не сказаться на его произведениях. Так в чем же самобытность его романов «Восемь племен», «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч», что отличает их от многочисленных текстов западных авторов на близкую тематику? Фабулы его произведений вполне типичны для жанра и даже в начале XX века уже не блистали новизной: вражда племен, герой-изгнанник,

---

[288] Алькор Я.П. В.Г. Богораз-Тан // Советская этнография. 1935. №4-5. С.5-31.
[289] Кагаров Е.Г. В.Г. Богораз в зарубежной критике // Советская этнография. 1935. №4-5. С. 233-235.
[290] Тан-Богораз В.Г. Автобиография // Тан-Богораз В.Г. Союз молодых. М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. С.358-359.

козни колдунов. Как уже отмечалось выше, Тан-Богораз не только создал неоднозначных героев, но и использовал уникальный этнографический материал. И пусть «Жертвы дракона» и «На озере Лоч» несколько эклектичны, это только придает им глубину. Что же касается романа «Восемь племен», то это первая попытка в романе реконструировать жизнь чукчей и других народов Севера до прихода русских. Ничего подобного на тот момент просто не существовало, и роман до сих пор остается интересен читателям, о чем говорят его переиздания в нашей стране и переводы на другие языки.

Значимость и влияние трудов В.Г. Тана-Богораза невозможно недооценить, причем как научных, так и художественных. К примеру, писатель Геннадий Мартович Прашкевич (1941 г.р.) признавался: «Одной из самых ценных работ, помогавших мне в работе над книгами «Секретный дьяк», «Носорукий», «Тайна полярного князца», «Белый мамонт», «Сендушные сказки», была и остается монография Тана-Богораза “Чукчи”»[291]. В повести «Страна Семи Трав» (1954) Леонида Платова (Ломакина, 1906-1979) один из героев советует другому: «Прочтите Тана, Попова, наконец, мою брошюру, вышедшую недавно»[292]. Что же касается романов «Восемь племен», «Жертвы дракона» и повести «На озере Лоч», то общие с ними мотивы можно обнаружить во многих вышедших позже приключенческих произведениях о доисторических временах русских писателей. Так, герои повести «Поселок на озере» (1940) Сергея Покровского (1874-1945), как и персонажи «На озере Лоч» В.Г. Тана-Богораза, живут, соответственно, на озере. А Александр Линевский (1902-1985), как и Тан-Богораз в романе «Восемь племен», описал в «Листах каменной книги» жизнь в северных землях, но в Каменный век (тут следует уточнить, что хоть повесть «Листья каменной книги» впервые появилась в печати в 1930 г., каноничной признают редакцию 1952 г., значительно дополненную). Также у упомянутых авторов в произведениях велика роль колдунов, шаманов.

---

[291] Цит. по изд.: Прашкевич Г.М. Владимир Германович Богораз (Тан) // Прашкевич Г.М. Красный сфинкс. История русской советской фантастики от В.Ф. Одоевского до Б.Г. Штерна: в 3 кн. 4 изд., исправл. и доп. М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. Кн. 1. С. 94

[292] Цит. по изд.: Платов Л.Д. Страна Семи Трав // Платов Л.Д. Повести о Ветлугине. 2-е изд., исправл. Рязань: Издатель Митин А.С., 2024. С. 367.

2.2. Мистико-религиозное мировосприятие в произведениях А. Барченко

Александр Васильевич Барченко родился в 1881 году в Ельце. Роман Демин указывает: «Вырос в семье нотариуса окружного суда Василия Ксенофонтовича Барченко и был тут приемным сыном»[293]. Д.А. Ляпин упоминает важный факт, оказавший большое влияние на мировоззрение автора и в какой-то мере его героев: «Отношения с отцом у молодого Александра были натянутыми, поскольку расчётливый и прагматичный отец не понимал сына, которого с юного возраста отличала склонность к мистике, и не помогал ему материально»[294]. С.Л. Слободнюк кстати подчеркивает: «Переходные периоды между историческими эпохами всегда сопровождаются кризисными явлениями в сфере общественного сознания. Рушатся морально-этические стереотипы, на смену старым религиозным доктринам приходят новые; формируются иные, совершенно непривычные системы ценностей»[295].

Как бы то ни было, Барченко окончил гимназию в Санкт-Петербурге в 1898 году, затем поступил на медицинский факультет Казанского университета, после продолжил обучение в Юрьевском университете. Из-за проблем с финансами не завершил учебу. И.А. Емец пишет: «По легенде, во время учебы в Юрьевском университете молодой Барченко познакомился с профессором римского права Кривцовым, который в свою очередь был лично знаком с небезызвестным французским мистиком Александром Сент-Ив д’Альвейдром <...> он был автором таких книг, как «Миссия евреев» и «Миссия Индии в Европе». <...> Эти рассказы якобы произвели такое сильное впечатление на Барченко, что наложили отпечаток на всю его дальнейшую жизнь»[296].

---

[293] Демин Р. Ученый и мистик с елецкими корнями // Липецкая газета. 2021. 19 окт. [Электронный ресурс] URL: https://lg.lpgzt.ru/aticle/uchenyy-i-mistik-s-eletskimi-kornyami.htm (дата обращения: 10.05.2022).

[294] Ляпин Д.А. Наука и мистика // Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в XVIII — начале XX веках. Саратов: Новый ветер, 2012. С. 168.

[295] Слободнюк С.Л. Идущие путями зла... (древний гностицизм и русская литература 1880-1930 гг.). СПб.: Алетейя, 1998. С. 7.

[296] Емец И.А. Случайные и неслучайные совпадения // Емец И.А. В поисках затерянных городов. М.: Армада-пресс, 2002. С. 196-197.

Вообще, о Барченко, ставшим известным оккультистом, есть много трудов, в основном исследователи пытаются разобраться в хитросплетениях его жизни: «Alexander Barchenko: Budding Red Merlin and His Ancient Science» А. Знаменского (2011)[297], «Новое об оккультисте Страны Советов» Э. Кудрявцева (2006)[298], «Александр Барченко: факты биографии» В.А. Лихачёва (2015)[299], «Советский основоположник «удлиненной» модели всемирно-исторической хронологии. Профессор-оккультист Александр Васильевич Барченко» П.Д. Самородова (2020)[300], «The Occultist Aleksandr Barchenko and the Soviet Secret Police (1923–1938)» О. Шишкина (2012)[301], «В поисках Гипербореи. Александр Барченко (1881-1938)» Е. Яковлева (2020)[302] и др.

Чтобы лучше понять личность Барченко, его мировоззрение, что в дальнейшем поможет разобраться в мировоззрении его героев, особенно доктора Черного, персонажа одноименной дилогии, следует обратиться к его экспедиции на Кольский полуостров в 1922 году.

В.Я. Шумкин в статье «Проблемы сохранения археологического наследия Северо-Запада Российской Арктики» остерегает: «Существует и ещё одна очень опасная для охраны и научного изучения археологического наследия проблема, связанная с калечащей сознание населения «деятельностью» эзотериков и оккультистов <...> Им кажется, что до них ничего не делалось по данной тематике, и они как «пионеры» изучения человечества могут помещать его в немыслимые условия, направлять по несуразным, выдуманным маршрутам, не взирая, а скорее не зная реальности временных параметров и природных

---

[297] Znamenski A. Alexander Barchenko: Budding Red Merlin and His Ancient Science // Znamenski A. Red Shambhala: Magic, Prophecy, and Geopolitics in the Heart of Asia. Wheaton (IL): Quest Books / Theosophical Publishing House, 2011. Pp. 43-66.

[298] Кудрявцев Э. Новое об оккультисте Страны Советов // Нева. 2006. №12. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/neva/2006/12/novoe-ob-okkultiste-strany-sovetov.html (дата обращения: 6.05.2022).

[299] Лихачёв В.А. Александр Барченко: факты биографии // Земля TRE. 2015. №2. С. 9-13.

[300] Самородов Д.П. Советский основоположник «удлиненной» модели всемирно-исторической хронологии. Профессор-оккультист Александр Васильевич Барченко // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.П. Самородов, зам. отв. редактора А.А. Богданова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2020. С. 288-310.

[301] Shishkin O. The Occultist Aleksandr Barchenko and the Soviet Secret Police (1923-1938) // The new age of Russia: Occult and esoteric dimensions / ed. B. Menzel, M. Hagemeister, B.G. Rosenthal. Munchen, Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. С. 81-100.

[302] Яковлев Е. В поисках Гипербореи. Александр Барченко (1881-1938) // Яковлев Е. Друг государства. Гении и бездарности, изменившие ход истории. СПб.: Питер, 2020. С. 54-67.

ситуаций. А началось это, пожалуй, с мистиков конца XIX — начала XX вв. Среди них основатель теософического движения религиозный философ Е. Блаватская. К её последователям можно отнести и оккультиста, исследователя телепатии А. Барченко. Став сотрудником спецотдела ОГПУ, он по заданию своего начальника, чекиста Г. Бокия, в начале 20-х гг. прошлого века возглавил экспедицию в центр Кольского полуострова. Целью было изучение шаманских обрядов, практик и особенно загадочного массового гипноза (мереченье) у местного саамского населения. Но экспедиция вместо этого занялась поисками «допотопных» цивилизаций, а именно — Гипербореи. «Результаты» экспедиции и трагическая судьба А. Барченко (расстрелян в 1938 г. своими товарищами чекистами) привлекли внимание некоторых настроенных на эзотерический лад «исследователей», среди них на первом месте по активности и плодовитости стоит В. Дёмин»[303]. Валерий Никитич Дёмин действительно написал немало работ о Гиперборее, он утверждал: «…Барченко сумел организовать экспедицию, которая в 1922 году обследовала глухие районы Кольского полуострова. Главной целью (точнее — тайной подцелью) были поиски следов древней Гипербореи»[304].

В связи с этим заявлением огромный интерес представляет статья «Родоначальник кольской Гипербореи» из цикла «Мурман фантастический» Д. Ермолаева, сотрудника Государственного архива Мурманской области. Ермолаев попытался разобраться, чем на самом деле занимался Барченко на Кольском полуострове, как проходила экспедиция 1922 года. Ермолаев пишет: «Если отбросить в сторону разного рода эзотерику, обнаружится, что о начинании, осчастливившем мир кольской Гипербореей, неизвестно почти ничего. Между тем событие это было для Мурмана выдающимся, знаковым. И, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, лишенным всякой мистики. Более того, изучая документы, связанные с ловозерской экспедицией Барченко, я то и дело задавался вопросом: неужели это то самое знаменитое путешествие? Где аномальные

[303] Шумкин В.Я. Проблемы сохранения археологического наследия Северо-Запада Российской Арктики // Полярные чтения на ледоколе «Красин»-2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2016 г.). М.: Издательство «Паулсен», 2017. С. 288-289.
[304] Дёмин В.Н. История Гипербореи. М.: Вече, 2009. С. 6.

явления? Где умопомрачительные загадки и душераздирающие тайны? Где Гиперборея наконец? В протоколах, постановлениях, актах и телеграммах, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области, о древней цивилизации не упоминается вообще»[305]. Ермолаев констатирует, что «главная цель экспедиции — экономическое обследование Мурмана — постепенно оказалась отодвинута на второй план, а затем забыта. Второстепенная же сперва заслонила ее, а потом и вовсе вытеснила, растворила в себе, оставшись единственной и неповторимой»[306].

В журнале «Псков» №14 и №15 за 2001 год М.А. Кузьменко со своей вступительной заметкой и комментариями А.В. Филимонова опубликовала воспоминания «История Глеба Бокия» Маргариты Владимировны Ямщиковой (1872-1959), выступавшей в печати под псевдонимом Ал. Алтаев. В работе Ямщиковой неоднократно упоминается Барченко, приводится раннее мнение о нем Глеба Ивановича Бокия (1879-1937), крупного деятеля советских органов государственной безопасности: «Это большого ума и таланта человек, философ и ученый, который у нас при ГПУ организовал кружок; мы знакомимся там со многими научными открытиями и жалеем, что не знали раньше этого замечательного человека»[307]. Там же Ямщикова передает слова доктора Вечеслова (судя по всему, это Михаил Георгиевич Вечеслов): «Как же не знать этого проходимца! Подозрительный тип с темным прошлым, которого Глеб Иванович Бокий вызволил из-под ареста. Теперь он морочит головы всем в ГПУ. Придумал научный кружок и открывает фантастические истины»[308].

Но кто бы как ни относился к личности Барченко и каким бы он ни был на самом деле человеком, большинство исследователей, ознакомившихся с его художественными произведениями, положительно отзываются о них. Так, Эдуард Кудрявцев замечает: «В мою работу не входит анализ приключенческих рассказов Александра Васильевича, которые могли бы украсить любой журнал — и не

[305] Ермолаев Д. Мурман фантастический 6.2. Родоначальник кольской Гипербореи // Мурманский вестник. 2017. 2 февр. [Электронный ресурс] URL: https://www.mvestnik.ru/our-home/pid201702028l/ (дата обращения: 6.05.2022).
[306] Там же.
[307] Алтаев Ал. [Ямщикова М.В.]. История Глеба Бокия (начало) // Псков. 2001. № 14. С. 217.
[308] Там же. С. 217.

только для юношества»[309]. Егор Яковлев сравнивает наиболее удачные места дилогии «Доктор Черный» с книгами Томаса Майн Рида, Генри Райдера Хаггарда и прочих классиков приключенческого жанра[310].

И.А. Емец более критично оценивает малую прозу Барченко. Приводя в качестве примера рассказ «Святою ночью» (издан в журнале «Русский паломник» №16 за 1914 г.), Емец заявляет: «Как правило, его рассказы представляют собой просто зарисовки из повседневной жизни, которые автор, по всей видимости, мог наблюдать лично»[311]. Следует отметить, что далеко не все рассказы Барченко имеют отношение к приключенческому жанру, некоторые являются бытовыми, как тот же «Без расчету» (о надорвавшемся грузчике) (издан в журнале «Бодрое слово» №11 за 1909 г.), однако у него довольно много рассказов и повестей с сильным авантюрно-приключенческим элементом, о чем ниже будет говориться подробнее. При этом Емец лестно отзывается о его дилогии «Доктор Черный»: «Совершенно иное впечатление производит повесть «Доктор Черный» <…> и ее продолжение, получившее название «Из мрака» <…> Безусловно, это лучшие произведения Барченко. Помимо лихо закрученного сюжета в них можно найти идеи, явно иллюстрирующие воззрения самого автора»[312].

Светозар Барченко, сын А. Барченко, рассуждая о творчестве отца, писал в работе «Время собирать камни» (1991), что «не в столь уж отдаленные от нас времена, в начале семидесятых годов, в одном из номеров «Литературной газеты» была напечатана статья Виктора Платоновича Некрасова <…> Статья называлась, кажется, «Разговор с читателем». <...> Виктор Некрасов приводил выдержку из письма одного из своих корреспондентов»[313]. Речь идет о письме, автор которого лестно отзывался о книгах А. Барченко. Действительно, в «Литературной газете» №46 (4280) за 11 ноября 1970 г. была опубликована статья В.П. Некрасова, правда

---

[309] Кудрявцев Э. Новое об оккультисте Страны Советов // Нева. 2006. №12. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/neva/2006/12/novoe-ob-okkultiste-strany-sovetov.html (дата обращения: 6.05.2022).
[310] Яковлев Е. В поисках Гипербореи. Александр Барченко (1881-1938) // Яковлев Е. Друг государства. Гении и бездарности, изменившие ход истории. СПб.: Питер, 2020. С. 57.
[311] Емец И.А. Случайные и неслучайные совпадения // Емец И.А. В поисках затерянных городов. М.: Армада-пресс, 2002. С. 197.
[312] Там же. С. 198.
[313] Барченко С.А. Время собирать камни: [Предисловие] // Барченко А. Из мрака. М.: Современник, 1991. С. 25.

она называлась «Извинение перед читателями, а также императором Францем-Иосифом». В ней Некрасов, говоря о письмах читателей, приводил фрагмент письма некоего москвича Абезьянина, который упоминал о «замечательном русском романисте буссенаровского толка Барченко»[314].

В советское время произведения А. Барченко не переиздавались, в 1991 г. в издательстве «Современник» увидел свет сборник «Из мрака». А уже в 2022 г. издательство «Престиж Бук» выпустило собрание сочинений А. Барченко в трех томах, по этому собранию и даются далее большинство цитат из его произведений с упоминанием, где именно выходили работы в начале XX века.

Публиковаться Барченко начал во второй половине 1900-х годов, его рассказы и статьи печатались в таких периодических изданиях, как «Бодрое слово», «Жизнь для всех», «Природа и люди», «Исторический журнал», «Мир приключений» и др., порой он выступал под псевдонимами А. Елецкий и А. Нарвский. Более того, как пишет И.И. Баринов, «в Нарве (тогда она входила в состав Петербургской губернии) Барченко появился в 1910 г. Там с апреля того же года он издавал газету «Нарвская жизнь». По своей стоимости и бульварному характеру она, по сути, копировала петербургскую «Газету-копейку». <…> Наряду с откровенно «желтыми» материалами Барченко печатал в «Нарвской жизни» различные популярные очерки под общей рубрикой «таинственное в природе и жизни». При оформлении годичной подписки издатель гарантировал бесплатное получение брошюр на эту тему. Тем не менее троекратный рост цены и увеличение количества рекламы показывает, что газета себя не окупала. Ее издание прекратилось в середине августа 1910 г. на 33-м номере»[315].

В 1914 году в издательстве В.И. Губинского был издан авторский сборник «Волны жизни» А. Барченко, в который вошли его шестнадцать рассказов и небольшая повесть «В “Мокром приходе”».

---

[314] Некрасов В. Извинение перед читателями, а также императором Францем-Иосифом // Литературная газета. 1970. №46 (4280) (11 нояб.). С. 7.

[315] Баринов И.И. Александр Барченко: новые документы о жизни и деятельности // Историческая экспертиза. 2022. №1 (30). С. 173-174.

Многие рассказы Барченко выдержаны в стилистике работ западных писателей приключенческого жанра, тех же Эмилио Сальгари и Луи Буссенара (1847-1910), за исключением того, что главными героями сделаны русские: так, в «Услуге метиса» (сб. «Волны жизни», 1914) говорится о страшной «шутке», сыгранной метисом с русским, а в «Экстренным рейсом» («Мир приключений» кн. 8 за 1915 г.) — о непростой ситуации, сложившейся на борту корабля. В рассказе «Винчестер. Из воспоминаний судебного следователя» («Мир приключений» кн. 11 за 1912 г.) автор с иронией выступил на поле «пинкертоновщины» и даже назвал одного из второстепенных героев, урядника села Измалково, Митрофаном Никитиным (под именем П. Никитин в 1908-1909 гг. выходили русские истории о Шерлоке Холмсе): «Никитина я знал уже как расторопного, исправного, а главное, интеллигентного служаку. Всего полтора года тому назад он, безземельный «дворовый», потомок челядинца измалковского барина, вышел со службы фельдфебелем, отказавшись от сверхсрочной службы. Он готовился к экзамену на классный чин и на дознании держался настоящим «Пинкертоном», тщательно брея постоянно свою сухую нервную физиономию»[316].

Нередко героями Барченко становились представители тех или иных профессий: так, в рассказе «Водолазы» (сб. «Волны жизни», 1914) освещается работа водолазов в Петербурге. Особый интерес представляет упоминавшаяся ранее повесть «В “Мокром приходе”», в ней описывается жизненный путь священника: «Много может сделать приходской священник, и не токмо для храма, но и для самих прихожан. Сумей только доверия добиться, чтоб не за страх, а за совесть тебя уважали»[317]. И отец Василий, главный герой, проявляет свои лучшие качества и даже однажды отправляется во время бури в море, чтобы спасти попавших в беду людей. В этом-то и заключается мировоззрение героев

[316] Цит. по изд.: Барченков А.В. Винчестер. Из воспоминаний судебного следователя // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.2: Волны жизни: повести, рассказы. С. 378-379.
[317] Цит. по изд.: Барченков А.В. В «Мокром приходе» // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.2: Волны жизни: повести, рассказы. С. 284.

большинства рассказов и повестей Барченко: добродетельность, помощь терпящему бедствие, даже недругу, вера в Бога.

В повести «В “Мокром приходе”» как таковой мистики нет. Вообще, если в рассказах и повестях Барченко и встречается мистический элемент, то он чаще всего имеет рациональное объяснение. К примеру, в рассказе «Фольварк “Червоный”» («Мир приключений» кн. 10 за 1915 г.) не призрак скребется, а два человека, два врага, застрявшие в тайном подвале. С другой стороны, в рассказе «Пожар в тайге» (сб. «Волны жизни», 1914) сбывается предсказание шамана о том, что пять человек погибнут, пять человек, о которых он, вроде, никак не мог слышать. В статье «Святочные гадания» («Природа и люди» №8 за 1912 г.) Барченко писал: «Относимые теперь к грубым суевериям, гадания могут в будущем получить новое освещение, если принять во внимание, что науке уже и теперь приходится считаться с возможностью психического воздействия на расстоянии, в форме «чтения мыслей», воспроизведения памятью образов минувшего или картин, вовсе не отмеченных сознанием человека»[318]. Барченко пытался ко всякой мистике относиться с научной точки зрения, насколько в те годы было развито научное знание, о чем также свидетельствуют его статьи «Передача мыслей на расстоянии (опыты с “мозговыми лучами”)» («Природа и люди» №№31-32 за 1911 г.), «Гипноз животных» («Природа и люди» №34 за 1911 г.), «Душа природы» («Жизнь для всех» №12 за 1911 г.) и др.

В журнале «Мир приключений» кн. 1-5 за 1913 г. вышел его роман «Доктор Черный», в том же журнале кн. 1-5 за 1914 г. появилось его прямое продолжение — роман «Из мрака». В каждом романе — по две части. Эта дилогия — наиболее известное художественное произведение автора. Дилогия получилась по-настоящему увлекательной, Барченко привнес в нее оккультные идеи, занимавшие его, а также элементы собственной биографии.

Фактически главным героем романа «Доктор Черный» является вовсе не загадочный доктор Александр Николаевич Черный, приват-доцент, проведший

[318] Цит. по изд.: Барченко А.В. Святочные гадания // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. С. 363-364.

одиннадцать лет в келье в монастыре в Гималаях, а студент Василий Беляев, совершенно случайно очутившийся в толпе протестующих, защитивший девушку и, опасаясь преследования властей, по глупости решивший бежать за границу. Скрыться из Петербурга ему удается во многом благодаря его приятелю Серебрякову, сотруднику редакции газеты, который выбивает ему аванс, страну же он покидает при поддержке доктора Черного. Если бы Беляев позволил властям во всем разобраться, его бы наверняка отпустили, но молодости свойственна импульсивность, необдуманные поступки.

В первой части романа «Доктор Черный» описываются приключения Василия Беляева на море. Беляев, которому состоятельный отец отказывает в помощи в трудную минуту (судя по всему, этот эпизод Барченко взял из собственной биографии), служит сначала матросом на судне «Лавенсари», а затем по чужим документам, а именно — некоего француза Гастона Дютруа, скоропостижно умершего от разрыва сердца, одним из механиков на «Фан-дер-Ховене». Тут Барченко полемизирует с Константином Станюковичем (1843-1903), автором цикла «Морские рассказы» и других произведений:

«Начитавшийся в свое время Станюковича и помнивший до сих пор красочные картины его «морских рассказов», Беляев представлял себе авральную работу чем-то торжественным — молниеносными маневрами с громовой, отрывистой командой капитана, руганью виртуоза-боцмана, непременно красноносого горького пьяницы. Тщетно он ждал «сгорания» парусов, заминка в котором «на один секунд» влечет-де тяжелое наказание.

Здесь, когда нужно было ложиться на другой галс, капитан Маттисон, не торопясь, выходил из своей каюты, ковыряя зубочисткой во рту или почесывая под кожаной курткой свою богатырскую грудь. <…>

— Куда торопиться? — недоумевал боцман, к которому как-то обратился с вопросом Беляев. — За нами никто не гонится, и щеголять нам не перед кем. Да если мы так-то, без надобности, будем корпус трепать быстрым поворотом, наша

посуда через пять лет служить откажется. Если бы шквал прозевали или шторм захватил близко к берегу, где каменьев много, тогда другое дело»[319].

Более того, в первой части романа «Доктор Черный» он по-своему обыгрывает сюжет гибели корабля, столкнувшегося со льдами, до этого, правда, упомянув участь «Титаника». Катастрофа описана реалистично. И лишь отважный Беляев, русский, до последнего остается на борту тонущего судна, исполняя роль телеграфиста, он зовет ближайшие суда на помощь спасающимся на шлюпках пассажирам. На то, что Барченко использовал в сюжете описание гибели «Титаника», указывает и Е. Яковлев[320].

Во второй части романа «Доктор Черный» события переносятся в Индию. Дина Сметанина, дочка богатого нефтяника, как раз та самая девушка, которую Беляев уже несколько раз вызволил из беды, встречает своего спасителя в новом образе, теперь он авиатор. «Что же, собственно, это понятие собой представляет? Звание? Ученая степень? Чин?.. Ничего подобного! Авиатором может быть любой слесарь, механик, приказчик. Никакого ценза не требуется»[321]. Да, Беляев купил самолет на деньги, полученные от компании, которой принадлежало погибшее судно. И вот Барченко уже изображает состязание в воздухе! Беляев остается честным и храбрым человеком, верящим в торжество науки, таково его мировоззрение. Дина благоволит своему спасителю, что не нравится английскому лорду Саммерсу, добивающемуся ее руки. В самолет Беляева подбрасывают кобру, которая и кусает его во время состязаний. И вновь на помощь Беляеву приходит доктор Черный: он забирает несчастного в монастырь в Гималаях, где его и исцеляют.

Первая часть романа «Из мрака» является прямым продолжением второй части романа «Доктор Черный», но Беляев превращается во второстепенного персонажа, здесь он уже получивший диплом инженер. Барченко решил сыграть

---

[319] Цит. по изд.: Барченко А.В. Доктор Черный / Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 69-70.

[320] Яковлев Е. В поисках Гипербореи. Александр Барченко (1881-1938) // Яковлев Е. Друг государства. Гении и бездарности, изменившие ход истории. СПб.: Питер, 2020. С. 57.

[321] Цит. по изд.: Барченко А.В. Доктор Черный / Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 203.

на поприще сенсационного романа, в традиции «Парижских тайн» (1842-1843) Эжена Сю (1804-1857), но перенеся место действия из Европы в Индию: Саммерс, отвергнутый поклонник Дины, строит козни против ее отца, мистера Смита, бывшего Сметанина, натурализованного британца, доверяющего ему, пытается его разорить. В последний момент ситуацию спасает всё тот же доктор Черный, который не равнодушен к Дине.

Любопытен спор Дины и доктора Черного об индусах. Дина говорит: «Что может вас привлекать к стране, где поколения завоевателей воспитали поколения рабов? Ведь каждый из ваших любимцев-индусов — раб. Он привык, чтобы его били то магометане, то белые, привык к тому, что собственные его братья, на касту выше, смотрят на него как на собаку, мирится с тем, что его, хозяина страны, англичанин не пускает в порядочный клуб, словно негра в Америке...»[322] На это доктор Черный отвечает: «Вы назвали рабом народ, создавший культуру, к завоеваниям которой только подходит современная наука. Вы назвали рабом народ, выливший свое мировоззрение в Риг-Веде, отголоски которой наука слышит на протяжении тысячелетий во всех углах земного шара»[323].

Действие второй части романа «Из мрака» начинается в Индии, но вскоре переносится в Россию, в Петербург, а затем и в русскую глубинку. Василий Беляев, продолжающий выступать под именем Гастон Дютруа, и Дина уже муж и жена, он работает заведующим эксплуатацией Хивиальмских водопадов. Семейная жизнь у них не задалась, Беляев, хоть и протягивает руку помощи оказавшемуся в тяжелом положении бывшему приятелю Серебрякову, который помог ему в самом начале его мытарств, превращается в расчетливого дельца и, более того, изменяет супруге. А что же она? Она тоже постепенно охладевает к нему. Беляев говорит ей: «Ты не считаешь сценами твои постоянные вздохи, укоризны, взгляды. Ты создаешь мне обстановку, среди которой физически невозможно работать. Вызывают телеграммой — сцена. Ехать по делу — сцена. Ведь я же не баба, не могу я разводить ваши идиллии, хлебать уху на лоне

[322] Цит. по изд.: Барченко А.В. Из Мрака / Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 293.
[323] Там же. С. 293-294.

природы, когда над головой висит приемка, комиссия, когда вся моя карьера зависит...»[324] И далее: «Жить на проценты с приданого жены, плевать в потолок и заниматься со скуки благотворительностью? Слуга покорный… Я сжился с необходимостью живого, настоящего дела, кипучего, понимаешь?.. Да, и я не понимаю твоих ребяческих воздушных замков о школах, больницах, всяких там добродетелях. Будет поселок вокруг водопада, будет и больница, и школа. Наконец, я тебе вовсе не мешаю. Хочешь чудить — набирай хоть сейчас ребятишек с погоста, там этого сопатого добра неограниченное количество. Чуди на здоровье, но оставь же за мной свободу…»[325]

Дина узнает об измене супруга от его любовницы, когда они обе во время прогулки по окрестностям оказываются завалены в пещерах. Причем эта дама соблазнила ее мужа из мести: «Если ваш батюшка намеревался пустить меня по миру, разве это значит что-нибудь? Разве что-нибудь значит, если женщину бросит человек, который для нее дороже жизни? Если жизнь того же человека, его карьера, будущее бесповоротно разбиты из-за девчонки с косой цвета пеньки и глазами креветки...»[326] Она толкует о Саммерсе, который чуть не разорил отца Дины. Между прочим, за день до этого Дина видела в той стороне огонь, на что плотник ей заметил: «Не к добру это, не к ночи будь сказано — просто можно сказать, к несчастью. Тут, в этих местах, в старое время чудь жила. Очень обнаковенно, не извольте смеяться… Жила, стало быть, чудь, а потом чухны этой стороной завладали, так точно. Вот она, стало быть, и ушла под землю… Чудь эта самая. Живет себе никому невидимо. Ну а как, стало быть, перед бядой, перед несчастьем каким, сразу она повылазит. Огонь жжет, аукает, людей пужает… прямо, можно сказать, невежество. А изымать ее человеку никак невозможно. Подойдешь, а она в землю уходит…»[327] Никакой чуди герои не встречают, но этот эпизод показывает мировоззрение местных жителей. Между прочим, на этом же эпизоде с чудью акцентируют внимание авторы нескольких исследований работ

[324] Там же. С. 424.
[325] Там же. С. 424-425.
[326] Там же. С. 444-445.
[327] Там же. С. 430.

Барченко: так, А.И. Андреев упоминает его в работе «Время Шамбалы»[328], а В. Дёмин в «Истории Гипербореи»[329].

К слову, П.Ф. Лимеров подчеркивал в работе «Легенды о чуди: предки, не принявшие новую веру», что «образ карликовой чуди в соответствующих коми-пермяцких преданиях восходит к мифологии первопредков, а мотив самопогребения чуди — к обусловленному мифологическим сценарием уходу предков — первонасельников мира под землю в связи с изменением самого мира и приходом другого поколения людей»[330]. Но чудь — это не только мифический народ, но и «у славян — общее название финских племен»[331], как сказано в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова).

От смерти красавицу Дину и любовницу ее мужа спасает всё тот же доктор Черный, к которому Дина начинает испытывать чувства. Вот только доктору Черному и Дине не суждено быть вместе. За некоторое время до этих событий доктор Черный вызволил из пожизненного заточения в келье в тибетском монастыре в Гималаях своего ученика Дорна, куда тот отправился по своему собственному желанию еще в конце первого романа после того, как была убита фанатиками его возлюбленная Джемма, приемная дочь доктора Черного. Доктор Черный поклялся заменить его в келье, на что члены братства согласились, дав ему еще два года провести в путешествиях вместе с учеником.

Отсутствие «хэппи-энда» нетипично для западной приключенческой прозы, но не является чем-то необычным для отечественной. Беляев, которому доктор Черный подсказывает, как решить его давние проблемы с российскими властями, покидает и страну, и жену. Дина, его супруга, как уже упоминалось выше, остается одна. Доктора Черного ждет келья, из которой на этот раз ему уже не суждено будет выйти. Дорну, его ученику, предстоит продолжать дело своего

---

[328] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 83-84.
[329] Дёмин В.Н. История Гипербореи. М.: Вече, 2009. С. 243.
[330] Лимеров П.Ф. Легенды о чуди: предки, не принявшие новую веру // Словесность и история. 2020. №2. С. 76.
[331] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. 4: С — Ящурный. Стб. 1304.

учителя, но он счастливее доктора Черного: он находит девушку, похожую на убитую Джемму, и она отвечает ему взаимностью.

А.И. Андреев пишет: «К несомненным достоинствам романов Барченко следует отнести и ту поразительную достоверность, с которой автор живописует Индию. <...> Другое дело Тибет, который Барченко упоминает лишь в связи с горной обителью отшельников, куда случайно попадают его герои. Сведения о тибетских пещерных схимниках, как удалось выяснить, он почерпнул у двух авторов — американца В.В. Рокхиля и англичанина О. Уоддэля. Именно в книге Уоддэля мы находим прототип горного монастыря, описанного Барченко. <...> У Уоддэля А.В. Барченко заимствует и такую трогательную подробность, как просунутая сквозь узкое «окошко» в скале дрожащая рука отшельника «в перчатке», ищущая миску с едой»[332]. Уильям Вудвилл Рокхилл (1854-1914), как принято на сегодняшний день транскрибировать его имя, был дипломатом и специалистом по Тибету, в 1901 г. в Санкт-Петербурге вышел перевод на русский его книги «В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету» (1891)[333]. Что же касается упомянутого Андреевым О. Уоддэля, то это Лоуренс Остин Уоддел (1854-1938), как пишут его имя в современных русскоязычных изданиях, исследователь, археолог-любитель, чьи труды до сих пор вызывают споры. В 1906 г. в Санкт-Петербурге в переводе Е.М. Чистяковой-Вэр вышла его книга «Лхаса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903-1904 года» (1905)[334], в этом издании он значится как Аустин Уоддель.

Скорее всего, Андреев не заблуждается, и Барченко на самом деле читал эти труды, как и роман «Ким» (1901) Редьярда Киплинга (1865-1936). Доктор Черный часто рассуждает о религии: «Я преклоняюсь перед божественной Кармой. С тоскою и ужасом, но… преклоняюсь! Ибо перед ней наши орудия и знания

---

[332] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 43-44.

[333] Рокхиль В.В. В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету / пер. с англ. под ред. В.К. Агафонова, с предисловием и примечаниями Г.Е. Грум-Гржимайло. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 196 с.

[334] Уоддель А. Лхаса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903-1904 года / пер. с англ. Е.М. Чистяковой-Вэр. СПб.: Типография П.Ф. Пантелеева, 1906. 344 с.

бессильны. Но играть, под видом этого преклонения, на руку браминам, тупо затвердившим слова закона, которых они не могут даже понять? Ни-ког-да!»[335]

Также Андреев высказывает следующее мнение: «…при внимательном прочтении романов нельзя не заметить определенного сходства в характере, мировоззрении и даже судьбе Барченко и Черного, что наводит на мысль о том, что загадочный доктор есть alter ego его автора. В то же время, возможно, прав и С.А. Барченко, считающий, что прототипом Черного послужил известный эзотерик П.Д. Успенский. А.В. Барченко, как он полагает, мог посещать лекции Успенского по теософии, с которыми тот выступал в Тенишевском зале в Петербурге в 1910-1912 гг. Но учеником П.Д. Успенского А.В. Барченко так и не стал»[336]. Светозар Барченко подчеркивает, что «изображенные в романах сложные взаимоотношения между членами вымышленного религиозно-философского общества, несомненно, отражают реальное положение дел в среде петербургских теософов. Судя по всему, и черты характера, которыми наделен главный герой обоих произведений, доктор Черный, — человек независимых взглядов, твердых убеждений, ничего не принимающий на веру и стремящийся при помощи строго научных методов проверить и отделить в эзотерических «знаниях древних» зерна истины от наслоившихся позднее мистических плевел, — были в какой-то мере присущи и П.Д. Успенскому»[337].

Александр Барченко черпал вдохновение в самых разных источниках. Когда доктор Черный рассказывает своему помощнику Дорну, как однажды спас в Индии девочку Джемму из племени соли-гуру, у которого нет каст, тот вскрикивает: «Доктор! Вы рассказываете мне страшную сказку, приключение из романа Жюль Верна или Жаколио!»[338] Также в первом романе дилогии «Доктор Черный» есть явные отсылки на роман «Сокровище Родины» Михаила Волконского: «Вы знаете, что в романах посвящающийся проходит обыкновенно

---

[335] Цит. по изд.: Барченко А.В. Доктор Черный / Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 173.
[336] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 42.
[337] Барченко С.А. Время собирать камни: [Предисловие] // Барченко А. Из мрака. М.: Современник, 1991. С. 34.
[338] Цит. по изд.: Барченко А.В. Доктор Черный // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 95.

сквозь огонь, над бездной, переплывает бурное море, встречается с роскошной красавицей и тому подобное»[339].

Талантливо переосмыслив книги своих предшественников и привнеся элементы собственной биографии, А.В. Барченко создал самобытную дилогию.

В «Докторе Черном» есть лишь незначительные мистические элементы, тот же гипноз, зато имеются культы, неоднократно упоминается тайная организация посвященных, что, впрочем, типично для приключенческой литературы, встречается в том же романе «Сокровище Родины» Михаила Волконского, хранители тайного знания описываются и в романе «Тайна мага» (1890) Андре Лори (1844-1909), где, однако, разделяется магия и наука.

Доктор Черный заявляет: «Вы, как и все, имеете самое смутное и ложное представление о том, что такое сокровенное знание, которое наше поколение окрестило оккультизмом. Вам, как и всем, кажется, что существует какой-то краткий самоучитель, по которому можно в год-два, а то и в несколько месяцев получить полнейшую власть над людьми и природой, стоит-де для этого лишь попасть в тайное общество, пройдя предварительно через серию страшных испытаний, которые описывает любой макулатурный роман… <…> Знайте и верьте мне… Никакого оккультизма, никакой магии не существует»[340]. Однако далее говорится: «Почему вы и вам подобные считают возможным подходить к оккультным знаниям без надлежащей подготовки? Разве химик, работающий с цианистыми препаратами, или физик — с токами чудовищного напряжения — пустят в свою лабораторию кого-нибудь, кроме ближайших помощников, посвященных в их тайны?.. Разве лаборатория, разводящая и исследующая чумные и холерные бациллы, не заперта у нас в Петербурге за стенами неприступного, уединенного на море форта? Почему же вам не кажется, что для исследования оккультных тайн не обязательна подготовка, по крайней мере в программе вашего факультета? Поверьте, что, не пройдя современной научной школы, европеец будет бродить в дебрях оккультизма как слепой. Если же он

[339] Там же. С. 159.
[340] Там же. С. 157.

захочет получить подготовку в центре сокровенного знания, то потеряет время и труд. Подготовка по программе и результатам будет та же, но сколько уйдет на усвоение незнакомого языка и непривычного метода!»[341]

М.А. Хлебус в статье «Гностические аспекты в художественном творчестве А.В. Барченко», ссылаясь на начало приведенного выше фрагмента, полагает, что «Барченко настаивает на профанном отношении популярных мистических объединений к «загадкам мира», чем, на наш взгляд, обусловлено его желание углубиться в научную практику в лаборатории Бокия»[342], но, по моему мнению, здесь устами своего героя Барченко скорее говорит об отношении к оккультизму обывателей, а не мистических объединений. Также представляется маловероятным, что на момент публикации романа Барченко, профессиональный литератор, уже стремился заняться научной практикой именно в лаборатории Бокия, с которым начал сотрудничать только в 1920-х гг.

А.И. Андреев констатирует: «Доктор Черный весьма далеко продвинулся по стезе познания тайн природы, однако не следует думать, что он почерпнул свои необыкновенные знания исключительно из теософии. Напротив, он — поборник самой строгой, но не ортодоксальной науки. Он прекрасно знаком с самыми последними достижениями европейской научной мысли, которые, по его мнению, лишь возвращают человека к тайным знаниям прошлых цивилизаций. <…> Но доктор Черный — не оторванный от жизни идеалист-созерцатель, а реалист и практик, использующий свои удивительные способности и знания на благо людей»[343]. Доктор Черный в первом романе дилогии заявляет (Андреев также указывает на этот эпизод[344]): «Существует, господа, некоторая школа, назовите её хоть философской <…> Человечество — говорит эта школа — переживало в древности ступень развития, перед которой меркнут завоевания современной науки. И если это так, то где же искать памятников этого развития, как не у древнейших народов, всегда сторонившихся ревниво от сношений с

[341] Там же. С. 158.
[342] Хлебус М.А. Гностические аспекты в художественном творчестве А.В. Барченко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №12/2. С. 197.
[343] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 40.
[344] Там же. С. 41-42.

народившимся новым, молодым человечеством...»[345] Впрочем, подробные рассуждения или как минимум упоминание неких загадочных древних цивилизаций можно найти во многих как чисто приключенческих, так и фантастико-приключенческих романах конца XIX — начала XX веков, допустим, в «Ариасвати» (1893) Николая Н. Соколова.

Доктор Черный часто ссылается на ученых: «Доктор Пленджен посвящает целую жизнь исследованию дебрей Юкатана. Не цифры и предположения, а убедительнейшие в мире доказательства обнаруживает он: каменные памятники, иероглифы, азбуку — родоначальницу египетских письмен; расшифровывает космогонию древнейших обитателей Юкатана и убеждается, что и космогония, и история последних лишь повторение так называемого «легендарного периода» египетской истории, периода до таинственного законодателя Менеса. Но... доктор Пленджен интересуется теософией. Его открытия оплеваны, освистаны, их просто не обсуждают серьёзные авторитеты»[346]. Любопытны комментарии на этот счет А.И. Андреева: «Однако, при всей наукообразности рассуждений доктора, многие его утверждения весьма спорны, а ссылки на западные авторитеты при ближайшем рассмотрении оказываются не слишком убедительными. Яркий пример тому — упоминание об исследованиях Огюстуса Плонжона (Планджена). В свое время этот французский ученый-самоучка, горячий энтузиаст идеи родства цивилизаций Америки и древнего Египта, наделал немало шума своими открытиями на полуострове Юкатан, где в течение трех десятилетий вместе с женой Алисой Плонжон изучал развалины городов майя. Результаты его поисков, однако, не получили признания ученых, и за Плонжоном прочно закрепилась репутация «фантазера и фальсификатора». Чрезмерное увлечение своими более чем оригинальными теориями привело к тому, что Плонжон нередко терял чувство реальности и принимал или же выдавал желаемое за действительное»[347].

---

[345] Цит. по изд.: Барченко А.В. Доктор Черный // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 232.
[346] Цит. по изд.: Барченко А.В. Из мрака // Барченко А.В. Собр. соч. в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.1: Доктор Черный: романы. С. 377.
[347] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 42-43.

В.Н. Дёмин писал, что Барченко «не просто верил в правдивость древних легенд, но и пытался отыскать реальные следы мифологизированных событий в районе Русского Севера. Именно здесь и развертывается действие его романа «Доктор Черный». Собственно, действие развертывается по всему миру — и в Индии, и в Тибете, но завершается в глубоких и наполненных неразгаданными тайнами подземельях Русского Севера»[348]. Дёмин, судя по всему, имеет в виду всю дилогию, а не только первый роман, так как буквально на следующей странице своей книги «История Гипербореи» обильно цитирует роман «Из мрака» Барченко, акцентируя внимание на рассуждениях старика плотника о загадочной чуде[349], эпизоде, который мной был разобран чуть выше.

А.И. Андреев, рассуждая о романах «Доктор Черный» и «Из мрака» Александра Барченко, подчеркивал: «Оба эти произведения представляют для нас немалый интерес, поскольку изобилуют автобиографическими реминисценциями и в большой степени отражают теософско-буддийское мировоззрение Барченко, вполне сформировавшееся к тому времени»[350]. Однако, если учитывать весь корпус произведений автора, следует говорить скорее не о теософско-буддийском мировоззрении, а о мистико-религиозном.

Так в чем же главное отличие дилогии «Доктор Черный» Александра Барченко от зарубежных образцов? Обычно в приключенческой литературе все мистические элементы объясняются либо фиглярством, либо настоящим колдовством, как в произведениях из циклов «Аллан Квотермейн» и «Айша» Генри Райдера Хаггарда, либо, напротив, имеют строго научное истолкование. Таким образом, если в «черной робинзонаде» «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» (1838) Эдгара Алана По (1809-1849) много мистики, в ее прямом продолжении романе «Ледяной сфинкс» (1897) Жюля Верна вся эта мистика развенчается, показывается с научной точки зрения, в «Киме» Редьярда Киплинга мистические видения священника-ламы имеют и вполне реалистичные объяснения (лама узрел чудесную реку, которую искал, а обычные люди — ничем

[348] Дёмин В.Н. История Гипербореи. М.: Вече, 2009. С. 242.
[349] Там же. С. 243.
[350] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 39.

не примечательную речушку), то в «Докторе Черном», собственно, доктор Черный, как и сам Барченко, подходит к изучению мистики по всем правилам университетской науки, оккультизм в его представлении — наука, имеющая древние корни, что необычно для приключенческого жанра.

Спустя три года после публикации романа «Из мрака» вышла еще одна знаковая работа Александра Барченко — приключенческая повесть «Океан-кормилец» («Библиотека “Всходов”» №1-4, прил. к №3-4 журнала «Всходы» за 1917 г.). Сюжет повести прост: гимназист Василий, сын преуспевающего купца, приехав домой на каникулы, отправляется с приятелями прогуляться на лыжах, сходит с дороги и начинает блуждать, в какой-то миг его спасают от смерти мурманские промышленники, парень сразу не имеет возможности вернуться к семье, а когда такой шанс ему выпадает, решает продолжить путь с ними.

Повесть состоит из двух частей. В первой автор описывает путь промышленников к океану, местную природу, а также нравы лопарей (саамов), к которым они заглянули по дороге, особое внимание уделено древнему захоронению, в которое проваливаются Василий и один из его спутников, на этих страницах вновь упоминается чудь (этот же эпизод рассматривает М.А. Хлебус в статье «В поисках «праучителей»: миф о Гиперборее в жизни и творчестве А.В. Барченко»[351]): «Вот и суди: ни кузни нет, ни железа, а какие хоромы огородили! Сами по вежам живут, а покойникам каменный дом строят. По какой это причине? <...> В старое время здесь, по всей стороне, лопское царство будто стояло. И за Архангельск, и на восток, и к норвегу. И жили будто бы лопари не хуже крещеных. Не то что кузни, города целые строили, мосты каменные. Сейчас, слышь, по Двине, по Онеге остатки видать. В Питере крепше не делают, во, малый, какие! И зима в этой стороне будто много мягче была, в старое, дескать, время. О ту пору они небось и могилы сгородили. А потом, стало быть, пришла на лопскую землю чудь. «Белоглазой чудью» прозывается, а кто она, какой веры, из какой земли — никому неведомо. Стала она лопарей воевать. Каких перебила,

[351] См.: Хлебус М.А. В поисках «праучителей»: миф о Гиперборее в жизни и творчестве А.В. Барченко // Забытые писатели. Вып. 3 / Ред.-сост. Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, Ш.Р. Кешфидинов. СПб.: Свое издательство, 2023. С. 168-169.

каких в тундры позагнала, в пустынь в самую. С тех пор и пошел он, лопин-то, скитаться. Да... А только и чуди это не впрок пошло — вся вымерла. А то, люди сказывают, будто под землю ушла; только, думаю я, этого не может быть, от серости это. Просто, мол, выселилась куда, на полдень, стужа, мол, выгнала, а лопин, тот остался, привык, ему ничего. Так-то...»[352]

Вторая часть посвящена в первую очередь промыслу и отношениям между промышленниками. Автор показывает, как дружны и надежны эти суровые простые люди и как сильно меняется их поведение, стоит только приехать их хозяину, человеку, от которого они зависят: они тут же начинают лебезить перед ним, унижаться. Отдельно следует отметить, что Василий однажды падает за борт, и тогда его товарищ Федька, с который до этого он успел подраться, вытаскивает его из воды. Позже, когда выясняется, что, пока Василий был на промысле, его мать умерла, один из его старших товарищей рассуждает: «А за мамашину душеньку денно и нощно молись. Она это тебя, слышь, избавила от погибели, изъяла из пучины морстей, — она...»[353]

Также Барченко живописует, чем отличается промысел русских и финнов. Финны-колонисты на себя работают, а русские — на хозяина. Европейцы используют разнообразные книги, справочники, инструменты, всё то, что русским мужикам не по карману. Однако русские зачастую с не меньшим успехом ориентируются на приметы.

В финале промышленники, спасшие Василия, уходят в очередной раз в море без него, тут начинается шторм, их жизням угрожает страшная опасность, собирается команда им на выручку, и одним из членов этой команды становится отважный Василий. Так автор закольцевал повесть, показал, как спасенный отплатил добром на добро, не дал погибнуть людям, протянувшим ему руку помощи в самом начале истории.

На первых страницах повести Василий слышит следующее мнение: «Покрутчики эти — самый отчаянный народ. Порядочному человеку с ними одно

[352] Цит. по изд.: Барченко А.В. Океан-кормилец // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. С. 73.
[353] Там же. С. 151.

беспокойство. Кто первый вор? Покрученик. <…> Кто скандалист, пьяница? Он же. За кем недоимки?..»[354] Но постепенно Василий убеждается, что практически все промышленники — люди набожные, христиане, часто упоминают Бога, уповают на него, надеются, что он не оставит их, поможет им не только выжить, но и заработать, чтобы прокормить свои семьи. Более того, они с пониманием относятся к недостаткам друг друга, хотя и могут грубовато пошутить. Так, Николаю Авксентьичу время от времени что-то жуткое мерещится, один из его товарищей поясняет Василию: «Чудится это ему. Этак с ним часто, в голомени-то... Спаси Бог и Царица Небесная, жаль старика. Только Богу сверху виднее, — было, значит, за что...»[355] Причем если у Барченко один из моряков в основном нормальный и лишь иногда теряет связь с реальностью, то в «Отважных капитанах» (1897) Р. Киплинга есть моряк, который большую часть времени помешан и лишь один раз за всю книгу приходит в себя.

К мистическим элементам в «Океане-кормильце» относится случай со старухой, у которой произошел приступ, ее герои утихомиривают еще до начала промысла. «Как вас с Аверьяном не было, с ей опять прикинулось, с лопкой-те. Уж вопила, уж выкликала... Никифор говорит, все будто на нашу голову, будто пропадет наша рейда ночью, пропадет пропадом»[356]. И действительно, как выше уже упоминалось, они чуть не гибнут в океане, но команда вместе с Василием их все-таки спасает, так что это можно считать совпадением: страшное пророчество не сбылось.

Интересен язык повести, часто используются «северные» диалектизмы: *голомень* (открытый океан), *зуёк* (юнга), *кережка* (санки), *падуны* (водопады), *горний* (береговой) и др. Учитывая, что диалектизмы даются не только в речи героев, но и нередко при описании, их функция — придать максимальную реалистичность художественному миру, в качестве примера можно привести

[354] Там же. С. 11.
[355] Там же. С. 99.
[356] Там же. С. 57.

«теплые, глубокие вздохи «горнего» ветра»[357]. В разговорах с финнами Барченко приводит финские слова так, как, судя по всему, сам их слышал, давая их кириллицей: *силли* (сельдь), *каццу* (посмотри) и др. Между прочим, по-фински сельдь будет *silli*[358], а смотреть — *katsoa*[359], значит, посмотри — *katso*. Здесь нельзя не упомянуть финна Пекки Уоттинена, чей образ особо удался автору, Пекка плохо изъясняется по-русски, смешивает русские и финские слова в своей речи, он так говорит Василию, когда зазубрина вонзается в брюхо рыбины: «Вот, сивот... За сивот запопался... Вот гляди... Каццу»[360].

В «Океане-кормильце» океан показан живым существом, на что указывает даже самое название повести, в начале XIII главы второй части следующим образом описываются волны: «…взбудораженная с ночи тяжелая, зыбкая масса океана дробила об утесы те же чудовищные горы. <…> Морские чудовища с пенистыми седыми спинами вылезали со дна, ползли, наступая на передовых, и, кувыркнувшись, перевертывались скользким и мокрым брюхом. Те же, что доползали до берега, отступали и кланялись, кивая седой гривой, и со злобным шипом бросались ничком на отмель, раскидывая по влажному песку частую пенистую сеть»[361]. На этих страницах Барченко отдает дань уважения не только рассказу «Мальва» (1897) Максима Горького, начинающегося с описания моря и веселого плеска волн, со слов «Море — смеялось»[362], но и традициям маринистики. Он словно подчеркивает, что океан для промышленников — живое существо, способное как одарить, так и принести смерть. В этом даже можно усмотреть элементы языческих верований, Барченко как бы тем самым создает особое мифопоэтическое пространство, в котором живут рыбаки.

---

[357] Цит. по изд.: Барченко А.В. Океан-кормилец // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. С. 165.
[358] Шишкина Т.А. Финский язык. Тематический словарь. 20 000 слов и предложений. С транскрипцией финских слов. С русским и финским указателями. М.: Живой язык, 2018. С. 141.
[359] Там же. С. 67.
[360] Цит. по изд.: Барченко А.В. Океан-кормилец // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. С. 134.
[361] Там же. С. 182-183.
[362] Горький М. Мальва // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 3. Рассказы 1896-1899. С. 241.

При этом складывается впечатление, что повесть «Океан-кормилец» — ответ Барченко на упомянутую выше книгу «Отважные капитана» Р. Киплинга. Между этими произведениями много общего. И у Барченко, и у Киплинга главный герой — сын богатых родителей, но если у Киплинга Гарвей — изначально капризный, избалованный подросток, то у Барченко Василий — сразу смелый, честный и работящий молодой человек. У Киплинга Гарвей сваливается за борт парохода, у Барченко Василий — теряет дорогу зимой, оба попадают к рыбакам, но Гарвей проводит с ними время от безысходности — у него нет возможности вернуться домой до окончания лова, а Василию неоднократно представляется возможность уехать к родне, но он по своему желанию остается с промышленниками. Гарвей перевоспитывается, а Василий только становится крепче физически и начинает лучше понимать мурманских промышленников.

Отличие повести «Океан-кормилец» от западных образцов и ее ценность как раз и состоят в том, что автор в увлекательной форме достоверно изобразил нравы русских промышленников.

Вскоре после революции 1917 года Барченко занялся исследованиями, о которых уже говорилось выше и в тени которых остались его приключенческие тексты. Правда, позже вышли еще несколько его работ — к примеру, рассказ «Частное дело» («Вестник труда» №1 за 1918 г.), построенный на беседе о религии со священником, и очерк «К свету» («Соборный разум» №3-5 за 1918 г.). В «К свету» Барченко рассуждал: «В связи с переживаемыми событиями, с нравственной усталостью, идущей на смену небывалому в истории нервному подъему, в русском обществе стремительно повышается интерес к вопросам религиозно-нравственного содержания, в частности — к мистике. <…> В наше время, когда нет семьи, не потерявшей близкого в братоубийственной бойне, интерес к грани между жизнью и смертью, к вопросам о цели жизни, о механизме и моменте смерти достиг высшего напряжения»[363]. И далее Александр Барченко задается вопросом: «Завоевания современного естествознания, открытие целого

[363] Цит. по изд.: Барченко А.В. К свету // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. С. 429.

мира — невидимого, но, бесспорно, существующего мира всепроницающей лучистой энергии, открытие анабиоза, уединения чувствительности, явлений ультралетаргии, ставят современность лицом к лицу с головокружительной догадкой: не скрыты ли под иносказаниями древнейших религиозно-философских школ действительные научные достижения, к которым наша наука еще лишь на пути?»[364] Вот как раз в этом он и пытался разобраться до конца своих дней.

В рассказе «Ненастоящее» («Жизнь для всех» №5 за 1913 г.) он писал: «Страшно не умереть, а уйти из жизни бесследно, ничего не оставив»[365]. Он был расстрелян 25 апреля 1938 года. А.И. Андреев отмечает: «Обвинительная формула Барченко звучала совершенно стандартно: создание «масонской контрреволюционной террористической организации Единое Трудовое Братство» и шпионаж в пользу Англии»[366]. Александра Барченко реабилитировали 3 ноября 1956 г., и его не забыли, он сумел оставить яркий след в истории.

2.3. Нравы таежных бродяг в приключенческой прозе П. Белецкого

Павел Кузьмич Белецкий (1871-1934) — писатель и врач, о котором в последние годы всё больше пишут. К примеру, о нем вышли статьи «Дом ставропольского Фенимора Купера» Г. Беликова[367], «Незаслуженно забытый...» Г. Голощаповой[368], «Потерянный клад... К 150-летию со дня рождения Павла Кузьмича Белецкого» Л. Жидковой[369] и др. Так кем же был Белецкий? Е. Петряев в статье «Врач, ученый, писатель» приводит краткую биографию Белецкого: «Павел Кузьмич Белецкий — сын унтер-офицера, родился в 1871 году в Ставрополе, окончил военно-фельдшерскую школу и около десяти лет работал в

---

[364] Там же. С. 429.
[365] Цит. по изд.: Барченко А.В. Ненастоящее // Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Издательство Престиж Бук, 2022. Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. С. 230.
[366] Андреев А.И. Время Шамбалы. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 177.
[367] Беликов Г.А. Дом ставропольского Фенимора Купера // Беликов Г.А. Старый Ставрополь. 2-е изд. Ставрополь, 2009. С. 259-260.
[368] Голощапова Г. Незаслуженно забытый… [о П. К. Белецком] // Вечерний Ставрополь. 2010. № 169 (4609) (18 сент.). [Электронный ресурс] URL: https://old.vechorka.ru/article/nezasluzhenno-zabyityij/ (дата обращения: 24.07.2024).
[369] Жидкова Л. Потерянный клад... К 150-летию Павла Кузьмича Белецкого // Литературное Ставрополье. 2021. №3. С. 95-102.

госпиталях, земских больницах, на заводах и железной дороге. Приехав в Петербург, он занялся литературным трудом. В 1897 году был напечатан его первый рассказ. Как медик и натуралист он принял участие в 1898-1900 годах в Витимской геологической экспедиции. В 1910 году снова побывал в Забайкалье (в бассейне Шилки), а в 1912 году — на постройке Амурской железной дороги. <…> Забайкальские впечатления дали обильный материал для творчества»[370].

Однако Белецкий всю жизнь писал не только о Сибири, но и о медицине, в частности о значимости фельдшеров. В очерке «Деревенский лекарь», опубликованным в газете «Неделя» №38 за 21 сентября 1897 г., еще до Витимской экспедиции, он так рассуждал о новом «типе врачевателя», фельдшере: «Появился он сравнительно недавно и сменил собою разных «колдунов», «знахарок» и т.п. охранителей народного здоровья. Как ни скуден был вначале запас медицинских знаний этого врачевателя, но он, несомненно, стоял выше всех доморощенных лечителей»[371].

Белецкий размышлял и об участи человечества. В очерке «Вопросы времени», опубликованном в «Сибирском сборнике» №1 за 1900 г., он отмечал: «Никогда еще, кажется, в истории человечества не наблюдалось такой путанницы в понятиях о жизни, никогда миросозерцание мыслящих людей не было так скудно и неустойчиво и никогда, наконец, духовная жизнь их не была так бедна и бессодержательна, как в это злосчастное “наше время”»[372]. При этом Белецкий, упоминая мрачные предсказания, озвученные его современниками, утверждает, что «нельзя предугадывать мир будущего с точки зрения настоящего»[373]. Более того, он пишет: «Теперь мы переживаем такое время, когда каждый вновь наступающий день, может совершенно перевернуть и изменить все старые понятия и создать общественную жизнь на новых основаниях. Нам надлежит не посыпать головы пеплом в виду грядущих перемен и не сокрушаться, драпируясь в тогу близорукого и пессимистического глубокомыслия, а бодро и с надеждой

[370] Петряев Е. Врач, ученый, писатель // Забайкальский рабочий. 1981. №172 (26 июля). С. 4.
[371] П.Б. [Белецкий П.К.] Деревенский лекарь // Неделя. 1897. №38 (21 сент.). Стб. 1205.
[372] Белецкий П. Вопросы времени // Сибирский сборник (приложение к газете «Восточное обозрение») / под ред. И.И. Попова. 1900. Вып. 1. С. 139.
[373] Там же. С. 142.

смотреть вперед»[374]. В этом проявилось его мировоззрение: он верил, что мир можно изменить к лучшему, и готов был приложить для этого все свои силы.

Желая добиться успеха на литературном поприще, Белецкий пробовал себя в разных жанрах. Так, его перу принадлежат: легенда «Чертово городище» (о дочери разбойника), впервые опубликованная в «Журнале-Копейке» (СПб.), 1911 г., № 145/48, октябрь, переиздана в сб. «Колдовской цветок» (2018); «Дар судьбы. Рождественский рассказ» (о гипнотизме и отчаявшемся писателе), впервые опубликованный во «Всемирной панораме», 1911 г., № 140/51, 23 декабря, переиздан в сб. «Гибель Петрограда» (2018); бытовой рассказ «Мечта жизни» (о трагической судьбе врача, узнавшего об измене жены), увидевший свет на страницах «Волн» №4 (март) за 1913 год. Но успех Белецкому принесли не они, а приключенческие произведения о Сибири и злободневная публицистика.

Еще в 1899 г. в газете «Восточное обозрение» №209 и №211 он издал двумя частями очерк «История двух приисков», в котором описал деятельность людей-«хищников»: «Когда вы, читатель, услышите голос золотопромышленника, ратующего за искоренение т. наз. «хищников» (что приходится очень часто слышать), вы попробуйте взором скептика пристальнее посмотреть ему в глаза и вы увидите, что он смутится, непременно смутится... <...> в большинстве наших золотоносных систем пионерами были эти подвергнутые гонению пасынки золотопромышленности»[375]. Ссылаясь как раз на «Историю двух приисков», Ирена Владимирски и Мария Владимировна Кротова в работе «Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX — начале XX в.: взгляд изнутри» пишут: «Журналист Павел Белецкий заметил, что открытие приисков всегда было связано с опасностями»[376].

Находясь под впечатлениями от поездок по Сибири, Белецкий сочинил ряд не только очерков, но и художественных произведений, из которых выделяются романы «Король тайги» (1911), «В горах Даурии» (также выходил под названием

---

[374] Там же. С. 151.
[375] Белецкий П. История двух приисков (начало) // Восточное обозрение. 1899. № 209 (29 сент.). С. 2.
[376] Владимирски И., Кротова М.В. Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX — начале XX в.: взгляд изнутри // История повседневности. 2021. №1 (17). С. 23.

«Золотоискатели в горах Даурии», 1912) и повесть «На вольной земле» (1914). В книге «Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Том 1» есть статья В.Н. Баскакова о жизни и творчестве П.К. Белецкого, в которой отмечается: «Худож. наследие Б. посв. Забайкалью, его суровой природе и отважным людям, тяжелой участи бурят, орочей и поселившихся здесь рус. переселенцев, поискам счастья, далеко не всегда находимого в круговерти «золотой лихорадки», в то время охватившей золотоносные районы Сибири. В ром. «В горах Даурии» («Мир приключений», 1912, № 1-6) и «Король тайги» («Газета-Копейка», 1911, 30 окт.-31 дек.) — захватывающие погони за золотом, схватки, таежные приключения, в к-рых герои проявляют чудеса смелости, находчивости, благородства. Но здесь же и картины бедности и безграмотности забайкальского населения, не смеющего в своей забитости надеяться на лучшую участь»[377].

О. Даусон в статье «Российский Фенимор Купер» обширно цитирует архивные материалы Павла Кузьмича Белецкого, с которыми, судя по всему, ему удалось ознакомиться благодаря Борису Павловичу Белецкому, одному из четырех детей писателя (у Павла Кузьмича были три сына и дочь). Он указывает, что Белецкий винил в том, что молодые поколения восхищаются чужими странами, а свою считают скучной, как раз писателей, которые и сами не знакомы с теми же дебрями девственной Сибири из-за того, что это очень дорого и очень тяжело. При этом Даусон подчеркивает: «Это за ним, Павлом Белецким, после публикации его романов «В горах Даурии» и «Король тайги», пошла слава российского Фенимора Купера. <…> Главное, что в них Павел Белецкий впервые в истории российской литературы открыл молодому поколению всю прелесть и грозность Сибири, вольный дух ее, беды ее малых народов и неслыханные богатства, показал ее волшебные перспективы и как бы пригласил на ее просторы рыцарей и романтиков, деловых людей и ученых, напомнив, что слава России Сибирью прирастать будет»[378]. Фраза «слава России Сибирью прирастать будет» отсылка к трудам М.В. Ломоносова, который 20 сентября 1763 г. в «Заключении»

[377] Баскаков В.Н. Белецкий Павел Кузьмич // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия: НВП «Фианит», 1992. Т. 1: А-Г. С. 206.
[378] Даусон О. Российский Фенимор Купер // Кавказский край. 1992. № 13 (23-29 март.). С. 8.

работы «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» написал «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»[379].

Отмечу, что произведения автора впервые сравнили с книгами Фенимора Купера еще до публикации романов «В горах Даурии» и «Король тайги», так его окрестили на страницах «Газеты-Копейки» №1177 за 1911 год в анонсе готовящегося к печати романа «Король тайги» (он был издан под псевдонимом П. Ставропольский), где говорилось, что это «настоящая поэма сибирской жизни в стиле Густава Эмара, Фенимора Купера и т.п.»[380]

Как бы то ни было, Н. Бичехвост, современный исследователь, вторит О. Даусону в статье «Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким»: «Многие из нас читали романы путешественника В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», о его проводнике, «лесном человеке». Однако пальма первенства в описании опасных похождений и странствий в сибирских дебрях принадлежит Павлу Белецкому, ибо книги Арсеньева появились намного позже»[381]. Справедливости ради, следует сказать, что о Сибири писали и до Белецкого, у него тоже были предшественники, можно назвать роман «Драма в тайге» (1899) Николая Эдуардовича Гейнце (1852-1913). Однако Белецкий работал в другом жанре, нежели Гейнце и прочие его предшественники, «лучшие произведения Белецкого написаны в жанре «истерн», то есть это вестерны, чьи события разворачиваются на русском Севере»[382], и в этом его главная заслуга для развития жанра. Впрочем, к истернам относят и произведения, место действия которых Кавказ[383] или Средняя Азия, если они имеют характеристики вестерна.

---

[379] Цит. по изд.: Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полное собр. соч.: в 11 т. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т.6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747 – 1765 гг. С. 498.

[380] [Анонс романа «Король тайги» П. Ставропольского] // Газета-Копейка. 1911. №1177. 28 окт. (10 нояб.). С. 2.

[381] Бичехвост Н. Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким: [Послесловие] // Белецкий П. Золотоискатели в горах Даурии. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В. по заказу ООО «Фаворит», 2014. С. 326.

[382] Неграш С.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: [Послесловие] // Белецкий П. Король тайги. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 479.

[383] К примеру, см.: Дианова Е.В. Советские истерны / остерны 1920-х годов: приключенческие фильмы о Кавказском фронтире России // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т.9. №3 (35). С. 200-225.

Здесь следует прояснить, что же такое вестерн и истерн? В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» можно найти следующее определение: «ВЕСТЕРН (англ. western) — жанр *массовой литературы*, развившийся в США из повествований о действительных приключениях на американском Западе жителей *фронтира*, индейцев, о которых писали американские журналы и газеты середины 19 в. После Гражданской войны 1861-65, когда на Запад устремились фермеры-скотоводы, героем повестей стал ковбой, а злодеями — преступники, наводнившие Запад после демобилизаций армий северян и южан»[384]. Еще в 1991 году Марек Соколовски в работе «Идейно-эстетическая концепция вестерна и ее трансформации (на материале американского и европейского кинематографа)» рассмотрел разные определения термина «истерн», пришедшего изначально из кино; он подчеркивает, что «на Западе обозначение «истерн» использовалось <…> для указания места действия традиционных «вестернов», переселявшихся из Америки в страны Азии и Ближнего Востока»[385]. Как выше уже сказано, сейчас к истернами причисляют и произведения, события которых в традиции западного вестерна разворачиваются на Русском Севере.

В.М. Головко в работе «Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого» (2023), в которой ссылается и на мою работу по данной теме[386], доказал, что большинство художественных произведений писателя относятся именно к истерну. Он подчеркивает: «Истерн — жанр, уже утвердившийся в отечественной литературе и культуре. Произведения о Сибири и Дальнем Востоке зарубежных авторов существенно отличаются от тех образцов, которые были созданы Белецким. Конечно, еще до появления его литературных истернов европейские писатели обращались к теме Сибири: «Дальнейшие приключения Рбинзона Крузо» Д. Дефо (1719), «Учитель фехтования» А. Дюма (1840), «Михаил Строгов» Ж. Верна (1874) и др. Но в этих произведениях не было темы

---

[384] А.Н. Вестерн // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 119.

[385] Соколовски М. Идейно-эстетическая концепция вестерна и ее трансформации (на материале американского и европейского кинематографа): автореф. дис. … канд. искусствоведения. М., 1991. С. 20.

[386] Неграш С.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: [Послесловие] // Белецкий П. Король тайги. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 478-486.

фронтира, а изображаемые картины природы и нравов местных народов не отличались достоверностью: они были плодом их художественного вымысла»[387].

За несколько лет до публикации работы Головко И. Куренная указывала в статье «Король Забайкальской тайги. Русский писатель Павел Кузьмич Белецкий» (2016): «В произведениях Белецкого в типично романтическом стиле применены традиции американского вестерна. Кражи, погони, схватки и доморощенный, благородный супергерой и его соратники, которые проявляют лучшие качества, чудеса храбрости и мужества. Автором выведены часто схематичные, но впечатляющие образы беглых каторжников и тех, кто самоотверженно борется за спасение золотого запаса края. Ярким примером этой тематики служит также очерк “К вопросу о реформе золотопромышленности”»[388].

Как раз в очерке «К вопросу о реформе золотопромышленности» (1902) Белецкий указал характерные черты золотоискателей, их мировоззрение: «Большинство этих людей — вечные бродяги тайги, с потерянными или давно просроченными паспортами. Сегодня он нашел золото, а завтра пропил все или проиграл в карты и опять идет «искать», работать и, может быть, голодать. А копить золото, чтобы потом с хорошим заработком выйти в жилые места, он не может или не хочет. Да и трудно ему теперь скопить что-нибудь деньгами, так как найденное золото больше идет в обмен на разные припасы и материалы. На некоторых же приисках ему и хлеба не отпустят, если он спирта не берет <…> Бывает, конечно, что «хищники» уносят из тайги порядочные деньги, не смотря на дешевую продажу золота, но это больше или случайные, или «семейские» (старообрядцы забайкальские), которые хотя и пьяницы и картежники, но народ энергичный, смелый и очень не глупый. Эти не всегда позволяют «шутить» с собою скупщикам»[389].

---

[387] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 161.

[388] Куренная И. Король забайкальской тайги. Русский писатель Павел Кузьмич Белецкий // Читинское обозрение. 2016. №10 (1390) (9 март.). [Электронный ресурс] URL: https://obozrenie-chita.ru/korol-zabaykalskoy-taygi/ (дата обращения: 27.09.2024).

[389] Белецкий П. К вопросу о реформе золотопромышленности // Русское богатство. 1902. № 8, отд. 2. С. 109.

Между прочим, еще за год до выхода цитируемого выше очерка Белецкий опубликовал статью «Забайкальские раскольники» (1901). В ней он писал: «Когда лет около полутораста тому назад, в 1756 г., в Забайкалье была выдворена часть раскольников, преимущественно с берегов Дона, местная администрация того времени встретила их далеко неприветливо <...> Место поселений, отведенное злополучным приверженцам русской старины, представляло в то время самую глухую и мало проходимую тайгу, внедряться в которую приходилось не иначе, как с топором в руках»[390]. А.В. Костров в статье «Забайкальское старообрядчество в трудах дореволюционных авторов», рассуждая о «Забайкальских раскольниках» Белецкого, говорит: «Обладая литературным талантом, этот автор ярко и образно описал разные стороны жизни старообрядцев. На страницах его произведения нашли свое отражение количественные показатели местного старообрядчества, описание семейных сел, анализ трудовой этики староверов. Причем последнюю этот исследователь определял как «трудолюбие» в полном смысле этого слова»[391].

Но вернемся к художественным произведениям Павла Белецкого, представляющим даже больший интерес, чем его труды по этнографии.

Работая не только в манере западных вестернов, но и продолжая традиции русской бульварной уголовной прозы конца XIX века, к примеру, романа «Месть и Золото» (1888) Гавриила Хрущова-Сокольникова (1845-1890), Павел Белецкий издал роман «Король тайги» под псевдонимом П. Ставропольский в 1911 году в выходившей в Санкт-Петербурге «Газете-Копейке» №№ 1179-1241, 30 окт. (12 нояб.) - 31 дек. (13 янв.)[392]. Рукопись второй окончательной авторской редакции романа «Король тайги» хранилась у родственников писателя, вышла только в 2016 г., была сделана корректура и небольшая редактура, причем все авторские исправления самого Белецкого, сохранившиеся на полях его рукописи, были

[390] Белецкий П. Забайкальские раскольники // Сибирский сборник (приложение к газете «Восточное обозрение») / под ред. И.И. Попова. 1901. Вып. 1. С. 81.
[391] Костров А.В. Забайкальское старообрядчество в трудах дореволюционных авторов // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 11 (79). С. 333.
[392] В газете указывались даты и по старому, и по новому стилю календаря.

внесены в текст[393]; в изданной книге, как порой в перепечатках дореволюционных текстов в современной орфографии, это названо «адаптацией».

Говоря об отличиях двух редакций, следует сказать следующее: во второй авторской версии больше описаний и длиннее диалогии, лучше раскрывающие характеры героев, при этом такая же сюжетная линия; многие относительно большие главы были дополнены и разделены на отдельные маленькие — так, во второй редакции 60 глав, а заключительная глава в первой «газетной» редакции идет под номером 23, хотя фактически глав там на несколько больше, в газете путаница, некоторые главы идут под одними и теми же номерами; кроме того, в позднюю редакцию было добавлено небольшое «Вступление». Сейчас затруднительно определить, сокращался ли роман специально для газетного издания или автор в последующие годы дополнил его, но одно можно сказать наверняка: как минимум позже было дописано упомянутое выше «Вступление», в котором Белецкий связал «Короля тайги» с изданным в 1912 г. романом «В горах Даурии» («Золотоискатели в горах Даурии»).

События «Короля тайги» происходят после романа «В горах Даурии», связью между ними служат описание во «Вступлении» гибели главного героя «В горах Даурии», общий мотив властного человека в тайге с большими связями за ее пределами, ищущего много золота на великое дело, причем герой одного романа является по сути преемником другого, а также эпизодические персонажи — бурят Бадма и орочон Данила.

Орочон Данила также выступает главным героем охотничьего рассказа «На лоне природы» (1910), в котором, в частности, раскрывается мировоззрение орочон, встретившихся с русскими: «Это были образ Спасителя и изображение идола, грубо выбитое на железном листе. «Православные», орочоны обыкновенно совмещают в этом отношении несовместимое и чтут иконы наравне с идолами, рассуждая, что два бога лучше, чем один, так как помочь может если не тот, так другой. <..> Однако, боги богами, но и предусмотрительность дело не лишнее, и поэтому, прежде чем идти на поиски добычи, надо еще определить течение

[393] Рукопись готовил к печати я — *С.Н.*

воздуха, дабы следовать не за ним, а навстречу, чтобы не дать зверю услышать свой «дух» и вспугнуть его»[394].

«Король тайги» начинается как уголовный роман, но быстро превращается в приключенческий. Арестант Андрей, прозванный Людоедом, знает, где находятся богатые залежи золота. Он готов открыть эту тайну, если ему помогут бежать и уведут в тайгу. Матвей Егорович Мигунов, на самом деле потомок князей Богудар-Северских, фактически Король тайги, имеющий связи в Азии, посылает своих людей ему на выручку. Во время побега двое из них гибнут: одного по ошибке, приняв его за арестанта, убивают преследователи Людоеда, а другого — сам Людоед: изголодавшись, он расправляется с пострадавшим в пути соратником, ест и кормит этим мясом других посланников Мигунова, заявив им, дескать, это козулятина. Наконец, Людоед прибывает к Мигунову, но тут в тайге начинается эпизоотия, эпидемия у животных...

На фоне этой истории развиваются две романтичные линии, Мигунова и Маши, дочери Ермолаича, хозяина местного притона, а также Володи (Владимира Васильевича Орлова), простого золотоискателя, присоединившегося к отряду Мигунова, и Вали (Валентины Андреевны Верховской), образованной девушки из богатой семьи. Причем любви первых мешает отец Маши. Что же касается вторых, то на их долю выпадет множество испытаний в тайге, Вале предстоит повстречаться не только с разными зверями, включая кабана и медведя, но и с жуликами Верцинским и Шмулем, периодически меняющими имена, а еще со страшным негодяем Фомой. Проявив невероятную силу духа, девушка справляется со всеми невзгодами!

Володю и Валю сближает схожее мировоззрение: им обоим скучно в «цивилизованном обществе». Володя говорит: «Просто жаль тратить жизнь на пустяки там, в «обществе». <...> Простора, воли просит душа!»[395]

Показывая, как приход весны повлиял не только на природу, но и на мирочувствование местных жителей, многие из которых, в отличие от Володи,

---

[394] Белецкий П. К. На лоне природы // Мир приключений. 1910. Кн. 6. С. 661.

[395] Ставропольский П. [Белецкий П.]. Король тайги (продолжение) // Газета-Копейка. 1911. №1195. 15 нояб. (28 нояб.). С. 3.

Валентины и ряда других персонажей романа, не по своей воле живут в Сибири, автор пишет: «Весна пришла незаметно, но наступила дружно и быстро покоряла долгую сибирскую зиму. Посвежели иглистые листья сосен, вывернулись почки на кустарике и всюду запестрела молодая зелень. <...> Пробудились от спячки, беспробудного пьянства и запойной карточной игры случайные обитатели <...> В канцеляриях строителей и подрядчиков начинались уже подготовительные работы, планировки и подсчеты»[396].

Во второй редакции «Короля тайги» Белецкий через рассуждения одного из своих персонажей, побывавшем в Америке, сформулировал, чем отличается добыча золота на Клондайке и в Сибири (в первой «газетной» редакции этот фрагмент отсутствует): «Вот, например, здесь, в тайге, — говорил Подворский, — с деньгами нельзя достать провизии. Держать и продавать ее могут только владельцы приисков, и только своим рабочим, а американцы устроили бы всюду поселки с почтой, телеграфом, гостиницами и магазинами. Золотоискатели могли бы ничем, кроме труда и некоторой суммы денег не рискуя, устремляться в тайгу и открывать новые богатства, а от этого выиграл бы не только край, но и вся страна, государство... Работали бы артелями и единичными силами. Больше, естественно, переходило бы к капиталистам и акционерным обществам, которые завели бы электричество, железные дороги и основали новые города. Плотное население питало бы их. А теперь ограниченные по протяжению и даже не бедные содержанием россыпи лежат, и только иногда, с оглядкой и контрабандно, разрабатываются наспех «хищниками». Даже самые поиски золота без надлежащего разрешения воспрещаются, и «хищничество», не узаконенное свидетельством, преследуется. Кому от этого польза?..»[397] На этом же эпизоде я акцентировал внимание в 2016 году в послесловии к роману[398].

---

[396] Ставропольский П. [Белецкий П.]. Король тайги (продолжение) // Газета-Копейка. 1911. №1189. 9 нояб. (22 нояб.). С. 2.

[397] Белецкий П. Король тайги // Белецкий П. Король тайги: роман, повесть. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 145-146.

[398] См.: Неграш С.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: [Послесловие] // Белецкий П. Король тайги. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 479-480.

Вот и В.М. Головко подчеркивает: «...истерны Белецкого имели другую тематическую основу по сравнению с западным вестерном. Политика освоения новых земель на востоке России принципиально отличалось от той, которая имела место в Северной Америке и Канаде, поскольку в России такое освоение носило характер реализации государственных интересов и не основывалось на колонизации коренных народов Сибири. Такой массы лично инициативных и преследующих собственные экономические цели колонистов, специфичных для Запада и создававших прототипическую матрицу культуры вестерна, в России не было. В этом смысле Белецкий не имел литературных предшественников в области жанровой поэтики истерна»[399].

В конце «Короля тайги» Мигунов, проучив всех негодяев, отправляется за золотом. Казалось бы, для него, как и для других положительных персонажей романа, всё должно сложиться хорошо, однако В.М. Головко считает иначе. Ссылаясь на «Вступление» к «Королю тайги», он полагает, что «будущее именно этого героя в общезначимом, национально-историческом контексте определено в произведении менее всего»[400]. С одной стороны, Головко безусловно прав, а с другой — сложно себе представить, что было бы спустя годы не только с Мигуновым, но и со всеми остальными героями романа, учитывая, как в дальнейшем развивалась история нашей страны.

Как уже упоминалось, в журнале «Мир приключений» кн. 1-6 за 1912 г. был издан второй роман Белецкого — «В горах Даурии», в 2014 г. он был переиздан под названием «Золотоискатели в горах Даурии», текст был дан в современной орфографии, с новой корректурой и редактурой (в опубликованной книге это вновь названо «адаптацией»)[401]. Роман «В горах Даурии» композиционно и стилистически превосходит «Короля тайги», это уже не бульварная проза, пусть и необычная по жанру, а высокохудожественное полотно. Фабула романа проста — подготовка похода за золотом и, собственно, сам поход.

---

[399] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С.160-161.
[400] Там же. С. 158.
[401] Книгу готовил к печати я — *С.Н.*

История начинается с того, что молодая орочонка Сандома, охотящаяся на изюбра, видит на вершине Святой горы мужчину. Она не понимает, что это означает: «Моментами у нее мелькала мысль, что, может быть, это не человек, а воплощенный в него дух одного из божественных обитателей Быин-Хита, явившийся дать ей свое благословение. Но тогда зачем же этот костюм, невиданный в тайге, оружие и какие-то инструменты?..»[402]

Когда девушка возвращается к родне и сообщает обо всем, происходит совет стариков, на котором берет слово Данила. Его рассуждения весьма любопытны, так как здесь автор указывает, как воспринимали местные жители русских: «По его мнению, на Быин-Хите Сандома видела не бога, а человека, но только посланного от Белого царя <...> Бояться орочонам тут нечего, но чего-нибудь надо ждать... Только худо не будет, потому что хуже не может быть. Орочоны все, кроме девок, не вышедших еще замуж, приняли или постепенно принимают русскую веру, а дела идут все хуже и хуже. Приискатели распугали зверя и научили пить спирт, а пользы не дали или дали меньше, чем сами взяли от них. Хуже не будет, — нет...»[403]

Говоря о нравах орочон, автор пишет: «Орочоны до сих пор признают собственностью только не съедобное и то, что приобретено за деньги или в обмен на вещь, подлежащую продаже. Шкура, рога, табак, мука, чай и пр. — это собственность, мясо же убитого животного — это достояние всех»[404].

Быстро выясняется, что упомянутого загадочного мужчину в тайге прозвали Большим Ламой за имеющийся у него знак. «По тайге, в местах кочевых бурят, которые меняют свои улусы до четырех раз в год — весенники, летники, осенники и зимники — разбросаны так называемые «абоны», по просту жертвенные места. <...> И вот на одном из них, при первых же вестях о появлении в тайге таинственного незнакомца, никому ничего не говорившего о цели своего появления и не назвавшего своего имени, обнаружился кусок пергамента, на котором черной копотью поставлена была печать. Эта-то печать и решила вопрос

[402] Белецкий П.К. В горах Даурии (начало) // Мир приключений. 1912. Кн. 1. Стб. 7.
[403] Там же. Стб. 16-18.
[404] Там же. Стб. 17-18.

об отношении к пришельцу со стороны лам, ставленников местного дацана»[405]. Они решают, что это знак Далай-Ламы, следовательно, они имеют дело с Большим Ламой, то есть «лицом, действующим от его святого имени»[406].

Большой Лама, чье настоящее имя озвучивается только в финале — граф Стратонский, имеет серьезные связи в столице и даже в Лондоне; он собирает таежных бродяг, у которых есть большой опыт в деле добычи золота, для похода в девственную часть тайги, туда, где еще не было толп людей-«хищников». Он намекает, что ему ведомо, где там можно найти золото.

И он обращает внимание на Сандому, он даже делает ей подарок, тайно приносит изюбря, на которого она охотилась, пока не заметила его на Святой горе. Вскоре они встречаются лицом к лицу, причем на скалистой тропе, такой узкой, что на ней нельзя разойтись, ведя в поводу животных. Чтобы не сгинуть обоим, Большой Лама убивает своего коня и проявляет чудеса ловкости.

Лишившись коня, он просит Сандому сходить на место сбора, туда, где его уже должны дожидаться товарищи, жаждущие отправиться с ним в поход, но едва орочонка покидает его, как появляется гигантский медведь. Сандома кидается на помощь Большому Ламе, и ей удается его спасти. Подчеркну: автор описывает убийство не только кровожадного взрослого медведя, но и медвежонка, правда, с последним расправляется Андрей, глава юрты Сандомы, а не она сама и не Большой Лама. Тем самым наглядно демонстрируются местные нравы. Ведь из этого медвежонка могло вырасти чудовище, представляющее угрозу для людей.

Спустя какое-то время Сандома и Большой Лама обмениваются подарками. Она дарит ему «кисет из атласных кусочков, с меховой оторочкой и вышивкой красными нитками какого-то подобия животных»[407], с кусочком сахара внутри. Большой Лама был удивлен этим жестом, этим подарком, который она сделала своими руками, а затем в ответ подарил ей «небольшой кавказский кинжал в серебряной оправе, несколько ниток блестящих бус и, со своего пальца, золотое

[405] Там же. Стб. 22-23.
[406] Там же. Стб. 23.
[407] Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) // Мир приключений. 1912. Кн. 2. Стб. 378.

кольцо с камнем»[408]. Эти подарки — талисман, сделанный своими руками, и вещи, купленные за деньги, — как бы символы их союза. Вот только орочонка относится к Большому Ламе искренне, самозабвенно, преданно, он же оценивает ее с явным расчетом: она молода, хороша собой, а также может ему пригодиться в дальнейших скитаниях по тайге. Потом говорится: «Только лошади были молчаливыми свидетелями того, как праздновали Сандома и Большой Лама свою любовь, обручение и свадьбу в глухой тайге, под сенью вечно зеленых сосен, у подножья седого утеса, на мягком ковре цветного бархатистого мха. Но великолепию их торжества могли бы, пожалуй, позавидовать самые избалованные роскошью и пресыщенные жизнью люди...»[409]

В тексте не просто так упоминается, что их счастью могли позавидовать, как раз это и происходит. Вообще, их брак был заключен не по местным правилам, не было получено одобрение родни Сандомы. Но Большой Лама решает и эту проблему, платит ее близким сто рублей за девушку и еще пятьдесят за вещи, которые она унесла, сбежав из отчего дома. Он говорит: «…вы, орочоны, не имеете прав на нее, пока я сам не откажусь от нее»[410].

Черпая вдохновение в личном опыте, мировой истории, западной приключенческой прозе, а также в классической русской литературе — тех же «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, Белецкий вводит в повествование антагонистов — вздорную Валерию Гавриловну Тулунову (Тулупиху), хозяйку богатого прииска Успенского, и урядника Черноморова, чья фамилия составлена из двух слов «черный» и «мор». Кстати, у А.С. Пушкина в «Сказке о царе Салтане» есть дядька Черномор, а в «Руслане и Людмиле» — колдун Черномор. В романе Белецкого Черноморов ловит и пытает золотоискателей, чтобы выведать их тайны.

Образ Тулупихи, «таежной Мессалины», как именует ее автор, вышел по-настоящему ярким. Это пресыщенная жизнью женщина, не знающая ни в чем отказа. Перед нами барыня, любвеобильная и извращенная. В доме у нее есть две особые комнаты, комната жизни и комната смерти. Любовников она привечает в

[408] Там же. Стб. 378-379.
[409] Там же. Стб. 379-380.
[410] Там же. Стб. 400.

первой, а вот недругов отправляет во вторую. Когда Большой Лама, набрав себе людей, решает купить у нее припасов, она встречает его в комнате жизни. Слыша его деловой тон, она опаивает его, и он приходит в себя уже в комнате смерти. Тулупиха, разозлившаяся из-за того, что он сделал своей возлюбленной орочонку, произносит целую речь, в которой отражается вся ее сущность, она говорит, что, никого не любя, «скрылась в тайгу, думая похоронить знойные страсти на девственном лоне природы <…> эта встреча, — полупрезрительная, оскорбительная для женщины, которая привыкла встречать только поклонение, привыкла к нему везде — в Париже, Лондоне, Риме, Петербурге и здесь, в дебрях родной Сибири. Я не могу этого перенести!»[411]

Сложно сказать, чем бы закончилась встреча с Тулупихой для Большого Ламы, сколько времени провел бы он в плену и, вообще, уцелел бы, если бы не Сандома, которая, при участии молодого тунгуса Ирдынея, спасает его.

Поразительно, что после всего этого Тулупиха соглашается продать припасы Большому Ламе, продолжившему с ней переговоры уже не лично, а через своих людей. Но и тут она, отверженная женщина, грезящая о месте, устраивает козни — отправляет по его следу отряд во главе с Черноморовым, чтобы тот под благовидным предлогом забрал орочонку, конфисковал припасы, на которые, как выясняется, у Большого Ламы нет полагающихся документов, а заодно арестовал нескольких беспаспортных спутников последнего. Тулупиха, опасающаяся Большого Ламы, говорит, что Черноморову следует «заготовить предписание о возвращении орочонки в родовое управление на Баунт, предъявить ему и уже на исполнении этого предписания настоять»[412]. Здесь переиначивается сюжетный ход с похищением девушки злым колдуном Черномором из поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина.

Большой Лама разгадывает план Тулупихи. Будучи человеком смелым, но предпочитающим обходиться без кровопролития, он решает не убивать посланных за ними людей, а усыпить их, чтобы они долго проспали и уже не

[411] Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) // Мир приключений. 1912. Кн. 3. Стб. 531.
[412] Там же. Стб. 555.

успели догнать их и навредить. При этом Большой Лама еще и расправляется с помощью бомбы со стаей белых волков, которые могли бы растерзать уснувших преследователей.

Наконец начинается сплав по реке, в ходе которого происходит трагедия — гибнет один из плотов. К счастью, удается спасти людей, за исключением одного, а также большинство припасов. Этот один благодаря лошади сам выбирается на берег и, будучи далеко отнесен течением от своих, идет на поиски соратников. В пути он случайно наталкивается на золото.

Когда друзья обнаруживают его с зажатым в руке куском золота, он находится не в себе. Как бы то ни было, всеми, кроме Сандомы, овладевает «золотая лихорадка», они начинают искать золото, часть команды Большого Ламы, который вместе с двумя подручными еще не успел вернуться к своим и всё еще разыскивает пропавшего человека, забывает о походе. Впрочем, Сандома тоже делает запас золота, но не для себя, а для Большого Ламы.

Далее описывается незаконная свободная «республика», то, как на богатое месторождение прибывает всё больше и больше людей, как они принимаются добывать золото, какими законами руководствуются, какой у них царит порядок. Причем те из них, которые покидают «республику», нередко становятся жертвами негодяев. Говоря о таежной «республике», автор остается реалистом, он использует сведения об основанной золотопромышленниками Желтугинской республике, существовавшей в 1880-х годах. Белецкий пишет: «Жизнь новой таежной «республики», образовавшейся по примеру Желтугинской, уже окончательно установилась и окрепла. Люди освоились с своим положением и свыклись с полной безопасностью. Состав «граждан» стал обновляться сменой старых новыми. Ушел и старшина, место которого, после долгих уговоров, занял Иван Петрович. От работы он отказался и получал поденное жалование весовой монетой, являясь настоящим «президентом». На жалование были переведены и судьи <…> Каждая артель по окончании дневных работ должна была уплачивать на содержание администрации подать, из остатков которой образовалась «казна»,

ежедневно увеличивающаяся. Пьянство было воспрещено, и «гражданам» разрешалось принимать не более двух трудовых чашек спирта в день»[413].

Сам же Большой Лама и несколько его людей, оставшихся преданными ему, успев сделать немалый запас золота до начала нашествия масс на Шальную речку, как прозвали это место, продолжают поход в таежные дебри. Он ищет еще больше золота, его цель — легендарная Белая гора, но им движет не жажда наживы, нет, он — идейный, позже он признается: «...средства, и колоссальные средства, собираются в интересах человечества, для огромного общечеловеческого дела. Принимают участие в нем избранные представители почти всех государств»[414].

Тут, в заповедном крае, они встречают диких орочон, еще не видевших русских. Орочоны похищают Сандому. Шаманка Чимчи предлагает ей занять ее место после своей смерти. Если ранее искушению подвергался Большой Лама, то теперь его жена. Как Большой Лама отказал Тулупихе, так Сандома — шаманке.

Чтобы добиться своей цели — спасти Сандому, а заодно узнать, где именно находится священная Белая гора, Большой Лама напаивает диких орочон. Ради достижения своей цели он готов на многое пойти. Здесь происходит характерный разговор между Большим Ламой и одним из его людей, демонстрирующий мировоззрение первого. Подчиненный Большого Ламы заметил, что орочоны начали вырождаться «после того, как их покорили»[415], стали спаивать. Предводитель ответил, что поступит также и возьмет у них, «во-первых, Сандому, а во-вторых, что главное, — ненужный им кумир современного человечества, — золото, которое нужно для блага людей, для победы над злом, царствующим в мире. Его необходима целая гора, а она здесь есть, должна быть, если древние сведения Тибета правдивы»[416]. Но орочоны сбегают, так и не выдав ему тайны.

После ряда перипетий, чтобы спасти возлюбленного и остальных от голодной смерти (орочоны похищают у них провизию и распугивают зверей),

---

[413] Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) // Мир приключений. 1912. Кн. 5. Стб. 988.
[414] Белецкий П.К. В горах Даурии (окончание) // Мир приключений. 1912. Кн. 6. Стб. 1224.
[415] Там же. Стб. 1190.
[416] Там же. Стб. 1190.

Сандома вызывается пожертвовать собой и все-таки принять предложение шаманки. Хоть ему и грустно, Большой Лама не противится ей, он понимает, что в цивилизации, вдалеке от родной тайги, она жить не сможет. Вместе с ней уходит и Ирдыней, до последнего хранивший верность Большому Ламе.

Большой Лама рассуждает: «...да что же, собственно, современная цивилизация может дать дикарю? Что вообще мы можем предложить ему, отрывая его от первобытной, грубой, суровой, но милой своей простотой жизни?!»[417] Он считает, что было бы жестоко и преступно пытаться их «по своему благоденствовать, мудрствуя лукаво»[418]. Он приходит к выводу, что только тогда, «когда «культурный» человек станет, действительно, человеком»[419], мы получим «нравственное право пригласить к себе дикарей, просветить их и поднять до высоты своей жизни»[420].

Любопытно, что «мудрствуя лукаво» это опять же отсылка к А.С. Пушкину, выражение «не мудрствуя лукаво» взялось, как сказано в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» автора-составителя В. Серова, «из трагедии «Борис Годунов» (1825) А. С. Пушкина (1799-1837)»[421]. Белецкий вновь отдает дань уважения Пушкину, впрочем, само рассуждение Большого Ламы относится не к трагедии Пушкина, а к развернувшейся на рубеже XIX-XX веков дискуссии между приверженцами колониализма и его противниками, нашедшей отражение в литературе: так, в числе критиков колониальной политики, как уже говорилось ранее, был Джон Ретклифф (Герман Гёдше), а одним из защитников оной выступал Ханс фон Цобельтитц (1853-1918), автор ряда приключенческих романов, включая «Затонувший корабль с золотом» (1898); нельзя не упомянуть и знаменитое стихотворение «Бремя белых» (1899) Р. Киплинга, в котором говорится о том, что белый человек должен цивилизовать «отсталые» народы, таково его бремя. Белецкий устами своего героя пытается подвести черту под

[417] Там же. Стб. 1221.
[418] Там же. Стб. 1222.
[419] Там же. Стб. 1222.
[420] Там же. Стб. 1222.
[421] Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. С. 494.

этим спором, он указывает, когда именно, по его мнению, «культурный человек» сможет вмешиваться в жизнь дикарей.

В финале романа Большой Лама, нашедший еще до ухода Сандомы Белую гору, планирует вернуться с большим отрядом через год и «выпотрошить» ее. Черноморов, убивший пару его людей, отправляется в Баргузинскую тюрьму. Тулупиха же посылает Большому Ламе письмо, в котором пишет, что узнала его имя и цель его появления в Даурии, заявляет, что прозрела и намерена служить тому же делу, что и он: «Как кающаяся Магдалина, я припадаю к кресту вашей идеи и хочу, не искупления, — нет, искупать мне нечего! — новой жизни, вашей жизни...»[422] На первый взгляд, она осознает свою вину, но, учитывая всё, сказанное о ней в романе выше, перед нами не библейская Мария Магдалина! Эта «таежная Мессалина», скорее всего, лукавит, в действительности она преследует корыстные цели: во-первых, рассчитывает примириться с человеком, который может стать опасным врагом, и, во-вторых, жаждет добиться его расположения, пусть когда-то он уже отказал ей, но ведь она не привыкла сдаваться и всегда получает то, чего хочет.

Важное место в романе «В горах Даурии», как и во всей «таежной» прозе Белецкого, занимают описания красот природы: «Полная уже луна взошла над тайгой и погрузила серебро своих лучей в омывающие плоты светлые воды Витима. Окружающий каменные берега реки древний лес, облитый задумчивым сиянием этих лучей, тихо дремал, тая в своих недрах незримо протекающую жизнь»[423]. По мнению В.М. Головко, «Забайкальская природа в произведениях Белецкого одухотворена»[424], а И. Куренная вообще считает, что «самым главным героем произведений писателя является сибирская природа»[425], но с ее точкой зрения невозможно согласиться, поскольку в его художественных работах, хоть и

---

[422] Белецкий П.К. В горах Даурии (окончание) // Мир приключений. 1912. Кн. 6. Стб. 1229.
[423] Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) // Мир приключений. 1912. Кн. 3. Стб. 547.
[424] Головко В.М. В поисках «дороги к светлому будущему людей» (к 150-летию со дня рождения писателя Павла Кузьмича Белецкого) // Ставропольский хронограф: год будущий и год минувший (2022/2021) / отв. за вып. М.Н. Овчелупова. Ставрополь: ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; Кемерово: ОАО «ИПП Кузбасс», 2022. С. 332.
[425] Куренная И. Король забайкальской тайги. Русский писатель Павел Кузьмич Белецкий. Часть II // Читинское обозрение. 2016. №11 (1391) (16 март.). [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20160913234205/http://obozrenie-chita.ru/article/pavel-beleckij (дата обращения: 27.09.2024).

красочно описывается природа, акцент неизменно делается на занимательный сюжет, на людей.

Ранее упоминалось, что Белецкого сравнивали с Ф. Купером и Томасом Майн Ридом. В.М. Головко указывает на родство романов Павла Белецкого и произведений Эдварда Сильвестра Эллиса (1840-1916) и Джека Лондона (1876-1916): «Для всех сочинений Белецкого характерна органическая взаимосвязь социальной актуальности и сюжетной увлекательности, силы аналитической мысли автора и завораживающих воображение читателей событийных коллизий. Писатель владел мастерством держать неослабное читательское внимание на протяжении всего текста произведения. В его художественном творчестве отчетливо выражена тенденция к совмещению двух стилевых линий: социально-бытового реализма и бытописи, наполненной приключенческой занимательностью, сценами максимально активного действия («Король тайги», «Золотоискатели в горах Даурии», «Таежный бродяга», «Людоеды» и др.), что придавало идиостилю Белецкого неповторимое своеобразие. В этом отношении у него были литературные примеры, т.е. образцы художественного дискурса других писателей, опыт которых им вполне мог учитываться. Прежде всего можно назвать имена популярных американских прозаиков Э.С. Эллиса и Д. Лондона»[426].

Впрочем, произведения Павла Белецкого имеют общие черты не только с упомянутыми выше книгами. Есть множество романов западных писателей о поисках золота, интересно сравнить «В горах Даурии» Белецкого с «Ледяным адом» (1900) Луи Буссенара, первой частью дилогии «Жан Грандье», вторая часть — «Капитан Сорви-голова» (1902). В «Ледяном аду» герои ищут золото на Клондайке, они тоже стремятся к колоссальным залежам золота, и это роднит «Ледяной ад» и «В горах Даурии». Жан Грандье, один из персонажей «Ледяного ада», в «Капитане Сорви-голове» использует часть этого золота на благо буров, вступивших в войну с англичанами, за свой счет вооружает созданный им и возглавленный отряд Молокососов. Но Жан Грандье, прозванный Сорви-головой,

[426] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 152-153.

в «Ледяном аду» изначально даже не думает ни о чем таком, Большой Лама же сразу ищет золото с целью применить его в большом деле. Но где именно Большой Лама намерен использовать эти богатства? Он заявляет спутникам: «Стена человеческого неведения тысячелетиями уже прорубается мечом знания, мечом науки, но поддается туго! В наше время для служения великим делам, великим задачам нужно еще и другое оружие — золотой меч. Если на завоевания не всегда способны чистые идеи — пусть на помощь им идет золото <…> Пусть будет куплено общее благо людей, как почти все покупается в этом мире. Но это будет последняя купля: выкуп человеческой души из когтей дьявола»[427].

Во «Вступлении», позже добавленным автором во вторую редакцию романа «Король Тайги», говорится: «Читатели, безусловно, помнят <...> гибель в Индийском океане «Гиганта», величайшего из пароходов, на котором погибло свыше тысячи пассажиров, в том числе около десятка лиц с мировыми именами. Но, несомненно, и тогда немногие обратили внимание на проскользнувшее в некоторых крупнейших, особенно в лондонских газетах, известие, что значение катастрофы не исчерпывается лишь материальными потерями и человеческими жертвами и что оно наносит трудно исправимый вред еще и духовным сокровищам, делу торжества величайших гуманитарных идей. Последнее в первую очередь связано с нашим соотечественником, молодым ученым профессором Стратонским, погибшим на пути из Петербурга в Лондон, вместе со своими друзьями и бесценным багажом, состоящим из чертежей, планов и записок. В «Таймс» тогда прямо было сказано, что он унес с собой в могилу на дне океана ключ от будущего счастья человечества»[428]. Это «Вступление» позволяет по-новому взглянуть на личность графа Стратонского. Выходит, он — ученый! При чтении романа «В горах Даурии» может сложиться впечатление, что огромные средства нужны главному герою в назревающей Гражданской войне в России либо, что намного вероятнее, учитывая упоминание связей Большого Ламы на Западе, в грядущей Первой мировой войне, разразившейся в 1914 г.,

[427] Белецкий П.К. В горах Даурии (окончание) // Мир приключений. 1912. Кн. 6. Стб. 1228-1229.
[428] Белецкий П. Король тайги // Белецкий П. Король тайги: роман, повесть. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. С. 7-8.

спустя пару лет после публикации книги. Однако во «Вступлении» к «Королю тайги» объясняется, что деньги должны были пойти на некое изобретение.

В «Ледяном аду» есть фантастический элемент — прибор, указывающий на золото, роман «В горах Даурии» реалистичен, если не считать сведений из «Вступления» к «Королю тайги». Роман «В горах Даурии» Белецкого отличается от «Ледяного ада» Буссенара, как и от многих других приключенческих книг о поисках золота в суровых северных условиях, русским колоритом, красочным описанием тайги и введением такого персонажа, как барыня Тулупиха.

Через год после выхода «В горах Даурии» Павел Белецкий опубликовал «Старый грех: роман из полицейской жизни» в «Вестнике полиции» №№1-52 за 1913 г. под псевдонимом Пав. Чернецкий. Поскольку это «роман из полицейской жизни», как указано в подзаголовке, и ни один из исследователей не называет его в числе лучших произведений Белецкого, в данной работе он не рассматривается.

В «Современнике» кн. 11 за 1913 г. увидел свет примечательный очерк «Неблагодарный край» Белецкого, начинающийся следующими словами: «Свыше полустолетия владеем мы обширнейшей страной — Приамурским краем, и с первого года получаем не выгоды от пользования этой собственностью, а убытки. Мы знали, что там «неисчислимые» горные богатства, необозримые пространства земли, густые леса, рыбные реки, пушной зверь, но все это оставалось почти неиспользованным (за исключением золотых россыпей), а содержание администрации не только не оправдывалось доходами и выгодами, но и требовало ежегодных миллионных приплат из государственного казначейства. В первые годы сумма приплаты была меньше, а потом она стала расти и расти»[429].

В 1914 г. Белецкий проиллюстрировал многие из положений своего очерка в повести «На вольной земле» (опубликована в Петрограде «Школой наборного и печатного дела», «Библиотека “Всходов”» №10, приложение к журналу «Всходы» №10 за 1914 г.; переиздана в томе «Король тайги» вместе с одноименным романом в 2016 г.). Автор рассказывает в повести, как труден путь до выделяемой земли на Амуре и сколько бед ждет переселенцев уже на месте. Дело и в

[429] Белецкий П. Неблагодарный край // Современник. 1913. Кн. 11. С. 209.

непростых природных условиях, и в эпидемиях у животных, и в мошкаре... Если большинство переселенцев отправляются на новое место, желая улучшить свою жизнь, то простой рабочий Ванюшка, главный герой, мечтает жениться на Насте, дочке богача Сидора. Мать, которую он оставляет на родине, говорит ему: «А разве даром оно, счастье-то, дается? Оно, что клад, — заклятья требует, а так его не возьмешь!.. Только тут печали твоей не должно быть. Не из строптивости ты решился на разлуку со мною, а по судьбе... На то воля Божья и без нее ничего не бывает...»[430] И правда, на вольной земле Ванюшка проявляет свои лучшие качества, в которых и заключается его мировоззрение: трудолюбие, целеустремленность, трезвый образ жизни, смелость, преданность, добродушие, сообразительность. Он убил тигра, повадившегося лакомиться лошадьми переселенцев. Чтобы заработать денег, он даже решил добыть золото и ушел в тайгу вместе с местным золотоискателем Васькой Летуном. Им повезло: они нашли золото! Но вернуться из тайги удалось одному непьющему Ванюшке. Василия, напившегося, растерзали волки. Причем по пути из тайги Ванюшка накормил голодающую семью таежных жителей. Добившись руки Насти, Ванюшка не остается на Амуре, а задумывает возвратиться в Алехино, из которого они и отбыли: «Он хочет настоящего дела, хочет устроить жизнь не только для себя, но и для потомства. Торговать? Это незнакомое ему дело и не по характеру ему. Остается одно: вернуться со своим капиталом на родину»[431].

И. Куренная говорит о повести «На вольной земле»: «Фабула произведения — острый драматизм тысяч семей средней полосы России, преступно заманенных правительством и отправленных в безлюдные дали с отсутствием пахотных земель, необходимых условий проживания и медицинской помощи. И только упорство, мужество, трудолюбие и смекалка русского крестьянина помогают ему выжить в очень непростых жизненных ситуациях...»[432]

---

[430] Белецкий П.К. На вольной земле. Петроград: Школа наборного и печатного дела, 1914. С. 17. (Библиотека «Всходов» № 10)
[431] Там же. С. 110.
[432] Куренная И. Король забайкальской тайги. Русский писатель Павел Кузьмич Белецкий // Читинское обозрение. 2016. №10 (1390) (9 март.). [Электронный ресурс] URL: https://obozrenie-chita.ru/korol-zabaykalskoy-taygi/ (дата обращения: 27.09.2024).

В.М. Головко, положительно отзываясь о многих произведениях Белецкого, включая романы «Король тайги» и «В горах Даурии» («Золотоискатели в горах Даурии»), указывает, что, в отличие от них, в повести «На вольной земле» не достигается гармония бытового реализма (бытописи) и «приключенческой занимательности»; Головко пишет о подобных текстах Белецкого: «Они, как правило, представляли собою конструкт, в котором интерес вызывали отдельные части, но не создаваемое ими целое»[433]. Хоть повесть менее приключенческая, чем упомянутые выше романы, однако, на мой взгляд, всё же интересная целиком именно из-за поднимаемой в ней темы трудной жизни переселенцев.

Б. Белецкий и Г. Белецкий следующим образом писали о творчестве своего предка: «Рисует ли автор в своих романах миграцию русских крестьян на новые земли по Амуру, или многоликую армию каторжан и вольных безземельных крестьян на строительстве Амурской железной дороги, или борьбу русских людей с расхитителями богатств Сибири — везде он затрагивает разваливающуюся государственную машину царизма и неизбежно приводит читателя к мысли: так долго продолжаться не может. Герои Белецкого — разные по возрасту и по социальному положению — каждый по-своему борются за лучшее будущее»[434].

В работах Белецкого встречаются характерные для Сибири диалектизмы: *поты* (переметная сума), *бродни* (сапоги) и др. Автор использует их, чтобы как можно достовернее изобразить местную жизнь: «Кабарга немедленно была ободрана хозяином, дорогие мешочки-железы с наивозможной осторожностью были вырезаны и припрятаны в поты»[435].

В статье «Фельдшер П.К. Белецкий — писатель, публицист, этнограф, общественный деятель» Ю.В. Ионова и А.Ю. Ионова указывается: «П.К. Белецкий с энтузиазмом встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию и с ноября 1918 г. работал секретарем общества литераторов и

---

[433] Головко В.М. В поисках «дороги к светлому будущему людей» (к 150-летию со дня рождения писателя Павла Кузьмича Белецкого) // Ставропольский хронограф: год будущий и год минувший (2022/2021) / отв. за вып. М.Н. Овчелупова. Ставрополь: ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; Кемерово: ОАО «ИПП Кузбасс», 2022. С. 324.

[434] Белецкий Б., Белецкий Г. П.К. Белецкий (1871-1934) // Литературная Сибирь. Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири / сост. В.П. Трушкин, В.Г. Волкова. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. Т.1. С. 181.

[435] Белецкий П. В горах Даурии (начало) // Мир приключений. 1912. Кн. 1. Стб. 18.

ученых. Летом 1919 г. он возвращается на родину. Там, на Ставропольщине, он в разное время заведовал фельдшерскими пунктами в селах Дубовка и Палагиада, станицах Кубанской и Подгорной. В Ставрополе П.К. Белецкий возглавлял подотдел матери и ребенка и школьной санитарии, затем служил фельдшером в Дагестане и Мурманске, в железнодорожной поликлинике Ставрополя»[436].

О. Даусон, приводя фрагменты письма самого П. Белецкого, отмечает в статье «Российский Фенимор Купер», что автор сильно переживал из-за того, что его при новой власти мало издавали: «После революции печатался крайне редко, хотя, несмотря ни на что, много ездил. Побывал в конце двадцатых даже в Мурманске, где работал на траулере, совершил путешествие по Дагестану, написав книгу заметок «Наши на Кавказе». Но никто не спешил печатать его публицистические очерки о жутком состоянии медицины в горных республиках, о тяжелой жизни медиков. <...> в творческом плане новая власть, которой он хотел быть полезен, похоронила Павла Кузьмича Белецкого задолго до апреля 34-го года»[437]. Тем не менее несколько произведений Белецкий все-таки сумел издать в советские годы, после революции. Так, в журнале «Мир приключений» №5 за 1927 год увидел свет его рассказ «Людоеды», в котором вновь говорится о том, до какого ужаса может довести людей голод в тайге. Но для героев «Людоедов», невзирая на зловещее название, всё закончилось хорошо: никого из них не съели.

В «Ставропольском хронографе на 1996 год» сказано: «В 1934 году Павел Кузьмич вышел на пенсию и в том же году, 19 марта, скончался после тяжелой болезни. Похоронен был в Ставрополе, на Успенском кладбище. Но надгробие на могиле не сохранилось»[438].

---

[436] Ионов Ю.В., Ионов А.Ю. Фельдшер П.К. Белецкий — писатель, публицист, этнограф, общественный деятель // Фельдшер и акушерка. 1982. № 1. С. 57.
[437] Даусон О. Российский Фенимор Купер // Кавказский край. 1992. № 13 (23-29 март.). С. 9.
[438] Павел Кузьмич Белецкий (к 125-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1996 год / сост. М.В. Агаркова, Е.Б. Егорова, Т.Ю. Кравцова. Ставрополь: СГК УНБ им. М.Ю. Лермонтова, 1996. С. 94.

Глава 3. Поэтика и проблематика русской приключенческой прозы 1918-1933 годов

3.1. Революционные мотивы в историко-приключенческих произведениях М. Зуева-Ордынца

В 1920-1930-х годах одним из самых популярных русских писателей приключенческого жанра был Михаил Ефимович Зуев-Ордынец. В его произведениях ярко проявилось революционное мировоззрение, причем речь далеко не всегда идет именно о смене общественного строя, иногда революционное мировоззрение заключалось в размышлениях героев о перевороте в той или иной области, принципиально ином отношении к происходящему, как, к примеру, в повести «Гул пустыни» (1930). Но обо всем по порядку.

Михаил Ефимович Зуев-Ордынец появился на свет 19 мая (1 июня) 1900 года в Москве, учился в Ломоносовской гимназии. После смерти отца в 1914 г., уже в юные годы, подрабатывал в летние каникулы «на красильно-аппретурной фабрике О. Хишина, на литейном заводе Ф. Гаккенталя и конторским служащим на военно-промышленном заводе Второва»[439]. В эссе «О себе» он рассказывал: «Февральскую революцию я принял восторженно. <...> И, когда грянула в Москве Октябрьская революция, я уже бегал по заводам с просьбой записать меня в Красную гвардию. Меня не записали <…> Но в Октябрьских событиях я все же участвовал — зевакой — и даже попал на Никитском бульваре под пулеметный обстрел и ползал на брюхе по грязи»[440].

Вскоре Зуев-Ордынец все-таки взял в руки оружие: «Гимназию побоку — и я, подчистив метрику, записался добровольцем в Красную Армию, в 96-й пехотный полк. Участвовал в подавлении перхуровского мятежа в Ярославле, был легко ранен, вернулся в Москву и поступил на 1-е Московские артиллерийские

---

[439] Зуев-Ордынец М.Е. О себе // Зуев-Ордынец М.Е. Бунт на борту: рассказы разных лет. Пермь: Пермское книжное издательство, 1968. С. 6.
[440] Там же. С. 6

курсы командного состава (Лефортово)»[441]. Завершив обучение весной 1918 г., он «в звании командира взвода отправился в действующую армию. На фронтах гражданской войны пробыл три года: на бело-эстонском, бело-польском, участвовал в ликвидации авантюры генерала Булак-Булаховича и эсеровского мятежа Антонова»[442]. Демобилизовавшись, служил начальником уездной милиции в городе Вышний Волочек. Публиковался с 1923 года, первые работы вышли в уездной газете «Наш край» (Вышний Волочек), часто подписывался «М.З.» или «М. Зуев». Его первый рассказ «Приспособили» (о переделке церкви в клуб силами самих рабочих) получил третью премию на литконкурсе «Тверской правды» и вышел в «Тверской правде» №266 за 22 ноября 1925 года. А его колониальный рассказ «По разные стороны окна», впервые появившийся в печатаемом издательством «Земля и фабрика» журнале «Вокруг света» №1 за 1927 г.[443], был удостоен премии на литературном конкурсе «Следопыта» (1926).

События рассказа «По разные стороны окна» разворачиваются во Французском Индокитае, речь идет о двух братьях, один сражается с французами, а другой сотрудничает с ними и даже готов за золото продать брата. Окно символизирует их принципиально разные мировоззрения. История настолько понравилась читателям, что Зуев-Ордынец продолжил ее в повести о неудачном восстании в Сайгоне «Желтый тайфун» (опубликована в том же журнале «Вокруг света» №№3 и 4 за 1927 год), причем к восставшим присоединяется французский журналист, осуждающий колониальную политику европейцев. Желтый тайфун — это народные массы. Позже оригинальные рассказ и повесть были объединены в одну повесть «Желтый тайфун», в таком виде она вышла в одноименном авторском сборнике, выпущенном издательством «Прибой» в 1928 г., и переиздана в сборнике «Бунт на борту» издательством «Престиж Бук» в 2019 г.; при этом оригинальная повесть «Желтый тайфун», без первых четырех глав,

[441] Там же. С. 7.
[442] Там же. С. 7.
[443] В оглавлении был указан как «По обе стороны окна», однако в начале самого рассказа на стр. 6 название дано как «По разные стороны окна».

представляющих собой рассказ «По разные стороны окна», была переиздана изд. «Престиж Бук» в сборнике «Снежный поход» в 2016 г.

Не удивительно, что при таком богатом жизненном опыте взор автора обратился именно на приключенческий жанр, который под его пером украсился революционными мотивами. Незадолго до смерти Зуев-Ордынец писал: «С гордостью признаюсь, что остросюжетные приключенческие вещи — мой любимый жанр. Здесь всегда есть острые драматические столкновения человека с природой, человека с человеком, одного сильного характера с другим, и победа достается тому, у кого ясней разум, крепче воля и чище совесть. В произведениях этого жанра герой попадает в необычные, исключительные условия, требующие от человека мобилизации всех его духовных и физических сил, всей его смелости, решительности, душевной цельности, побуждающие его к быстрым решениям и быстрым действиям. Короче говоря, этот опасный и сложный поворот жизни требует от него подвига. В такой момент человек особенно ярок и особенно душевно красив. А разве это не важно — воспитывать в наших людях, в молодежи высокие и смелые чувства? Клянусь черепахами Тэсмана, это прекрасная, смелая, боевая литература!»[444]

«Клянусь черепахами Тэсмана» — это, конечно, прямая отсылка к одноименному рассказу Джека Лондона о двух братьях, один из которых жил и трудился в родном городе и разбогател, а другой скитался по миру и остался нищим, но был «настоящим человеком». И Зуев-Ордынец не просто так привел эти строки, он не только участвовал в войне, но и после ее окончания много путешествовал: «Многие и многие годы я шагал тропой приключений. Шел сибирской тайгой, кара-кумскими песками, белорусскими болотами, казахскими степями и ямальской тундрой. Карабкался по горным тропам Урала, Кавказа и Ала-Тау. Избороздил четыре моря, плавал по Иртышу, Чусовой, Волге и Аму-Дарье. Шел пешком, ехал на лошади, на верблюде, мчался на оленях и на собаках. Летал на самолете, плавал на пароходе, на каспийском туркменском паруснике, на

[444] Зуев-Ордынец М.Е. О себе // Зуев-Ордынец М.Е. Бунт на борту: рассказы разных лет. Пермь: Пермское книжное издательство, 1968. С. 11.

сибирском батике и на аму-дарьинском каюке. Жил с казахскими чабанами на их джайляу, с туркменскими коневодами в ахал-текинском оазисе, с рыбаками в каспийской дельте и на Чудском озере, с хлопководами узбеками и таджиками, с шахтерами Караганды, уральскими вогулами, таежными охотниками, с геологами-поисковиками, с мужественными пограничниками. Жадно смотрел, слушал и здесь находил сюжеты для своих произведений. Писать о красочном разнообразии нашей Родины, о безбрежном море ее кипучей жизни, о ее людях, разных в своем труде, действиях, стремлениях, обычаях, и в то же время удивительно схожих в богатстве их душ — так я понимаю творчество приключенческого писателя...»[445]

Зуев-Ордынец был членом московского литературного объединения «Кузница», в апреле 1927 года перебрался в Ленинград, где его взяли на работу заведующим отделом прозы журнала «Резец». В эти годы он много пишет, его охотно публикуют, Борис Рябинин в очерке «Клянусь черепахами Тэсмана!..» отмечал: «Урал, Сибирь, дальние окраины страны были постоянно под прицелом Зуева-Ордынца. Там развертывалось действие многих его произведений, там жили, боролись, сражались, погибали и побеждали его герои — неустрашимые, смелые люди. <...> Зуева увлекало все: история, география, научные открытия, техника»[446].

Благодаря творческой плодовитости и описываемым им «далеким окраинам» Зуев-Ордынец быстро прославился. В 1988 году Юрий Курочкин вспоминал: «Редкий из юных (да и не только юных) книгочеев конца двадцатых — начала тридцатых годов не знал писателя с неординарной, несколько экзотичной фамилией Зуев-Ордынец. Его приключенческие романы, повести и рассказы, печатавшиеся в «Вокруг света», «Всемирном следопыте» и других многочисленных в те годы подобных журналах и сборниках, были любимым чтением почитателей такой литературы»[447].

---

[445] Там же. С. 12.
[446] Рябинин Б. Клянусь черепахами Тэсмана!.. // Уральский следопыт. 1960. №7. С. 55-56.
[447] Курочкин Ю. Из племени следопытов [о писателях Николае Ловцове и Михаиле Зуеве-Ордынце] // Уральский следопыт. 1988. №4. С. 6.

В 1928 году Зуев-Ордынец выпустил книгу «Каменный пояс (Уральские очерки)» в Ленинграде (10-е приложение к журналу «Вокруг Света»), на нее в общественно-научном журнале «Северная Азия» кн. 2 за 1929 г. вышла рецензия Л-в (под этим псевдонимом, вероятно, скрывался Николай Иванович Леонов, один из членов редакционной коллегии журнала). Л-в указывает как на плюсы, так и на минусы «Каменного пояса». Минусы рецензент видит в том, что «схемы пути не дано»[448], а также «несколько легковесное отмахивание автора от тех картин хозяйственных недочетов и невзгод, с которыми ему приходится сталкиваться»[449] и «ляпсусы автора в тех предметах, о которых он говорит по наслышке»[450]. Плюсы же, по его мнению, таковы: «…легкое изложение, описание некоторых уральских аборигенов, с которым приходилось столкнуться в своих странствиях автору. Не без пользы для книжки использовал автор литературу, попавшую ему под руку. Обогащенные заимствованным материалом, личные впечатления дают туристу-читателю любопытный материал, не утомляя внимания его. <...> Заслуга Зуева-Ордынца в том, что он сам увлекся бродяжничеством в дебрях Каменного пояса и свое увлечение сумел передать читателю»[451].

Но если на его сборник очерков «Каменный пояс» вышла в целом положительная рецензия, то его повесть «Возмутители», впервые изданная в журнале «Резец» №№30-35 за 1926 год под названием «Девятьсот пятый» и переизданная отдельной книгой в 1928 г. в издательстве «Земля и фабрика», была встречена отнюдь не так тепло, Виктор Гольцев писал: «За последние годы у нас появился целый ряд произведений, посвященных революционному прошлому. По затронутым темам они в большинстве случаев являются полезными и актуальными, но по своей форме нередко оказываются стоящими не на высоком уровне. К подобного рода литературе, которую трудно назвать действительно *художественной*, принадлежит рецензируемая нами книга. <...> Повествует М. Зуев-Ордынец обо всем этом также довольно невыразительно. Когда же он

[448] Л-в. [Рец. на «Каменный пояс (Уральские очерки)» М. Зуева-Ордынца] // Северная Азия. 1929. Кн. 2. С. 142.
[449] Там же. С. 142.
[450] Там же. С. 142.
[451] Там же. 142-143

пытается говорить образным языком, то из этого ничего хорошего не получается. Совершенно неудачны пространные описания сельского пейзажа и грозы»[452]. Точка зрения Гольцева на упомянутую повесть представляется чересчур суровой. И всё же нельзя не согласиться с тем, что «Возмутители», как и многие ранние рассказы Зуева-Ордынца, к примеру, «Колокол Отрочьего монастыря» (журнал «Резец» №10 за 1925 г.), в котором во время отливки колокола произошло возмущение рабочих, один из них погиб и его плоть смешалась с составом, — типичная проза того периода.

В 1961 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник «Вызывайте 5... 5... 5...» Зуева-Ордынца, в который вошли в новой авторской редакции пять рассказов, впервые опубликованные с 1929 по 1936 годы. Но только два из них впервые появились до 1934 г. — «Соленые рубахи» (журнал «Борьба миров» №1 за 1929 г.) и «Налет на Бек-Нияз» (под названием «Нападение на Бек-Нияз» в выпускавшемся издательством «Красная газета» журнале «Вокруг света» №29 за 1930 г.). Л. Баландин в рецензии «Свежесть чувств» на этот сборник так отозвался об упомянутых выше двух рассказах в поздних редакциях: «Нарождающемуся мастерству агитатора-большевика посвящен рассказ «Соленые рубахи». Но на эту тему создано очень много произведений, и надо честно сказать, что «Соленые рубахи» в общем ряду будут далеко не на первом месте. Автор не нашел интересных убедительных поступков для своего героя, не показал этапов его внутреннего роста, и потому мы решительно отказываемся восхищаться такой неяркой личностью, не очень верим в его таланты подпольщика. <…> Путаное ощущение оставляет и заключительный рассказ сборника — «Налет на Бек-Нияз». Прочтешь и не понимаешь — о чем, собственно, шла речь? То ли о любопытном случае нашествия на железнодорожную станцию термитов, которые превратили в прах все вплоть до шпал и телеграфных столбов, прервав тем самым сообщение станции с внешним миром? А может быть, это какой-то символ? Термиты по ходу рассказа неожиданно превращаются в басмачей. Их налет отбивает специальный истребительный поезд, вызванный, впрочем, по ошибке

[452] Гольцев В. [Рец. на «Возмутителей» М. Зуева-Ордынца] // Печать и революция. 1929. Кн. 1. С. 143.

(была получена неоконченная телеграмма об угрозе нападения)»[453]. Здесь следует отметить, что первая редакция «Соленых рубах» в большей мере посвящена именно жизни и работе грузчиков в 1918 году на пристани на Волге, принявших к себе большевика-комиссара, в городе, находящемся под властью чехов, союзников белых. Автор описывает радости и горести простых рабочих, а агитация отступает далеко на задний план. Что же касается рассказа «Нападение на Бек-Нияз», то его первая редакция представляется более удачной, менее идеологизированной.

Как бы то ни было, критикуя отдельные недостатки поздних редакций этих рассказов, Баландин резюмирует: «Решая стилевую задачу, М. Зуев-Ордынец смело пошел на творческий риск: всех своих отрицательных героев окрасил густо-черной краской, а всех положительных — светлой. И он выиграл. Рассказы приобрели характер произведений, написанных по свежим следам событий, в них яростно заполыхали чувства. Забурлила, заклокотала ненависть к богатеям и их ставленникам, теплом симпатии овеяны образы партизан. Конечно, прием этот можно оправдать лишь в данном конкретном случае. Свежесть чувств человека, вчера лишь вышедшего из пламени войны, в опаленной шинели, пропахшей порохом, когда еще нет времени взвешивать, анализировать все «за» и «против», предстала в рассказах необычайно ярко»[454].

Е. Плахин в рецензии «Рассказы о мужественных людях» на всё тот же сборник «Вызывайте 5... 5... 5...» подчеркивает: «...произведения М.Е. Зуева-Ордынца привлекают к себе внимание большим мастерством, отличной обработкой. Все персонажи говорят по-своему. Языковые средства служат для писателя прекрасным средством характеристики действующих лиц, средством их типизации. М.Е. Зуев-Ордынец избегает украшательств, диалектизмы и жаргонизмы вкрапляет в речь персонажей умеренно. В несобственно-прямую речь, характеризующую отдельных персонажей, автор вводит лексические элементы, представленные в жаргоне или профессиональном арго той социальной

[453] Баландин Л. Свежесть чувства: [Рец. на сб. «Вызывайте 5... 5... 5…», изд. «Молодая гвардия», 1961] // Сибирские огни. 1962. №7. С.189.
[454] Там же. С. 189-190.

группы или профессии, к которым принадлежит персонаж»[455]. Собственно, это относится ко всем лучшим произведениям писателя.

А. Зырин в 1969 году в рецензии на вышедший в 1968 г. в «Пермском книжном издательстве» сборник «Бунт на борту», в который вошли и несколько исправленных рассказов 1920-х гг., отмечал: «Экзотика, приключенчески-напряженная фабула у Зуева-Ордынца — отнюдь не самоцель, а лишь средства изображения, красочный фон выявления реалистически точных человеческих образов»[456].

Любопытно, что в 1920-е годы Зуев-Ордынец обращается и к научно-фантастической прозе — так, он публикует рассказы «Властелин звуков» (журнал «Всемирный следопыт» №11 за 1926 г.; о внезапно обеззвученном Нью-Йорке), «Панургово стадо» (журнал «Вокруг света» (Ленинград) №№12-15 за 1929 г.; о попытке заменить рабочих обезьянами и бунтом последних) и «Безумная рота» (журнал «Вокруг света» (Ленинград) №№45-46 за 1929 г.; о «газе храбрости», превращающем даже самого трусливого солдата в обезумевшего храбреца). Эти рассказы невольно заставляют вспомнить не только произведения Герберта Уэллса (1866-1946), тот же роман «Остров доктора Моро» (1896), но и труды Александра Беляева и роман «Остров гориллоидов» (1929) Бориса Фортунатова (1886-1936).

Работая в традициях ранней советской массовой литературы, Зуев-Ордынец, несомненно, пытался расширить ее границы, найти свой авторский путь.

В журнале «Всемирный следопыт» №№5-7 за 1928 г. выходит его историко-революционная повесть «На слом!», переизданная в 1937 г. под названием «Хлопушин поиск» отдельной книгой издательством «Челябгиз»; позже была выпущена в обновленной редакции под тем же названием «Хлопушин поиск» в журнале «Уральский следопыт» №№4-6 за 1965 год. Поздняя редакция была переиздана в 1966 г. «Пермским книжным издательством» и издательством «Жазушы», а ранняя — в 2015 г. в авторском сборнике «Колокольный омут» изд.

---

[455] Плахин Е. Рассказы о мужественных людях: [Рец. на сб. «Вызывайте 5... 5... 5…», изд. «Молодая гвардия», 1961] // Простор. 1962. №10. С. 111.

[456] Зырин А. [Рец. на «Бунт на борту» М.Е. Зуева-Ордынца] // Звезда. 1969. №5. С. 216.

«Престиж Бук». Фабула такова: Пугачев отправляет своего подручного захватывать заводы и отливать орудия. Зуев-Ордынец пишет в предисловии: «Во время скитаний автора этой повести (летом 1927 г.) по Уралу, его удивило обилие местных легенд, преданий и рассказов о Емельяне и «Пугачевщине» вообще. Тщательно записав их, проверив и подкрепив сведениями из ряда научных трудов о «Пугачевщине», автор написал историческую повесть»[457].

Но к тому времени вышло уже немало произведений о Пугачеве. И хоть повесть Зуева-Ордынца написана на высоком литературном уровне, к лучшим произведениям о временах Пугачева ее сложно отнести, она уступает, к примеру, роману «Пугачев-победитель» (1924) Михаила Первухина, выдержанного в жанре «альтернативная история», не говоря уже об исторической повести «Капитанская дочка» (1836) Александра Пушкина. Повесть «На слом!» важна для творчества Зуева-Ордынца тем, что она закрепила его интерес к прошлому нашей страны. Эту повесть даже можно рассматривать как ступеньку к лучшей работе писателя — историко-приключенческому роману «Сказание о граде Ново-Китеже».

Роман «Сказание о граде Ново-Китеже» известен в четырех редакциях. Первая редакция вышла в журнале «Всемирный следопыт» №№8-12 за 1930 год (она была переиздана изд. «Престиж Бук» в 2015 г. в сборнике «Злая Земля», и именно по нему далее даются цитаты), вторая в том же 1930 г. в издательстве «Красная газета» отдельным томом (как приложение к журналу «Вокруг света»), главное отличие — добавилась заключительная глава. Третья редакция, значительно переработанная, вышла в «Уральском следопыте» №№2-7 за 1967 год. Четвертая издана отдельной книгой в издательстве «Детская литература» в 1970 г., уже после смерти писателя. И.Г. Халымбаджа написал о Зуеве-Ордынце статью для «Энциклопедии фантастики. Кто есть кто» (под ред. Вл. Гакова), вышедшей в 1995 году, в ней он подчеркивал, говоря о «Сказании о граде Ново-

[457] Зуев-Ордынец М.Е. На слом! (начало) // Всемирный следопыт. 1928. №5. С. 324.

Китеже»: «Переиздавая роман в 1960-е гг., З. основательно переработал его, однако «модернизация» не улучшила произв.»[458].

Е.В. Витковский восхищался первой редакцией романа, сравнивал ее с «Человеком-амфибией» (1928) А. Беляева, «Бегущей по волнам» (1928) А. Грина и «Гиперболоидом инженера Гарина» (1925-1927; окончательная четвертая ред. — 1939) А.Н. Толстого. Витковский писал о первой редакции «Сказания»: «Очень многое в романе пленяет — не так много случаев у нас, когда «затерянный мир» оказался убедителен. В частности, пользовавшийся читательским вниманием роман Александра Полещука «Эффект бешеного Солнца» в альманахе НФ, вне всякого сомнения, написана под прямым влиянием «Сказания». Уже в наши дни этот сюжет живет в традиции бесконечных «попаданцев» (и в книгах А. Бушкова), причем живет неуютно <…> Как сюжеты динозавровых «потерянных миров» ни в коем случае не поднимаются по сей день до уровня книг Конан Дойля и Обручева, так и здесь традиция оказалось плохо востребованной. Причем беда с этой традицией началась непосредственно в этой книге: ее вариант 1970 года смотрится как подражание версии 1929 года»[459]. Следует отметить, что Витковский допустил небольшую неточность: и первая, и вторая редакции вышли все-таки не в 1929, а в 1930 году, хотя, возможно, и были начаты в 1929 г.

Алексей Караваев в работе «Назовем его «Всемирный Следопыт» пишет: «В «Сказании о граде Ново-Китеже» Зуев-Ордынец довольно оригинально и логически непротиворечиво столкнул две эпохи — революционных бойцов начала двадцатого века и сохранившийся в Сибири анклав из века семнадцатого. Редакцией роман не позиционировался как фантастический, не воспринял его таковым и читатель, настолько реалистично и продуманно автор описал столкновение миров»[460]. Вот что Караваев говорит о поздней редакции, к которой отнесся не столь строго, как Витковский: «Действие перенесено в сороковые предвоенные годы, поменялась предыстория героев, у некоторых даже имена, а

---

[458] Халымбаджа И.Г. Зуев-Ордынец Михаил Ефимович // Энциклопедия фантастики: Кто есть кто / под ред. Вл. Гакова. Минск: ИКО «Галаксиас», 1995. С. 249.

[459] witkowsky [Витковский Е.В.]. [Отзыв на роман «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца] // Лаборатория фантастики. [Электронный ресурс] URL: https://fantlab.ru/work159134 (дата обращения: 20.04.2023).

[460] Караваев А.В. Назовем его «Всемирный следопыт». Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. С. 186.

Раттнер сменил фамилию на Ратных. Первая редакция романа была ориентирована на взрослых, а после войны фантастика уже прочно проходила по «детскому» ведомству, поэтому среди героев появляется подросток — брат Косаговского Сергей. Сам роман стал куда более прямолинейным, без полутонов, оттенков и интонаций, но с чётким проговариванием «правильных» вещей»[461].

Концептуально первые две редакции «Сказания о граде Ново-Китеже» можно отнести как к лучшим образчикам «красного Пинкертона», так и к историко-приключенческой прозе. Современные автору герои — летчик Илья Косаговский, военком Николай Раттнер и тайком пробравшийся на самолет Федор Птуха — вылетают из Иркутска в тайгу. Дело в том, что агенты угрозыска и части дивизиона войск ОГПУ окружили шайку «лесных дворян», во главе которой стоит Гришка Колдун (Григорий Колдунов); это контрреволюционная организация, выдающая себя за религиозную секту. Раттнер должен руководить действиями советских бойцов, а также доставить оружие, два пулемета и ручные гранаты. Так и не достигнув цели, друзья совершают вынужденную посадку где-то в танну-тувинской тайге и вскоре оказываются в затерянном в дебрях, основанном старообрядцами городе Ново-Китеже, где и устраивают революцию. Само название отсылает к легендам о граде Китеже, о мечтах об идеальном обществе, впрочем, перед нами не утопичный город, а дистопичный.

В.И. Пищенко и Е.В. Харитонов в статье «Литература о необычайном» отмечают: «Социальные утопии, фантазии об идеальном государстве появились в народном сознании еще в Древней Руси. В качестве примера упомянем «Хождение Агапии в рай», «Путешествие Зосимы к рахманам» или, наконец, самую популярную и таинственную легенду о невидимом граде Китеже, то ли сокрытом под землей, то ли погруженном в воды озера Светлояр, что в Нижнегородской губернии»[462]. В издании, правда, опечатка в названии одного из произведений, правильно: «Хождение Агапия в рай», но это не меняет сути.

---

[461] Там же. С. 187.

[462] Пищенко В.И., Харитонов Е.В. Литература о необычайном // Фантастика и приключения: в 2 т. / сост., коммент. В.И. Пищенко, Е.В. Харитонова. М.: Дрофа: Вече, 2002. Т.1. С.5-6.

В работе «Социальное воображение в советской научной фантастике 1920-х годов» А.И. Рейтблата и Б.В. Дубина, впервые вышедшей в 1988 г. и цитируемой далее по изданию 2014 г., есть следующие рассуждения: «Однако чаще сопоставление утопических и дистопических элементов осуществлялось в форме «введения» законсервированных «оазисов» прошлого в современность. При изображении этих «обществ» на первый план обычно выходили религиозность населения и наличие классовой борьбы. Например, в романе В. Язвицкого «Побежденные боги» (1924) путешественники (русский и француз) находят в горах Эфиопии изолированное племя, практикующее рабство, человеческие жертвоприношения и т.д. <…> Аналогичное общество (но уже на северном острове) изображено в рассказе Л. Гумилевского «Страна гипербореев» (1927). М. Зуев-Ордынец в повести «Сказание о граде Ново-Китеже» (1930) пишет о затерявшейся в сибирских лесах колонии потомков раскольников, сохраняющих быт и представления XVII в. Контакт с окружающим миром ведет здесь (как и у Язвицкого) к вспышке классовой борьбы и гибели этого общества»[463].

Но финал романа в первой редакции не столь однозначен: читателям остается лишь догадываться, что будет с этим обществом дальше. А.Ф. Бритиков подчеркивал: «В романе Зуева-Ордынца «Сказание о граде Ново-Китеже» (1930) экипаж самолета, потерпев аварию над тайгой, попал в русский город, с XVIII в. проспавший среди непроходимых болот. Многое оказалось не столь уж далеким: в Ново-Китеже острая классовая борьба. Советские люди приняли в ней участие, но пулемет, который мог обеспечить победу, вышел из строя. «Исторические экспериментаторы» едва выбрались домой. Для писателя это был спасительный выход. Иначе пришлось бы давать сюжету отнюдь не приключенческий поворот. Как Ново-Китежу перешагнуть два столетия? Пулемет, будь он трижды исправен, не решил бы этой проблемы»[464]. Собственно, в первой редакции романа пулемет выводит из строя предавший дело революции Истома, внук попа: приревновав

[463] Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Социальное воображение в советской научной фантастике 1920-х годов // А.И. Рейтблат. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 144.
[464] Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. С. 348-349.

девушку, выбравшую не его, а одного из пришельцев из большого мира, он загоняет гвоздь в ствол пулемета. Во второй редакции романа, вышедшей в том же 1930 году, Зуев-Ордынец добавил еще одну главу — «Выход» (она была переиздана отдельно изд. «Престиж Бук» в 2019 г. в сборнике «Бунт на борту»). Из нее становится известно, что город Ново-Китеж сгорел, а большинство жителей спались в расположенных неподалеку поселках и хуторах раскольников, и эти самые поселения были обнаружены советскими охотниками-промысловиками. Что же касается шайки «лесных дворян», через которую начальство старообрядцев вело торговлю с «большим миром», то тех из них, кто выжили в пожаре, схватили и будут судить.

Конечно, ко времени публикации первой редакции «Сказания…» сюжетный ход с попаданием современников в «затерянный мир» был хорошо известен в мировой приключенческой литературе, избит, на эту тему вышло множество книг, к примеру, романы «Копи царя Соломона» (1885) Г.Р. Хаггарда (1856-1925), «Колыбель человечества» (1911) М. Первухина или «Земля Санникова» (1926) В. Обручева. Другое дело, что Зуев-Ордынец обращается к русской истории и старается, в отличие от большинства предшественников, избегать фантастического элемента, за исключением самого факта существования в начале XX века города, живущего по заветам старины. А. Горячев так отзывается о романе в статье «В память о талантливом земляке»: «Большим мастерством, истинно русским талантом отмечен один из лучших романов Михаила Ефимовича «Сказание о граде Ново-Китеже». Сюжетный ход, позволяющий автору столкнуть живую действительность с легендарным былым нашей Родины, сейчас широко используется советскими авторами приключенческого жанра. А тогда, в тридцатые годы, это было свежо и оригинально»[465].

Анализируя один из поздних вариантов романа, Борис Бегак в работе «Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети» делает вывод: «В цепи захватывающих происшествий «Сказания о граде Ново-Китеже», в выразительной галерее ее персонажей автор нигде не выходит за пределы правдоподобия в

[465] Горячев А. В память о талантливом земляке // Индустриальная Караганда. 1968. 24 дек. С. 2.

предложенных обстоятельствах»[466]. Это относится и к ранним вариантам романа. Более того, Бегак приводит любопытные сведения: «И, как бы отвечая подлинными фактами творческому домыслу, через многие годы после выхода книги Зуева-Ордынца жизнь «подбросила» читателям, в том числе юным, документальную повесть Василия Пескова «Таежный тупик» <...> Оказывается, живы люди семнадцатого века, таящиеся в самом глухом углу далекой тайги, не обозначенном ни на одной карте, бывшие питомцы древнего раскольничьего скита! Семейство старообрядцев, из которых только старший, глава семьи, видел когда-то представителей внешнего мира»[467]. То есть фантастическое допущение Зуева-Ордынца в действительности оказалось вполне реалистичным.

Что касается «выразительной галереи ее персонажей», то нельзя отдельно не сказать о Федоре Птухе, вносящем юмористическую нотку в драматические события. Интересна его «шутовская» манера речи, на которую обращает внимание и Алексей Караваев, приводя соответствующие примеры и отмечая, что в варианте 1967 г., в отличие от 1930 г., «Птуха разговаривает почти как школьный учитель»[468]. Действительно, в поздних редакциях его речь не столь ироничная, однако ее все-таки сложно назвать почти такой же, как у школьного учителя! В первых же двух редакциях Федор Птуха постоянно грубовато подшучивает, его речь насыщена простонародными словами и выражениями: «Плюю я через губу на твово посадника! — рвался на крыльцо Птуха. — Ты што, краснофлотского кулака не пробовал? Як дам вот тютю, зараз носовой частью в землю зароешься!»[469]

В тексте, вообще, много характерных диалектизмов, помогающих создавать атмосферу XVII века, в которую попали герои: *напалок* (перстень), *большина* (власть), *встречник* (противник в споре, иногда в смысле — враг), *замятье* (бунт, восстание), *захабень* (тюрьма) и др. Вот как дерзко отвечает Истома, желающий перемен в Ново-Китеже и еще не предавший тогда революционеров, своему деду-

---

[466] Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети. М.: Детская литература, 1985. С. 91.
[467] Там же. С. 91.
[468] Караваев А.В. Назовем его «Всемирный следопыт». Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. С. 188.
[469] Цит. по изд.: Зуев-Ордынец М.Е. Сказание о граде Ново-Китеже // Зуев-Ордынец М.Е. Злая земля: романы, рассказы. М.: Престиж Бук, 2015. С. 278.

попу: «Не век же под твоим посадником да киновеархом сидеть. Осатанело так-то, в жизни пасынком ходить. Будет когда-нибудь и наша большина»[470]. Интересно, что герои романа — революционеры, попавшие в этот затерянный в дебрях город, и его жители — не всегда понимают правильно терминологию друг друга. Так, тот же Истома не осознает истинного значения слова «революция», он считает, что в ходе революции сам окажется у власти, а не все станут равны.

Зачастую автор через диалоги показывает столкновение мировоззрений местных раскольников и революционеров начала XX века, в качестве примера можно дать беседу всё того же Птухи с местным старичком. Тот спрашивает:

«— В «Апокалипсисе» писано, што должон в мире антихрист воцариться, зверь пятиглавый, гидра адская! Не слыхано об этом?

— Это ты, божий старичок, про гидру контрреволюции толкуешь?

— Ну? <…>

— Говорю, уничтожили! Все пять глав гидры: Деникин, Колчак, барон Врангель, Юденич и пан Пилсудский. Как в аптеке, дедушка! Вот теперь изловить бы еще Гришку Колдуна и лафа!»[471]

Впрочем, далеко не всех местных жителей устраивает существующий порядок в Ново-Китеже, имеются недовольные рабочие массы. Более того, в городе есть две политические партии — «дырники» и «бездырники». Первые выступают за сохранение «дыры» в мир, а вторые — за полную изоляцию. «Правда, купцы в целях примирения с церковниками сделали им некоторую уступку, но уступка эта лишь укрепила власть буржуазии. Заключалась эта уступка в том, что «дыра» в мир, и прежде открытая лишь наполовину (выпускались люди с большим разбором, по особым разрешениям), была заткнута для всех остальных, исключая купцов»[472].

Что же касается религий вообще и раскольников в частности, то еще в начале романа устами Косаговского говорится: «И если когда-то раскол и сектантство били по господствующей церкви, а государство било по расколу, еще

[470] Там же. С. 306.
[471] Там же. С. 312-313.
[472] Там же. С. 299.

туже сжимая крестьянство, то, пожалуй, можно сказать, что сектанты против воли двигали мысль народную. Теперь они приводят лишь к религиозной нетерпимости, а отсюда один шаг и до контрреволюции, до выступлений против безбожников-большевиков»[473].

Приход цивилизации в лице бравых революционеров в город потомков раскольников, живущих по заветам их предков, рассматривается Зуевым-Ордынцем в общем и целом положительно. То есть по сути он поддерживал советскую колониальную политику, помогающую народам идти по пути прогресса. При этом он жестко критиковал методы царской колониальной политики в ряде других произведений, к примеру, в романе «Злая земля» и ориентальных рассказах и повестях.

Роман «Злая земля» вышел за год до публикации «Сказания о граде Ново-Китеже», в журнале «Всемирный следопыт» №№8-12 за 1929 год. Само название «Злая земля», похоже, является своеобразной отсылкой к сборнику «Злое море» (1924) Бориса Житкова. Зуеву-Ордынцу был не чужд подобный прием: он порой использовал инерцию мышления и издателей, и простых читателей, подтверждением этого служит тот факт, что в 1963 г. в «Казгослитиздате» он выпустил сборник «Остров Потопленных Кораблей», в который вошли рассказы за 1954-1962 гг., название этого сборника отсылает к роману «Остров Погибших Кораблей» (1926) Александра Беляева.

Следует упомянуть, что роман «Злая земля» спустя около трех десятилетий был автором значительно переработан, фактически на основе ранней версии 1929 года Зуев-Ордынец создал новую книгу на тот же сюжет, и эта новая версия под названием «Последний год» впервые появилась в печати отдельным изданием в «Калининградском книжном издательстве» в 1961 г., в качестве послесловия в том была включена статья с говорящим названием «Судьба Русской Америки» П. Снесаревского[474]. Ниже будет разобран именно первый вариант романа 1929 г.

---

[473] Там же. С. 226.

[474] Снесаревский П. Судьба Русской Америки: [Послесловие] // Зуев-Ордынец М. Последний год. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1960. С. 505-511.

Валерий Могильницкий в статье «Под зэковским номером 179888» вспоминал, что впервые услышал о Зуеве-Ордынце в 1979 году в Ростове-на-Дону от писателя Петрония Гая Аматуни. Тот сказал, что роман «Злая земля» Зуева-Ордынца произвел на него «самое большое впечатление»[475].

Роман «Злая земля» состоит из двух частей, «Незнаемая страна» и «Ложный след». В первой части говорится о русском траппере (зверолове) на Аляске, который спас от медведицы сына вождя тэнанкучинов Красного Облака, племени, старающегося держаться подальше от белых колонизаторов. Вождь делает трапперу щедрое предложение пожить и поохотиться с ними, и тот его принимает. Спустя несколько месяцев вождь раскрывает своему гостю тайну Злой Земли[476], места, где полно золота. Казалось бы, далее события должны развиваться в духе классических западных приключенческих произведений о поиске золота на Севере, как в том же романе «Золотоискатели» (также выходил на русском языке под названием «Охотники за золотом. История жизни и приключений на диких берегах Гудзонова залива») (1909) Джеймса Оливера Кервуда (1878-1927), но — нет, Зуев-Ордынец предлагает читателю иной сюжет: перед нами история о человеке, более преданном своей второй родине Аляске и населяющим ее коренным народам, нежели первой — России и русским.

Траппер соглашается закупить на золото оружие для индейцев, чтобы они могли противостоять бледнолицым, сами индейцы приобрести ружья и пушки не могут, так как белые им их не продают. Но что руководит героем, в чем заключается его мировоззрение, что толкает его на этот шаг? Почему он так быстро идет на сделку с индейцами? Нет, им движет отнюдь не жажда наживы, как можно было бы подумать. Он — идейный, и, кстати, именно поэтому очутился на Аляске, бежав из России. Как выясняется в конце первой части, он — Филипп Федорович Бокитько, по паспорту — мещанин Погорелко, один из петрашевцев, избежавший страшной царской расправы. Прибыв 25 июня 1851

---

[475] Могильницкий В. Под зэковским номером 179888 // Простор. 2001. №9. С. 30.

[476] В первом журнальном издании роман называется «Злая земля» (второе слово с маленькой буквы, однако практически повсюду в тексте оба слова даются с большой буквы — Злая Земля), в переиздании 2015 года оба слова даны и в названии, и в самом тексте с большой буквы — «Злая Земля».

года на Аляску и получив от индейцев прозвище Черные Ноги (американцы и англичане переиначили его в «мистер Блекфит») за то, что поначалу он носил высокие яловочные сапоги, он продолжает вот уже много лет ненавидеть царизм, мечтать о том, чтобы в России произошла революция, а еще... любить девушку, которая спустя некоторое время после его бегства из страны вышла замуж за другого. Получается, бывший студент, а нынешний траппер просто стремится отомстить русским начальникам? Нет, он слышал и видел, какие зверства творят и русские, и индейцы, но он выступает против того, как действуют первые.

Так, Красное Облако ему рассказывает: «Огненные люди начали нападать на соседние стойбища, грабили все, что им попадалось на глаза. Они отнимали у мужей жен, у отцов дочерей, а сыновей заставляли работать на себя. Они забирали сани, собак, собольи меха, даже запасы еды из амбаров. А тех, кого захватывали с оружием в руках, русские избивали палками и плетками. Мало того — некоторых раздели донага, обмазали вонючей рыбой и бросили живьем на съедение собакам»[477]. Что может ответить траппер? «Как объяснить индейцу, что особенность подонков белой расы — нечеловеческая жестокость и постоянная готовность притеснять слабейших? Ведь первые русские неофициальные экспедиции на американский материк в большинстве состояли из бродяг с очень темным прошлым. Это понятно: как раз такие люди и бывают более всего пригодны для подобного рода сомнительных предприятий»[478]. И далее: «Озлобление достигло наивысшей степени во время недавно потушенного всеобщего восстания индейских племен Аляски против русских. В дни этой войны был случай, когда индейцы пожертвовали собственными женами и детьми, чтобы отомстить русским. Заманив казаков в кашгу на пир, краснокожие, чтобы не возбудить подозрения русских, сожгли их вместе со своими семьями»[479].

И какие же выводы делает траппер? В тексте прямо говорится: «Родина. Россия. Соотечественники... Какие это древние, ветхие слова! И все же какая

---

[477] Цит. по изд.: Зуев-Ордынец М.Е. Злая земля // Зуев-Ордынец М.Е. Злая земля: романы, рассказы. М.: Престиж Бук, 2015. С. 28.
[478] Там же. С. 28.
[479] Там же. С. 34.

могучая сила в них! Что дала ему Россия, кроме тоски изгнания и мук одиночества? Но ведь в этом виновата не Россия, а всего лишь один человек»[480]. Речь об императоре России. Насколько отличается отношение к царизму персонажа «Злой земли» Зуева-Ордынца и, к примеру, героини «Смелой жизни» (1905) Лидии Чарской. Если героиня Чарской восторгается царем, то Погорелко ненавидит царизм и даже в своей жажде не столько помочь тэнанкучинам, сколько отомстить царю готов пойти на измену! Героиня Чарской вызывает у читателей восхищение, а вот персонаж Зуева-Ордынца — куда более сложные чувства, и в первую очередь — раздражение, неприязнь. Он же не просто защищает индейцев и осуждает царя, нет, он идет против своей настоящей первой Родины, против России! Впрочем, Погорелко почти сразу узнает, что Аляску передают Америке, а значит, закупая оружие для индейцев, он делает зло не русским, а американцам: «А в сердце русского поднималась злобная веселость и то нервное возбуждение, какое охватывает человека, идущего на явную опасность. Примешалось сюда и мальчишеское озорство, желание подложить свинью американцам, по праву купли отнимающим у него Аляску — его вторую родину. То-то удивятся эти купцы, когда «дикари» встретят их градом пуль!»[481]

Как известно, Аляска была продана в марте 1867 года за 7,2 миллионов долларов, официальная же передача произошла 11 ноября того же года. Казалось бы, Погорелко может раскрыть тайну «доброй жилы» Злой Земли своим соотечественникам и тем самым еще успеть сорвать сделку, так как официальная передача пока не произошла, но он утаивает эти сведения, что не может не возмутить читателей.

Погорелко — личность неоднозначная. Он отправляется за оружием вместе с индейцем по имени Громовая Стрела и увязавшейся за ними юной индианкой Айвикой (Летящей Красношейкой), искренне полюбившей русского, не способного ответить взаимностью на ее чувства. Также Погорелко берет с собой верного пса Хрипуна.

---

[480] Там же. С. 47.
[481] Там же. С. 48.

Траппер заручается поддержкой старого друга — заставного капитана Македона Иваныча Сукачева, назначенного Русско-Американской компанией заведующим факторией в поселке Дьи. Но даже ему, Сукачеву, он сперва не рассказывает о золотой жиле, так как боится, что тот в порыве патриотизма поведает о ней русским властям. Ведь тогда, по мнению траппера, золото получит отнюдь не русский народ, а Русско-Американская компания и царская фамилия.

Образ Сукачева усиливается автором за счет его манеры речи, использовании им характерных выражений — к примеру, «оглобля с суком».

И как же реагирует Сукачев, когда слышит, что траппер хочет закупить оружие для индейцев? Он рассуждает: «Хороший вы человек, милейший мой! Помните, я первый научил вас, как говорят здесь, «подвязывать мокасины»? Опираясь на мои плечи, фигурально выражаясь, начали вы топтать аляскинские сугробы. Я ведь знал, что делал, знал, кого в люди вывожу. Ну, вот и не ошибся. Хоть вы и нигилист и еще там что-то, а в своих революционных утопиях не утонули»[482]. Любопытно отношение заставного капитана к американцам: «Не люблю я янков. Без крику, без драки, а прямо в икры цоп! Вредная нация. Все стараются не штыком, не пулей, как мы дураки-русаки, а долларом. Торгаши всесветные»[483].

В беседе между друзьями проявляется как революционное мировоззрение одного, так и другого, они критикуют царские методы колониализма. «Действительно, испакостили наши власти Аляску, — сказал траппер. — Что она теперь? Мешанина какая-то. Первобытные, живущие еще в каменном веке индейцы плюс манжеты чиновников и шпоры жандармов. Краснокожий-отец боится бога Клуша, а сын — полицейского урядника. Оба же вместе больше всего боятся колокольчика на потяге сборщика ясака. Вот и все следы культуры. И это после стодвадцатипятилетнего хозяйничания просвещенной русской нации»[484].

В письме на родину своему другу Михайлу Погорелко пишет: «Суть в том, что Аляска — страна для мужчин в лучшем смысле слова. Главное здесь — это

[482] Там же. С. 64.
[483] Там же. С. 68.
[484] Там же. С. 73.

равновесие между мускулами и нервами. Аляска — страна инстинкта и импульса. Здесь все просто. Здесь нужно буквально цепляться за жизнь. И как здешняя жизнь непохожа на мою прошлую, на ту, которой живете сейчас и вы! У вас на первом месте мысль, здесь — дело, у вас можно убедить словом, здесь — только действием. Здесь у нас только один закон — силы, кулака, а еще лучше — оружия. И вот тут-то, перед лицом неоднократной смертельной опасности я понял, что значит жить и любить жизнь. Только здесь я научился брать жизнь большими кусками. Я научился, как волк, следить за добычей с терпеньем столь же огромным, как и мучивший меня голод. Я познал сладость бешенства и опьяняющую злобу при уничтожении врага»[485]. То есть за долгие годы на Аляске юный нигилист превратился в мужчину, обрел новую Родину, научился ценить и уважать индейцев, в чем-то даже восхищаться ими.

Во второй части «Ложный след» герои прибывают в Новоархангельск (Ситху), где Погорелко, во-первых, по глупости связавшись со злодеями, наконец, вынужденно рассказывает о золоте Сукачеву, а во-вторых, встречает любовь всей своей жизни — Аленушку (Елену Федоровну). Но та ли это чистая девушка, которую он знал когда-то? Нет, это корыстная особа, жаждущая только денег и чувствующая брезгливость к трапперу. «Надежды на женскую нежность, на искреннюю любовь мелькнули метеором и рассыпались в прах...»[486] Более того, она замужем за мерзавцем маркизом де Монтебелло (в журнальном издании 1929 г. его имя дается то как де-Монтебелло, то как дю-Монтебэлло, в книжном издании 2015 г. — де Монтебелло)! Маркиз, его жена и их соратники решают вызнать у Погорелко, где располагается месторождение золота.

Дальше события разворачиваются стремительно: злодеи убивают Громовую Стрелу, подстроив дело так, что в его убийстве подозревают Погорелко, герои покидают Новоархангельск, возвращаются в Дьи, выдерживают осаду, становятся свидетелями самоубийства Айвики, разболтавшей негодяем, что у Погорелко есть карта сокровищ, пытаются ускользнуть от врагов через горы, и при этом

[485] Там же. С. 79.
[486] Там же. С.137.

проявляют свои лучшие качества — смелость и преданность новой Родине — Аляске и доверившимся им племени индейцев, стремятся сохранить их тайну.

Каков же финал этой истории? В отличие от большинства приключенческих текстов, Погорелко и Сукачев отнюдь не побеждают. Несмотря на все приложенные ими усилия, они погибают — Сукачев после падения в провал оказывается погребен под снегом, а Погорелко убивает один из преследователей, герои так и не добывают оружия для индейцев. Маркиз раскрывает тайну «доброй жилы» в Злой Земле! Вот только золото оказывается ненастоящим, ложным, колчеданом! Больше всех везет псу Хрипуну — он обретает свободу...

А Злая Земля — это не только место, где, как думали индейцы, есть золото, но и вся Аляска. В последней главе «Земля-мать» инженер-капитан Раймонд обнаруживает труп зверобоя, и происходит следующий диалог:

«— А вы заметили, капитан, как странно лежит этот человек? — обратился к Раймонду его помощник. — На самой границе: туловище — в Канаде, а руки его, широко раскинутые, словно обнимают землю Аляски.

— Обнимают землю? — улыбнулся хмуро Раймонд. — Эту землю? Да ведь это именно та страна, которую Бог дал в наказание Каину. Злая каинова земля...

Инженер Раймонд, конечно, не мог знать, что человек, обнимавший последним объятием вечно мерзлую почву Аляски, называл ее когда-то второй родиной, землей-матерью»[487].

А.В. Зорин рассуждает в статье «Русская Америка: один автор, два образа» о первой версии книги: «Бессмысленно пытаться оценивать историко-познавательные достоинства романа. Свои познания об Аляске автор явно почерпнул из рассказов Джека Лондона, индейцев заимствовал из романов Гюстава Эмара, а отсутствующие у него сведения о подлинной истории Русской Америки заменил стандартным для своего времени обличением европейского колониализма, щедро разбавив его плодами собственного воображения»[488]. Зорин

[487] Там же. С. 211.
[488] Зорин А. В. Русская Америка: один автор, два образа // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск: Курский государственный университет, 2015. Вып. 7. С. 85.

указывает на одно из существенных отличий версии 1961 г.: «Вместо мифических «тэнанкучинов» индейцы, хранящие золото, становятся реальными атапасками-ттынайцами»[489]. Здесь следует подчеркнуть, что тэнанкучины были не такие уж мифические: Чарльз Шелдон в книге «The Wilderness of Denali» приводит список племен и групп, упомянутых в журналах, среди них есть и вполне реальный народ Аляски танана (Tanana), он же — тэнанкучин (Tenankuchin)[490]! Так что Зуев-Ордынец при работе над романом использовал не только зарубежные приключенческие книги и собственную фантазию, но и какие-то документальные материалы. Об этом говорит и то, что он детально рассказывает о деле петрашевцев и приводит подробности из истории Аляски, допустим, то, что во время официальной передачи Аляски Америке русский флаг запутался. Но Зорин несомненно прав в другом: образ Русской Аляски, нарисованный писателем, далеко не соответствует исторической правде, перед нами в большей мере именно литературный образ, так представляли себе Русскую Аляску в 1920-х годах.

При этом из общей массы приключенческой прозы «Злая земля» выделяется и историческим периодом, и нетипичным главным героем. Перед нами и не абсолютно положительный персонаж, и не антигерой, также нередко встречающийся в жанре — к примеру, в романе-дилогии «Корсар» («Карибские пираты: Рыцарь свободного моря») (1911) Клода Фаррера (1876-1957).

Что же касается поздней версии романа 1961 года, то Зорин сделал подробное сравнение двух версий, особо отметив изменения персонажей. Он пишет: «Главный герой из студента-разночинца Бокитько превращается в бравого гусарского корнета Андрея Гагарина, которого преследуют царские жандармы за связь с «тайным революционным кружком» и хранение изданий Герцена»[491].

Зорин пришел к следующим выводам: «За время, истекшее с 1929 г., многое радикально переменилось и в исторической науке, и, вероятно, во взглядах

---

[489] Там же. С. 88.

[490] Sheldon C. List of Tribes and Bands Mentioned in the Journals // Sheldon C. The Wilderness of Denali: Explorations of a Hunter-Naturalist in Northern Alaska. New Edition. New York: Charles Scribner's sons, 1960. P. 405.

[491] Зорин А.В. Русская Америка: один автор, два образа // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск: Курский государственный университет, 2015. Вып. 7. С. 88.

автора, что наглядно показывает суть правки, постигшей текст книги. Объём текста при этом значительно разрастается, вводятся новые персонажи, появляются исторические отступления. Но в результате первоначальный ёмкий и крепко сбитый авантюрный сюжет расплывается <…> Мотивы старых авантюрных романов отходят на второй план, зато ярко прослеживается влияние научно-популярных и художественных произведений С.Н. Маркова. В первую очередь это касается появления в тексте характерных терминов и понятий, уточнения некоторых этнографических сведений, пересказа эпизодов из этих книг, а также отсылок к странствиям Л.А. Загоскина, которого Марков именовал в своих книгах «Белым Горностаем». Свои познания об индейцах автор расширил за счёт знакомства с «Песнью о Гайавате» Г. Лонгфелло»[492]. Подчеркну: С.Н. Марков (1906-1979) лишь в 1946 году опубликовал книгу «Русские на Аляске» и роман «Юконский ворон», то есть они никак не могли повлиять на первую версию 1929 г. романа Зуева-Ордынца, в отличие от второй 1961 г.

Выделяя еще одно важное отличие между двумя версиями, Зорин пишет, что в версии 1961 года «Русская Америка под пером М.Е. Зуева-Ордынца превращается в свободную процветающую страну, созданную миролюбивым трудовым русским населением, но зависящую от произвола антинационального самодержавия. На смену обличению российского колониализма приходит более востребованный в новых исторических условиях антиамериканизм»[493].

Г. Сенников в статье «Тропою приключений: Творческий путь нашего земляка» вспоминает, какое большое впечатление на него и его одноклассников произвел сначала роман «Злая земля» (они даже играли в его героев), а затем и другие произведения Зуева-Ордынца, включая, конечно, «Сказание о граде Ново-Китеже». Сенников подчеркивает: «Не все гладко в этих романах и повестях. Есть в них и стилевые срывы, и излишне эффектные повороты сюжета а иногда и неудачные образы (герой романа «Гул пустыни», например. — тип отрицательный — гвардейский шаркун и стяжатель корнет Коростовец). Но есть в

[492] Там же. С. 88.
[493] Там же. С. 91.

них постоянное горение ищущей человеческой мысли, есть революционная романтика — все то, что определяет общественную значимость произведения и в конечном итоге его литературную жизнь»[494]. В советский период революционная романтика, безусловно, была значимым фактором для успешного прохождения произведения через цензуру, и, вероятно, именно благодаря ей многие ранние вещи Зуева-Ордынца в 1950-1960-х гг. были переизданы, пусть и в новых редакциях. Что же касается неудачного, по мнению Сенникова, образа корнета Коростовца, то с этим трудно согласиться. У Зуева-Ордынца получился яркий, неприятный и столь же неоднозначный герой, как Погорелко из «Злой земли».

В творчестве Зуева-Ордынца важное место занимает ориентализм. Продолжая традиции, заложенные еще в XIX веке Николаем Каразиным (1842-1908), автором романа «На далеких окраинах» (1872), его свободного продолжения «Погоня за наживой» (1873) и др., Зуев-Ордынец выпустил ряд произведений об Азии: повесть «Желтый тайфун», рассказ «Клад хана-пастуха» (издан во «Всемирном следопыте» №6 за 1930 г.) и пр. Из всех его ориентальных произведений выделяется повесть «Гул пустыни», впервые опубликованная в выпускаемом издательством «Красная газета» журнале «Вокруг света» №№6-12 за 1930 г., в том же году было и отдельное издание в «Молодой гвардии», в 2015 г. она была переиздана издательством «Престиж Бук» в авторском сборнике «Колокольный омут», по нему ниже и приводятся цитаты.

Повесть «Гул пустыни» состоит из пролога, впрочем, без указания, что это пролог, и двух частей: «Русские в Хиве» и «То, что за рекой». В конце пролога говорится: «Ниже я и передаю то, о чем звенел дутар в прохладе турткульских садов»[495], автор сразу настраивает читателя на ознакомление с легендой.

События разворачиваются в 1873 году, во время Хивинского похода. Главным героем выступает корнет Коростовец, молодой человек, на первый взгляд, кажущийся идеалистом. Он осуждает мародерство, мечтает о том, чтобы

---

[494] Сенников Г. Тропою приключений: Творческий путь нашего земляка // Центральный Казахстан. Караганда. 1964. 26 янв. С. 4.

[495] Цит. по изд.: Зуев-Ордынец М.Е. Гул пустыни // Зуев-Ордынец М.Е. Колокольный омут: повести и рассказы. М.: Престиж Бук, 2015. С. 120.

сделать эту землю цветущей, изучает ее историю: «Я искал там следов плотины Чингиз-хана и не нашел их. Но дайте только кончиться войне, я снова отправлюсь в Перовск и тогда уже отыщу «Великую плотину», непременно отыщу! Вообразить только такую картину: плотина Чингиз-хана взорвана (это пустяковое дело при наличии современных взрывчатых веществ), Сыр-Дарья устремляется по своему старому руслу, Кызыл-Кумы ожили! Бесплодная пустыня снова превращена в цветущий сад»[496].

Слушающий его поручик Губастов предполагает, что Коростовец хочет «спекульнуть землицей». Слово за слово, и вот уже возмущенный Коростовец вызывает на дуэль Губастова. Но так ли уж Губастов не прав?..

Впрочем, традиционная дуэль откладывается. Губастов тревожится за участь своих сыновей, живущих только на его жалование. Понимая, что если погибнет на дуэли, то оставит их без своей пенсии, до которой ему осталось четыре месяца, он предлагает Коростовцу необычный вариант: сначала один из них должен отправиться с отрядом на две недели на рекогносцировку и охрану параллельных фронту дорог и колодцев в Кызыл-Кумах, а затем другой. Губастов говорит: «И вот что я решил: две недели — большой срок, вам будет время поразмыслить над поступком, который вы собираетесь сделать»[497]. Подбросили монету, и первым выпадает ехать Коростовцу.

Как уже упоминалось, на первый взгляд Коростовец производит приятное впечатление. Да и его «революционная» мысль об улучшении «далекой окраины» выделяет его на фоне его сослуживцев, в первую очередь пекущихся о своей жизни и наживе. Автор безжалостно изображает поступки русских, показывает, что русские есть как достойные люди, так и мерзавцы. В этом Зуев-Ордынец близок упоминавшемуся ранее Каразину, в чьих романах, к примеру, в «Погоне за наживой» (1873), также можно встретить схожие сцены чудовищного отношения русских к местным. В одном из эпизодов «Гула пустыни» два казака держат за руки испуганного мальчишку, урядник бьет его плетью, вопрошая: «Говори, кто

[496] Там же. С. 146.
[497] Там же. С. 157.

русского сарбаза убил?»[498] Узрев эту сцену, Коростовец приказывает отвести несчастного на допрос в штаб. Солдат-мародер, присутствовавший при этом, говорит: «И чего зря малайку на допрос таскать? Кишки ему выпустить да на шею намотать!»[499]

Не стесняется автор критиковать и действия военачальников царя, в чем проявляется его революционное мировоззрение. К примеру, он описывает такую ситуацию: по пустыни идут русские войска, мучаясь от жажды, ближайший колодец уже опустел, мимо катится коляска с начальством, не знающим проблем с водой. Из коляски раздается приветствие, но бойцы не отвечают на него, молчат. Начальник приказывает гнать, не останавливаясь. Вдруг какой-то сибиряк кричит: «Варначье!.. Душегубы!.. Сами в колясках, воды сколь хошь. А мы?.. Куда завели?.. Пошто губите?..»[500] Офицер убивает сибиряка, однако бунта не случилось: «Для бунта нужны силы, а их не было. Бешенство сменилось тупым безразличием»[501].

Как и в романе «На далеких окраинах» Каразина, главный герой «Гула пустыни» попадает в плен к барантачам (разбойникам). И вот что говорится в повести об отряде разбойников: «Весь Туркестан, до дна взбаламученный находом русских, имел своих представителей в отряде Искандера. <…> Это Азия пыталась бороться с русским империализмом»[502]. Здесь Зуев-Ордынец вновь выступает против методов именно царского колониализма.

Но если у Каразина несчастный долго страдает, испытывает все ужасы невольничьей доли, то корнет Коростовец, пользуясь подвернувшейся возможностью — нападением варана, довольно быстро бежит из плена. И в эту динамичную сцену Зуев-Ордынец вносит драматизм, Коростовец проявляет себя отнюдь не лучшим образом: Коростовец и его подчиненный вахмистр Осадчий, также оказавшийся в плену у барантачей, запрыгивают на одну лошадь — сам Коростовец зовет его с собой. Но та не может увезти двоих, поэтому Коростовец

---

[498] Там же. С. 162.
[499] Там же. С. 162.
[500] Там же. С. 170.
[501] Там же. С. 170.
[502] Там же. С. 175.

приказывает слезть Осадчему, угрожая ему револьвером, своя жизнь ему оказывается дороже чести. Вскоре лошадь убивают, Коростовец не успевает далеко уехать, он возвращается к Осадчему и просит у него прощения. Но делает это не столько из стыда, сколько из-за того, что «вдвоем-то бы… веселее и безопаснее»[503]. Осадчий отказывается идти с Коростовцом, и тот продолжает свой путь по пустыне один, попадает в город прокаженных. Тут можно вспомнить фантастико-приключенческий роман «Хевес-хютти» (1926) Аделины Адалис (1900-1969) и Ивана Сергеева (1903-1964), также выходивший под названием «Абджед хевез хютти...». Но, в отличие от романа Адалис и Сергеева, повесть «Гул пустыни» более реалистична.

В городе прокаженных Коростовец встречает англичанина, который под именем Искандер возглавляет отряд барантачей. Их беседы представляют особый интерес. Так, англичанин рассказывает Коростовцу о действиях русских, о резне, устроенной ими под аулом Бузгумен, о сожжении еще ряда аулов. И как же это воспринимает корнет? Напоминая англичанину об их действиях в ходе восстания сипаев в Индии, он говорит, что одобряет «кровавую баню, заданную туркменам»[504], поскольку «без туркмен, хан Хивинский будет в сущности русским уездным начальником»[505], и в этом выражается мировоззрение Коростовца. Англичанин на это отвечает: «Но чего вы добились? <…> Результат получился обратный и для вас, русских, неожиданный!»[506] И далее: «Вы ведете край к обнищанию <…> И картина не изменится до тех пор, пока вы не измените в корне свои способы колонизации. И не забывайте еще одного, — что за вами следит ваш самый опасный враг. <…> мы, англичане!»[507]

Англичанин пытается купить его преданность. Англия строит козни против русских. И как же поступает «идеалист» Коростовец? Сначала он отвергает это предложение, но всего через несколько дней он уже готов предать свою Родину, своих сослуживцев и работать на англичан. К счастью для него, русский, давно

[503] Там же. С. 183.
[504] Там же. С. 215.
[505] Там же. С. 215.
[506] Там же. С. 215.
[507] Там же. С. 217.

живущий в городе прокаженных, помогает ему ускользнуть до того, как он успевает озвучить свое омерзительное решение англичанину, заключить с ним сделку. Для того, чтобы лучше показать характер Коростовца, его переживания, автор дает некоторые фрагменты от первого лица — это дневниковые записи Коростовца: «Ну, а если победит не Англия, а Россия, — тогда что мне делать? Как поступить, какой ответ дать Искандеру? Положение-то мое бамбуковое, как говорит наш эскадронный»[508]. И куда только подевался весь идеализм корнета, вся его преданность Отчизне? В трудных ситуациях становится видно истинное мировоззрение Коростовца, который на самом деле хуже даже солдат-мародеров, осуждаемых им.

Изменилось ли мировоззрение Коростовца, стал ли он другим, когда ему, наконец, посчастливилось вернуться к своим? Пожалуй, он остался прежним. Прежним остался и Губастов, тот самый, которого в начале повести Коростовец вызвал на дуэль, но Губастов проявил себя с лучшей стороны: во-первых, он отказался участвовать в бойне мирного населения под аулом Бузгумен, из-за чего лишился мундира и пенсии; и, во-вторых, узнав о подлых поступках Коростовца из дневника, который тот вел, он не донес начальству, что, несомненно, поспешил бы сделать Коростовец, если бы очутился на его месте. Разумеется, традиционная дуэль отменяется. Таким образом, вызывающий в начале повести неприязнь у читателей своим грубым поведением Губастов оказывается намного человечнее «идеалиста» Коростовца. Зуев-Ордынец заставляет читателей изменить свое отношение к героям, при этом не меняя мировоззрения последних, что бывает редко в приключенческом жанре, где обычно белое всегда остается белым, а черное — черным.

Работая над «Гулом пустыни», Зуев-Ордынец изучал материалы по теме, в том числе знаменитую трехтомную работу «История завоевания Средней Азии» М. Терентьева. Автор указывает, что читал издание 1896 г., но такое мне найти не удалось, самое ранее издание первого тома из обнаруженных мной датируется

[508] Там же. С. 222.

1903 г.[509], а второго — 1906 г.[510] и третьего — тоже 1906 г. (с приложениями, у которых отдельная нумерация)[511].

Кроме того, Зуев-Ордынец использует множество местных диалектизмов, как характерных для «туркестанских» текстов разных авторов — те же *сарбаз* (солдат), *бача* (мальчик, ребенок), *тюря* (начальник, господин), *барантачи* (разбойники) и др., так и более специализированных — к примеру, *яу* (степной разбойник) и *аша-кчи* (сверх-стрелок).

Повесть «Гул пустыни», как и роман «Злая земля», выделяется на общем фоне приключенческих текстов именно необычным главным героем. Корнет Коростовец — это и не классический антигерой, ради наживы убивающий людей, и не обаятельный преступник, свойственный плутовским романам. Коростовец — жалкий, корыстный, подлый трус, желающий казаться другим лучше, чем он есть на самом деле, даже лучше, чем они.

Нельзя не заметить, что «Гул пустыни», «Злая земля» и «Сказание о граде Ново-Китеже» написаны на более высоком уровне, чем его ранние произведения, та же повесть «Возмутители». За несколько лет Зуев-Ордынец научился лучше работать со стилем, строить сюжет и прорисовывать характеры персонажей. Вероятно, большую роль в этом сыграло то, что он в это время обучался в Ленинградском институте истории искусств, который окончил в 1930 г.

Маттиас Швартц в монографии «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit» посвятил Михаилу Зуеву-Ордынцу и Константину Паустовскому (1892-1968) параграф «Die Austreibung der Exotik — Paustovskijs und Zuev-Ordynec' Poetisierungen der Wüste». Швартц рассуждает о «Кара-Бугазе» (1932) и «Колхиде» (1934) Паустовского, упоминает документальное произведение «Тринадцатый караван. Записки о пустыне Кара-Кум» (1933) Михаила Лоскутова

[509] Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова 1903. Т.I. 510 с.
[510] Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова 1906. Т.II. 547 с.
[511] Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова 1906. Т.III. 496, 30 с.

(1906-1941), а также ряд других текстов, включая роман о погоне за похитившим ценные бумаги шпионом «Блистающие облака» (1929) Паустовского. Здесь приведу справедливое мнение А.Р. Палея: «Для нас, однако же, ясно, что «Кара-Бугаз», «Судьба Шарля Лонсевиля» и «Колхида» — блестящие образцы научно-художественного жанра»[512]. То есть это не классические приключения. Палей также писал, что в «Блистающих облаках» приключения «нагромождены в большом количестве, местами даже сумбурно»[513], а о героях говорил, что «таких людей в жизни не бывает»[514]. Таким образом, «Блистающие облака» сложно отнести к значимым работам приключенческого жанра.

Но вернемся к монографии Маттиаса Швартца. Когда речь заходит о творчестве Зуева-Ордынца, то Швартцу в первую очередь интересны его «азиатские» произведения — те же «Желтый тайфун» (1928), «Гул пустыни» (1930), «Клад хана-пастуха» (1930), «Клад Черной пустыни. Повесть о каракумской сере» (опубликована отдельным изданием в «Государственном научно-техническом горно-геологическом нефтяном издательстве» в 1933 г.), сборник очерков «Крушение экзотики (Узбекистан и Туркмения)» (вышел в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1933 г.) и др. Швартц акцентирует внимание на деэкзотизации Азии: «Зуев-Ордынец уже обращался к теме деэкзотизации южных районов Советского Союза в двух повестях, посвященных авантюрным событиям в индокитайском Сайгоне, *«Желтый тайфун»* (*Желтый тайфун, 1928*), и в досоветской Киргизии — *«Гул пустыни»* (*Гул пустыни*, 1930)»[515]. *(Перевод мой — С.Н.)* Но ни о какой деэкзотизации ни в «Желтом тайфуне», ни в «Гуле пустыни» речи не идет! В той же повести «Гул пустыни» Зуев-Ордынец описывает Центральную Азию без свойственной западным писателям «клюквы», однако сохраняет ее поразительный колорит, и пусть главный герой мечтает о новом укладе жизни местного населения, это все-таки остаются только мечты. Можно

[512] Палей А.Р. Мастер научно-художественного жанра (О творчестве К. Паустовского) // Новый мир. 1936. Кн. 11 (нояб.). С. 297.
[513] Там же. С. 294.
[514] Там же. С. 295.
[515] Schwartz M. Die Austreibung der Exotik — Paustovskijs und Zuev-Ordynec' Poetisierungen der Wüste // Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. P. 326.

сказать, что у Зуева-Ордынца есть как приключенческие тексты с реалистичным изображением местной экзотики, так и работы, в которых Азия как раз деэкзотизируется, к примеру, в сборнике очерков «Крушение экзотики (Узбекистан и Туркмения)», не имеющим отношения к приключенческому жанру, но оказавшимся особо интересным Швартцу.

Говоря о Зуеве-Ордынце, Швартц утверждает: «Только с культурно-политическим поворотом в начале 1930-х годов он неизбежно распрощался с авантюрным жанром <...> Даже подзаголовок *«Клада Черной пустыни»* (*Клад Черной Пустыни*, 1933) «Повесть о Кара-Кумской сере» (*Повесть о Кара-Кумской сере*) предполагает этот сдвиг в перспективе: не таинственные и опасные приключения тема истории, как можно было бы предположить из основного названия, а строительство серного завода посреди кажущейся пустоши»[516]. *(Перевод мой — С.Н.)* С этим мнением тоже нельзя полностью согласиться, так как Зуев-Ордынец и до публикации «Клада Черной пустыни» временами выступал в других жанрах — к примеру, выпустил уже упоминавшуюся ранее книгу «Каменный пояс», да и в 1930-е гг., невзирая ни на что, продолжал писать историко-приключенческую прозу — так, в журнале «Вокруг света» №№2 и 3 за 1937 г. издал повесть «Царский куриоз» (о путешествии Ганнибала в Петербург). Однако в те годы так и не вышло из-под его пера ни одного произведения, равного «Злой земле», «Сказанию о граде Ново-Китежу» и «Гулу пустыни». Но в начале апреля 1937 года он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, оказался в тюрьме, в связи с чем, действительно, надолго замолчал.

Зуев-Ордынец был освобожден 21 июня 1950 г., реабилитирован в 1956 году. С 1950-х гг. вновь начали публиковаться его произведения, в печати появились его новые рассказы, статьи и очерки, были переизданы многие старые работы (зачастую в новой редакции), в журнале «Сибирские огни» №6 за 1957 год вышла его новая большая повесть о целине в Казахстане «Вторая весна», позже неоднократно печатавшаяся отдельным изданием. Его даже наградили: в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1956

[516] Там же. С. 326.

года, ему вручили 16 ноября 1964 г. медаль «За освоение целинных земель» (архивные копии документов, полученных в дар от городского архива Карагандинской области, представлены на сайте Карагандинской областной универсальной научной библиотеки[517]).

В эти годы Зуев-Ордынец ведет активную переписку. З.С. Мерц указывает в статье «Трагические уроки истории (по материалам биографии М.Е. Зуева-Ордынца из фонда Дома-музея П. Васильева)»: «Нельзя не отметить эпистолярное наследие М. Зуева-Ордынца. Карагандинский архив содержит в общей сложности более 600 писем разных лет. Он переписывался с Н. Ановым, другом юности; Ф. Моргуном, бывшим в то время секретарем правления СП Казахстана; поэтами С. Марковым и Н. Пичугиным; редактором издательства «Жазушы» У. Канахиным. Из Ленинграда ему писали О. Берггольц, П. Капица, из Москвы — Е. Вялова…»[518]

Писатель скончался 23 декабря 1967 года в Караганде. После его смерти были выпущены еще несколько его работ, в том числе в газете «Индустриальная Караганда» за 18 и 25 сентября 1988 г. вышла его автобиографичная повесть «Личное дело №179888», затем неоднократно переиздававшаяся под названием «Дело №179888». Его имя получила одна из улиц в Караганде.

Владимир Порудоминский в 1961 году в очерке «Весна продолжается» пришел к следующему выводу: «Секрет молодости рассказов и повестей Зуева-Ордынца во многом объясняется душевной молодостью его героев. Писателя всегда интересует поведение человека и ход его мыслей на сложном и опасном повороте жизни. Видимо, поэтому в его творчестве приключение и подвиг живут рядом. Положительный герой Зуева-Ордынца побеждает трудности, мужает и формируется в борьбе с ними»[519]. Но, как показано выше, главные герои Михаила Зуева-Ордынца далеко не всегда положительные, в его произведениях 1920 —

---

[517] Архивные копии документов о М.Е. Зуеве-Ордынце // Карагандинская областная универсальная научная библиотека. [Электронный ресурс] URL: https://old-site.karlib.kz/zuev_ordynec_arhiv.htm (дата обращения: 14.04.2023).

[518] Мерц З.С. Трагические уроки истории (по материалам биографии М.Е. Зуева-Ордынца из фонда Дома-музея П. Васильева) // Виктор Астафьев и духовное возрождение России: материалы Международной научно-практической конференции (Омск, 29-30 ноября 2011 г.) / отв. ред. В.И. Хомяков. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. С. 54.

[519] Порудоминский В. Весна продолжается // Искатель. 1961. №2. С. 143.

начала 1930-х годов это порой сложные личности, чьи поступки иногда даже вызывают омерзение, неприязнь, негодование. Похоже, именно эти нетипичные персонажи объясняют мимолетность его популярности. Все-таки позже массовый читатель стал выбирать приключенческую прозу, где герои всегда остаются настоящими положительными героями, а негодяи — негодяями. Также не близка оказалась массовому читателю более позднего времени его доходящая до крайности ненависть к царизму, царским порядкам, царской армии, красной нитью проходящая в его ранних произведениях. Судя по всему, как раз этим мировоззрением объясняется тот факт, что сейчас обычно переиздают массовыми тиражами поздние редакции его книг, где всё более однозначно, а малыми, исключительно для коллекционеров и литературоведов — первые.

3.2. Утопическая тема в романе «Государство Солнца» Н. Смирнова

Николай Григорьевич Смирнов родился 3 (15) марта 1890 года, окончил юридический факультет Московского университета, с 1911 г. выступал в роли драматурга. Вместе с художницами Галиной и Ольгой Чичаговыми выпустил ряд детских книг: «Ахмет в Москве» (изд. «Молодая гвардия», 1927), «Далеко да близко» (изд. «Молодая гвардия», 1927) и др. Надежда Крупская так отозвалась о «Далеко да близко»: «Задумано хорошо — дать ребятам представление о быстроте различных способов сношения, но фабула неудачна. Берутся какие-то богатые дети, к услугам которых все способы сношений, которые могут давать телеграммы о том, чтобы скорее высылали те или иные игрушки. Фантастический магазин, который проявляет необычайную услужливость»[520].

В 1920-х годах вышло немало книг о настоящих путешественниках, исследователях, первопроходцах, до сих пор пользуются любовью читателей те же «Капитан Джемс Кук» (1927) и «Навстречу гибели: Повесть о плавании и смерти капитана Ла-Перуза» (1929) Николая Чуковского. В 1928 г. и Смирнов

[520] Крупская Н.К. Отзыв на книги для детей // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962. Т.10: Рецензии, отзывы, замечания. С. 229.

обратился к историко-приключенческому жанру, выпустив в «Государственном издательстве» книгу «Государство Солнца (Записки Леонида Полозьева)», которая привлекла к себе внимание как простых читателей, так и критиков. Сергей Обручев опубликовал на нее рецензию в журнале «Печать и революция» книга шестая за 1928 год. В целом хваля произведение Смирнова, которое всем «требованиям удовлетворяет», он отметил и имеющиеся недостатки, указывая страницы из издания «Государства Солнца» 1928 г.: «Критику всегда лестно отметить ошибки и ляпсусы, — но здесь их очень мало. Несколько зоологических, напр. охота на лебедя в декабре на Камчатке (стр. 63) или лемуры Мадагаскара (стр. 368), называемые обезьянами (вместо полуобезьян); незнание языков северо-востока Сибири, напр. указывается, что по-якутски олень — «орон» (стр. 12), в то время как это тунгусское слово; медведь «оюр-тайон» (лесной господин) (стр. 43) — не по-коряцки, а по-якутски»[521].

И. Рахтанов в 1937 г. издал статью, посвященную «Государству Солнца» Смирнова, в ней он отмечал: «Государство Солнца» — одна из немногих книг, у которой все данные, чтобы стать столь же любимой, как «Остров сокровищ», и переиздавать ее следует поэтому возможно чаще и возможно лучше»[522]. Уже в 2021 году Ирина Николаевна Арзамасцева в статье «Детская литература в первые десятилетия советского периода» говорит: «Среди «мальчишеских» повестей выделяется историческая, авантюрно-приключенческая повесть «Государство солнца. Записки Леонида Полозьева» Николая Смирнова»[523].

Смирнов взял за основу странствия реального исторического лица — Морица Августа Бенёвского (1746-1786), выведенного в романе под именем Морис-Август Беспойск. Отмечу, что его фамилия транслитерировалась на русский не только как Бенёвский, но и как Бениовский, Беньовский, Беньёвский и Бенёвски. При этом Смирнов описывает не всю его биографию, от рождения до

---

[521] Обручев С. [Рец. на «Государство Солнца» Н.Г. Смирнова] // Печать и революция. 1928. Кн. 6. С. 214-215.

[522] Рахтанов И. «Государство Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») // Детская литература. 1937. №12. С. 15.

[523] Арзамасцева И.Н. Детская литература в первые десятилетия советского периода / 37-й Всемирный конгресс Международного совета по детской книге (IBBY). 2021. [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20221201225730/https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletiya-sovetskogo-perioda (дата обращения: 12.06.2024).

смерти, а только последние шестнадцать лет жизни, история начинается в 1770 году. Сюжет закручивается вокруг, как отмечает писатель Владимир Фалеев, «отважного практика-утописта Августа Беньовского, который в конце XVIII века, начитавшись «Утопии» Томаса Мора (1478-1535) и «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы (1568-1639), попытался на Мадагаскаре воплотить утопическую идею в жизнь, основав государство равных — город Солнца (город Здоровья)»[524].

В действительности Бенёвский скорее опирался на другой труд. Как указывает В. Мароши, в то время были хорошо известны «компиляции капеллана Рихарда Уолтера (в тогдашней транскрипции — Вальтера) по материалам записок знаменитого английского адмирала Джорджа Ансона, совершившего в 1740-1744 гг. кругосветное путешествие для грабежа испанских владений в Тихом океане. <...> о наличии книги русского (или французского) перевода Ансона с вложенными туда «ландкартами» в Большерецком остроге сообщают разные свидетели, она фигурирует даже в следственном деле как любимая книга одного из самых активных соратников Беневского — бывшего лейб-гвардии поручика Петра Алексеевича Хрущова»[525].

Вообще, о Бенёвском написано немало работ как художественных, так и научных, они появляются до сих пор, очень уж колоритная была фигура, человек, многое испытавший и повидавший. В «Зове дальних морей» А.Б. Давидсона и В.А. Макрушина говорится: «Бениовский все тридцать лет своей взрослой жизни провел в вольных и невольных путешествиях. Он преодолел не меньшие пространства на суше и на море, чем каждый из великих путешественников еще более отдаленного прошлого»[526]. Но «Бениовский стремился не к чудесным необитаемым островам, куда Петр Хрущов готовил побег девять лет, не к дивной природе. К людям рвался. Стук копыт, боевые кличи, новые битвы... И создание своего государства хоть на краю света»[527]. И далее: «Больше всего писали и

---

[524] Фалеев В. Утопия или антиутопия? [Послесловие] // Смирнов Н. Джек Восьмеркин американец. М.: Правда, 1990. С. 469.
[525] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 813-814.
[526] Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 191.
[527] Там же. С. 191.

пишут о нем в Польше, Венгрии и Словакии — странах, где Бениовского считают своим земляком. Еще в 1792 году, буквально сразу же после выхода воспоминаний Бениовского, венгерский писатель и поэт Йожеф Гвадани вывел его и его спутников в своей поэме о простом венгерском солдате Пале Ронто. Бениовский показан в Киеве, Казани, Петербурге, в Сибири, на Камчатке. А некоторые из русских ссыльных на Камчатке названы республиканцами»[528].

Разные авторы по-своему представляли авантюриста Бенёвского. В. Мароши в статье «В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники» подчеркивает: «Русские источники с первой трети XIX в. изображают Беневского не библейским Моисеем, который вывел своих спутников из пустынь Камчатки и океана в цивилизованную Европу, а демоническим соблазнителем, использовавшим простодушных русских как сообщников мятежа и побега»[529]. Среди авторов, которых Мароши приводит в пример, есть В.Н. Берх. И действительно, в работе «Побег графа Беньевского с Камчатки во Францию» Василия Николаевича Берха (1781-1834/1835), историка флота, вышедшей в 1821 году, говорится: «Время уже объяснить средство, которое употребили Беньевский и Хрущев склонить в свою пользу такое большое число людей. Они уверили всех, что недалеко от Камчатки лежит остров, изобилующий золотом до такой степени, что легко нагрузить оным весь корабль»[530]. Мароши отмечает: «В советское время фигура «борца за свободу» была переоценена радикальным образом, а сам Беневский, так и оставшись авантюристом, превратился в поклонника утопии Т. Кампанеллы в романе Н. Смирнова. Колониально-утопический вектор намерений Беневского Смирнов своей художественной интуицией уловил довольно точно, хотя объяснялись они отнюдь не чтением Кампанеллы»[531]. Мароши констатирует: «Тем не менее, его возвращение на остров в 1785 г. и смерть в сражении с французами доказывают,

---

[528] Там же. С. 193.
[529] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 809.
[530] Берх В. Н. Побег графа Беньевского с Камчатки во Францию (начало) // Сын Отечества. 1821. №27. С. 16.
[531] Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 809-810.

что создание колонии на острове с благоприятной природной средой и дружелюбным населением на основе принципов разума и взаимной выгоды колонистов и аборигенов продолжало быть особенно значимым для него»[532].

У Смирнова Беневский характеризуется так: «...он был удивительный человек по части уменья командовать людьми, убеждать их, воодушевлять на подвиги»[533]. При этом нельзя не согласиться с мнением Якова Света, который писал, что фигура Беневского «не заслоняет персонажей второго плана. Все они отлично выписаны — это живые люди с живыми страстями, и, что особенно важно, они очень «восемнадцативечны», а подобная черта чрезвычайно ценна в историческом романе»[534].

Важно подчеркнуть, что при всем изобилии литературы о Бенёвском труд Смирнова за счет своего высокого литературного уровня и верной передачи реалий вызвал интерес на Западе: так, он был издан на словацком в переводе Ольги Багиновой в 1982 г. и дважды выходил на чешском, в 1937 г. в переводе Богумила Корецкого и в 1976 г. в переводе Ольги Птачковой-Махачковой.

Чтобы читателю было проще погрузиться в далекую от него эпоху, в XVIII век, Смирнов сделал главным героем не самого Беспойска (Бенёвского), а простого мальчишку, Лёнку Полозьева, родившегося в 1756 году, свободного человека, сына ссыльного кузнеца и камчадалки, умершей, когда ребенку было два года. Через призму его восприятия читатель следит за разворачивающимися событиями. Упоминавшийся выше Рахтанов пишет о романе: «Книга Смирнова отличается от большинства книг о Бениовском именно тем, что написал ее как будто Гекльберри Финн. Она юношеская прежде всего. И от этого многие качества в ней. От этого же и самое разительное, самое бросающееся в глаза отличие — отсутствие любовного мотива»[535]. Также Рахтанов указывает: «Книга Смирнова замечательна еще и необычным правильным отношением автора к

---

[532] Там же. С. 822.
[533] Цит. по изд.: Смирнов Н.Г. Государство Солнца. М., Л.: ЦК ВЛКСМ Издательство детской литературы, 1936. С. 306.
[534] Свет Я. О «Государстве Солнца» и авторе этой книги: [Предисловие] // Смирнов Н. Государство Солнца. М.: Детская литература, 1972. С. 6.
[535] Рахтанов И. «Государство Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») // Детская литература. 1937. №12. С. 12.

изображаемой эпохе. В нашей исторической литературе установились ирония и высокомерное отношение потомков к пращурам. Потомки всегда умнее — они все знают о прошлом, а пращуры вперед ничего не знают о будущем. И страшно, когда авторы относятся к событиям, описываемым им в книге, с точки зрения такого умного потомка. У Смирнова нет ни пращуров, ни потомков — у него современники, и, несмотря на это, а может быть и благодаря этому, книга его не стилизация, как не стилизация «Остров сокровищ» Стивенсона. Кстати, с этой книгой у «Государства Солнца» много общих черт. Обе ведутся от лица одного и того же детского читателя, Гекльберри Финна, как бы он ни назывался — Джимом Гокинсом или Ленькой Полозьевым. Возможно поэтому ни в одной из них нет вовсе фальши»[536].

Роман состоит из трех частей: «Большерецкий побег», «Камчатка — Париж», «Государство Солнца».

В первой части «Большерецкий побег» описывается жизнь на Камчатке, то, как местный люд воспринял прибытие Беспойска, как быстро последний сумел завоевать уважение в их среде. При непосредственном участии Беспойска появляется даже школа, которую посещает и Полозьев со своим другом Ванькой Устюжиновым. Автор повествует, каких трудностей мальчикам стоит раздобыть тетрадки: чтобы получить их, они вынуждены пойти на охоту на соболя.

Именно от Беспойска Лёнька, как и прочие жители Камчатки, слышит о Государстве Солнца, утопическом крае, где царит изобилие и справедливость: «За Китаем и Японией, недалеко от Индии, есть большой круглый остров, под названием Тапробана. Остров этот населен обыкновенными людьми, но живут они особым образом: среди них нет ни бедных, ни богатых. Все равны на Тапробане, и пищу там готовят в кухнях прямо на всех, и все едят вместе доотвалу, на золотой посуде. За обедом играет веселая музыка, а после обеда устраиваются игры и пенье. Люди живут там дружно, в огромном городе, где улицы длинны и чисты, а дома сложены из белого камня. Никогда никаких ссор не бывает на Тапробане, и даже ругательных слов нет в этой стране. Труд там

[536] Там же. С. 13.

легок и скорее похож на игру. Оно и понятно: за всех людей на Тапробане работает солнце. <…> Каждый, кому плохо живется на земле, может явиться в Государство Солнца»[537].

Не удивительно, что многих из местных охватывает желание сбежать из холодного, сурового края в теплые, благодатные земли. Да, не только Лёнька верит Беспойску, взрослые тоже верят ему, так как хотят верить в то, что где-то на Земле есть справедливая страна, в которой они смогут начать всё с начала.

Образ Лёньки удался автору. Это любознательный мальчишка, жаждущий увидеть всё своими глазами. О многом ему поведал камчадал Паранчин, родственник матери, но с годами Лёнька перестал верить в его россказни. «Так, Паранчин утверждал, что зимой по горам разъезжает карлик Пихляч в санках, запряженных белыми куропатками. Если наступишь на его след, заблудишься, замерзнешь, непременно пропадешь. Если же ударишь по следу ивовым прутиком, то Пихляч сейчас же явится и притащит чернобурую лисицу. Однако, ничего похожего никогда не случилось»[538]. Лёнька всей душой стремится в Государство Солнца.

Ссыльные под руководством Беспойска поднимают бунт, в ходе которого погибает отец Лёньки. И мальчик осознает, что дорога к заветной цели отнюдь не так легка, как ему представлялось, что она лежит через кровь и смерть. В какой-то момент он даже готов расправиться с приятелем, заподозрив, что тот предатель. К счастью, это оказывается не так. «Я думал: не сладок путь в Государство Солнца. Должно быть, хорошо живется там, если так трудно туда пробраться. Надо убить друга, бросить дом и сколько еще несчастий претерпеть, чтоб коснуться ногой берега Тапробаны»[539].

У Беспойска и его сторонников получается захватить корабль «Пётр», на котором они и отправляются в Государство Солнца. Впрочем, в начале второй части «Камчатка — Париж» Беспойск сообщает всем, что в действительности

---

[537] Цит. по изд.: Смирнов Н.Г. Государство Солнца. М., Л.: ЦК ВЛКСМ Издательство детской литературы, 1936. С. 37-38.
[538] Там же. С. 10.
[539] Там же. С. 74.

никакого Государства Солнца нет, что это всё выдумка. Конечно, это открытие не может не потрясти простых людей, не сказаться на их мировоззрении, включая Лёньку: «Мое отчаяние было так сильно, что я долго не мог притти в себя. Лежал ничком на палубе и думал о том, что теперь смерть моего отца не имеет никакого оправдания. Государства Солнца нет! Звезда моей жизни погасла!»[540]

Но как раз Лёньке хочется думать, что заветная справедливая страна все-таки есть; он не желает признавать, что это не так. Будучи юным идеалистом, он жаждет верить в то, что где-то в мире существует сказочное Государство Солнца. Не дают ему отказаться от этого убеждения и найденная на борту судна книга на французском языке о Государстве Солнца, и увиденная в Японии, куда они зашли во время плавания, старая карта, на которой он находит остров Тапробана.

Во время морского путешествия герои выдерживают тяжелые испытания — бурю, жажду, волнения в своей среде, стычку с чужаками и т.д., но эти испытания описываются без натуралистичных подробностей, характерных, допустим, для прозы В.Г. Тана-Богораза. Как раз в ходе морской стычки (настоящим сражением ее назвать сложно) корабль получает пробоину, и вскоре герои вынуждены его бросить. Но до этого они успевают получить разрешение от чернокожего принца Хюапо на устройство на Формозе (ныне — Тайвань) колонии.

Мечты о Тапробане, Государстве Солнца поддерживают Лёньку, не дают ему сдаться и предпочесть более легкий путь, к примеру, осесть на найденном ими незаселенном острове или той же Формозе. Но постепенно мировоззрение Лёньки всё больше меняется, и вот после очередного разговора с Беспойском он осознает, что утопичного государства нет на карте мира, однако его можно создать! И Беспойск берется за эту задачу: «Мы создадим не колонию только, а само Государство Солнца. <…> Мы запряжем солнце, заставим его работать по нашей указке. Ты видел черных? Они бедны и забиты. Но мы объединим их, просветим, научим ремеслам и искусствам. Сейчас они бедны потому только, что необразованны. Ведь у них солнце под руками, солнце, неисчерпаемый источник энергии. Европа не может уже жить без кофе, чайного листа, шоколада и

[540] Там же. С. 122.

пряностей. За все это мы получим из Европы товары. Даю тебе слово, наше государство явится примером для всего мира. Весь тропический пояс покроется сетью таких государств, и все они потом сольются воедино. И черные люди, которые дики теперь, не будут бросать в нас стрелы, как в Панова, а благословят нас. Всем хочется жить богато — и черным и белым. Мы займемся черными...»[541]

Беспойск и его соратники перебираются из Макао, до которого они все-таки сумели доплыть на своем пострадавшем корабле, в качестве пассажиров на двух судах «Дофин» и «Ливерди» во Францию, где надеются получить поддержку властей на создание европейской колонии на Формозе. Лёнька думает: «Я не знал тогда, что за ошибки умных людей приходится расплачиваться дороже, чем за ошибки глупцов»[542].

Беспойск берет постепенно взрослеющего Лёньку с собой в Париж, где многое его поражает. И там происходит весьма примечательный диалог:

«— Уж не Государство ли Солнца это? — спросил я шутя.

— Нет, — сказал Беспойск. — Ты видел, сколько нищих в стране? Впрочем, это не мешало покойному французскому королю звать себя король-солнце»[543].

Каково же его, Лёньки, удивление, когда в ходе переговоров с морским министром Франции, на коих он присутствует, он слышит, что им предлагают основать колонию не на Формозе, а на Мадагаскаре, который якобы когда-то именовался Тапробаной! Между прочим, исследователи зачастую отожествляют остров Тапробана не с Мадагаскаром. К примеру, в статье С.К. Булича в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона говорится, что Тапробана — «древнее имя о-ва Цейлона»[544], а исследователь Дхани Ирванто доказывает, что это не Цейлон и даже не Суматра, а Борнео (Калимантан)[545].

---

[541] Там же. С. 194-195.
[542] Там же. С. 198.
[543] Там же. С. 201-202.
[544] Б-ч С. [Булич С.К.]. Тапробана // Энциклопедический словарь. СПб.: Типография Акционерного Общества «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. Т. XXXIIa: Тай-Термиты. С. 616.
[545] Irwanto D. Taprobana is not Sri Lanka nor Sumatera, but Kalimantan // Atlantis in the Java sea. A scientific eddort to math Plato's narrative location for Atlantis. [Электронный ресурс] URL: https://atlantisjavasea.com/2015/09/26/taprobana-is-not-sri-lanka-nor-sumatera-but-kalimantan (дата обращения: 07.03.2024).

В третьей части «Государства Солнца» герои отправляются строить утопию на Мадагаскар! Но перед тем, как начать создавать Государство Солнца, им нужно основать французскую колонию, занимающуюся в первую очередь торговлей, а сделать это не так-то просто. Они мучаются от лихорадки, налаживают отношения с туземцами, поначалу отнесшимися к ним враждебно, а также справляются с кознями властей соседнего острова Иль-де-Франс (ныне — Маврикия), которым невыгодна процветающая колония на Мадагаскаре. Лёнька, которому уже исполняется девятнадцать лет, продолжает мечтать о справедливом государстве: «Я часто думал, что если мы не создали Государства Солнца, то все же жизнь наша и деятельность на острове не проходят бесследно. Многое было сделано, и впереди были еще годы работы. Однако, от этой мысли я не чувствовал себя счастливым»[546].

Но вот туземцы выбирают Беспойска верховным правителем. Принимая эту должность, он говорит: «...вы должны все соединиться в одно государство»[547]. Вскоре Лёнька предлагает Беспойску, занятому сочинением новых законов, воспользоваться имеющейся у него книгой «Государство Солнца», и тот отвечает: «...давай сюда твою книгу. Сейчас я вспомнил, что обещал тебе когда-то назвать наше государство Государством Солнца»[548].

Беспойск оглашает новые законы, оставляет соратникам и туземцам составленный им план действий, а сам отбывает в Европу, чтобы найти мастеровых, материалы и прочее для воплощения своей грандиозной задумки.

Беспойск отсутствует несколько лет, за которые многие из его соратников разочаровываются в его затее, и даже Лёнька, пытающийся поддерживать веру в их дело Ваньки, рассуждает: «Мы ближе познакомились с бытом мальгашей, с их беспечностью, нечистоплотностью и жестокостью. Все больше и больше казалось, что Беспойск взял на себя непосильную задачу, задумав превратить этих полудикарей в граждан Государства Солнца. Мы переставали верить в чудо, на

[546] Цит. по изд.: Смирнов Н.Г. Государство Солнца. М., Л.: ЦК ВЛКСМ Издательство детской литературы, 1936. С. 270.
[547] Там же. С. 281.
[548] Там же. С. 285.

которое прежде рассчитывали»[549]. Наконец, возвращается Беспойск, заручившись поддержкой в Балтиморе. Он видит, что разработанный им план действий не был осуществлен туземцами, но не сдается. Для начала он решает вышвырнуть французов с Мадагаскара. В ходе сражения случайная пуля обрывает жизнь этого невероятно деятельного человека, которому так и не удалось воплотить в реальность свои амбициозные планы.

Лёнька вновь приезжает во Францию, и здесь, на последних страницах, называется настоящее имя великого авантюриста: «В Париже мне пришлось быть свидетелем великих событий. На моих глазах слетела с плеч голова короля Людовика XVI <…> Но прежде чем упала эта голова, в Париже, у издателя Бюиссона, вышли из печати воспоминания Августа Бениовского»[550].

В финале завершается эволюция мировоззрения Лёньки Полозьева. Нет, он остается всё таким же преданным, честным и готовым помочь близким человеком, изменение претерпевают его взгляды на возможность создания утопического государства, он осознает, что эта красивая, благородная идея была обречена на провал: «“Зови меня дураком”, — сказал Беспойск, умирая. Но будь у него хоть семь пядей во лбу, он не смог бы осилить того дела, за которое взялся! Мы слишком рано приехали на Мадагаскар»[551].

Владимир Фалеев в статье «Утопия или антиутопия?» пишет: «Неудача с устройством государства по утопическому чертежу объясняется в повести не тем, что идея была иллюзорна, а тем, что герой с единомышленниками поторопился со своим энтузиазмом. Впрочем, это мнение высказывает Ленька Полозьев; сам же писатель Николай Григорьевич Смирнов мягко усмехается. «Государство Солнца» можно назвать повестью о кризисе несбыточных иллюзий и фантастических представлений смельчаков-утопистов, которые взялись не только в корне перестроить общежитие мальгашей, но и просветлить им головы»[552].

---

[549] Там же. С. 293.
[550] Там же. С. 306.
[551] Там же. С. 306.
[552] Фалеев В. Утопия или антиутопия? [Послесловие] // Смирнов Н. Джек Восьмеркин американец. М.: Правда, 1990. С. 470.

В «Государстве Солнца» Николая Смирнова, как уже отмечалось выше, использован хорошо известный в литературе прием: чтобы читателю было легче воспринимать иную эпоху, главным героем сделан подросток. И прием сработал, книга пользовалась популярностью среди юношества в конце 1920-х — 1930-х гг., это подтверждает хотя бы тот факт, что Л. Чупырина в статье «Детские кружки, работающие с книгой» приводит протокол одного из таких литературных кружков «от 3/II 1929 г. На повестке дня: Разбор «Государство солнца» Н. Смирнова. Докладчик Московкин»[553].

Но что выделяет «Государство Солнца» Смирнова на фоне многих других произведений? Есть множество книг и об авантюристах, включая того же Бенёвского, и об исследователях, и о колонистах, к примеру, роман «Загадка “Мэйфлауэра”» (1920) Фрэнка Элиаса (1878-1949). Дело в том, что сверхзадачей в работе Смирнова является не просто исследование и основание колонии, а поиск и устройство именно утопического государства, Государства Солнца, по образцу, описанному в книге «Город Солнца» («Государство Солнца») Томмазо Кампанеллы (1568-1639), что весьма нетипично для серьезной, не пародийной историко-приключенческой литературы для юношества о реальных исторических личностях.

Пожалуй, такая книга могла появиться только в первые годы существования СССР, после революции и гражданской войны, тогда, когда люди искренне верили, что у них получится не просто найти страну счастья, а самостоятельно *построить* по-настоящему справедливое государство. «В эпоху строительства принципиального нового советского государства идея поиска и создания справедливой страны не могла не находить отражения в массовой литературе»[554]. В этом отношении интересна идеологическая перекличка между «Сказанием о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца, «Финикийским кораблем» В. Яна и «Государством Солнца» Н. Смирнова. Если в «Сказании…» Зуева-Ордынца герои разрушают дистопичное общество, в котором случайно оказываются, в

[553] Чупырина Л. Детские кружки, работающие с книгой // Красный библиотекарь. 1929. № 8-9 (10-11). С. 88.
[554] Неграш С.В. Пути развития русской приключенческой прозы 1918-1933 годов // Art Logos (Искусство слова). 2024. № 1 (26). С. 51.

«Финикийском корабле» Яна один из персонажей ищет страну справедливости и в финале думает, что однажды такая страна будет создана, то в «Государстве Солнца» Смирнова герои сначала опять же ищут страну справедливости, а затем, поняв, что ее нет, решают создать ее, в чем ярко проявляется их мировоззрение.

Из выпущенных Смирновым позже работ выделяются романы «Дневник шпиона» (изд. «Московский рабочий», 1929) и «Джек Восьмёркин американец» (первая редакция появилась в 1930 г. в «Государственном издательстве», вторая (окончательная) в 1933 в изд. «Молодая гвардия»). В. Шаламов рассказывал: «Знание дела, обнаруженное Смирновым, привело его неожиданно на Лубянку, где он в течение двух месяцев показывал — каким материалами он пользовался для своего «Дневника шпиона»; Смирнов владел английским языком, достал несколько мемуарных английских книг (в том числе воспоминания Сиднея Рейли, известного в Москве по заговору Локкарта), читал английские газеты. Когда все разъяснилось, Смирнова освободили»[555].

Что же касается романа «Джек Восьмёркин американец», то он затмил по популярности все остальные произведения Смирнова и даже был экранизирован в 1986 г. А.И. Роскин пишет в статье «Конец робинзонады»: «Автор «Записок шпиона» пришел в детскую литературу как изощренный и находчивый фабулист. У Смирнова фабула — не подрамник, на который вяло натягивается холст будущей картины. Он не примеривал фабулу к материалу. Смирнов изобретал фабулу — взрывчатую, способную определять материал»[556]. Ф. Звойдин, разбирая вторую редакцию книги, утверждает: «…в показе проявлений менявшейся тактики кулачества порою сильно сквозит пинкертоновщина, но несмотря на эту пинкертоновщину автор показал, что это тактика определенного слоя, тактика враждебного класса, тактика кулачества. <…> Занимательная приключенческая фабула на актуальнейшем материале перевоспитания деляги-индивидуалиста в труженика социалистического сельского хозяйства — одно из больших

[555] Шаламов В. Двадцатые годы // Варлам Шаламов. [Электронный ресурс] URL: https://shalamov.ru/library/30/ (дата обращения: 11.04.2022).
[556] Роскин А. Конец робинзонады. О «Джеке Восьмеркине» Н. Смирнова // Литературная газета. 1934. №82 (398) (28 июня). С. 2.

достоинств этой книги»[557]. Но роман «Джек Восьмёркин американец», как, кстати, и его же повесть «Приключения Пинчика Котмана» (изд. ОГИЗ, «Молодая гвардия», 1931), главный герой которой сначала хотел ехать в Америку, но в итоге стал работать на заводе, в отличие от «Государства Солнца», нельзя считать приключенческим, это скорее авантюрно-производственная проза для юношества.

Николай Григорьевич Смирнов умер от сыпного тифа 27 июня 1933 г., оставив ряд замечательных книг. Сложно не согласиться с И. Рахтанов, что «и «Дневник шпиона», и «Государство солнца», и «Джек Восьмеркин — Американец» — все это наш золотой фонд»[558]. Надо сказать, что оценку Рахтанова приключенческих произведений Смирнова разделял и советский литературовед Б.А. Бегак, «потому что сюжетное искусство, характерное для этих повестей, убедительность поступков их персонажей еще много лет назад показали возможности советской литературы для детей в этом трудом жанре. И еще потому, что, пройдя через насыщенные событиями годы, повести эти выглядят как написанные сегодня. Таково свойство истинного таланта»[559].

3.3. Колониальные взгляды «среднего» человека в романе «Ост-Индия» С. Шервинского

Сергей Васильевич Шервинский — сын знаменитого врача-эндокринолога В.Д. Шервинского. Родился 28 октября (9 ноября) 1892 г. в Москве, сначала обучался на дому, затем поступил в Поливановскую гимназию. К.В. Айвазян пишет: «Рано обозначившаяся склонность к литературе и гуманитарным наукам предопределили выбор С. Шервинским высшего учебного заведения: он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который и окончил в 1916 г. по специальности романо-германской филологии (романская секция). Параллельно слушал лекции и участвовал в семинарах по теории и

[557] Звойдин Ф. Приключенческая повесть на актуальном материале (Смирнов Н. «Джек Восьмёркин американец») // Детская и юношеская литература. 1933. №8. С. 6.
[558] Рахтанов И.А. «Свежатина», «крупнятина» // Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. М.: Советский писатель, 1969. С. 99.
[559] Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети. М.: Детская литература, 1985. С. 63.

истории искусства»[560]. За работу «Архитектура соборов Московского Кремля» (1914) получил премию им. Буслаева. Позже Шервинский трудился в Музее изящных искусств (в настоящее время Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), читал лекции по истории искусств в Высшем Техническом училище и других заведениях. К.В. Айвазян отмечает: «Занятия поэзией и стиховедением легли в основу интереса к художественному чтению, которому С. Шервинский посвятил немало времени и труда. Целый ряд лет он работал как преподаватель и режиссер художественного чтения»[561]. Написал диссертацию «Ритм и смысл. К изучению поэтики Пушкина» (издана в 1961 г. «Академией наук СССР. Отделением литературы и языка»).

Шервинский хорошо известен как поэт, переводчик и искусствовед, но мало кто обращает внимание на еще одну грань его творчества, а именно — на роман «Ост-Индия», в лучшем случае его упоминают вскользь. К примеру, В. Левик, рассуждая о его работах, отмечал, что «познания его» в истории искусств были «так велики, как будто перед нами профессиональный живописец»[562]. Евгений Евтушенко написал о Шервинском работу «Приблизившийся к девяноста девяти»[563], а также посвятил ему стихотворение «Как удалось ему себя спасти…», в котором сказал о Шервинском, что «в подлости не превращал он страхи»[564].

Шервинский был знаком и дружил со многими писателями и поэтами, что не могло не сказаться на его личности. Среди них был и Валерий Брюсов, позвавший его в 1915 г. работать над антологией «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (издание Московского армянского комитета, 1916). Интересно одно из воспоминаний Шервинского о Брюсове. В Москве в 1909 г. должно было состояться открытие памятника Н.В. Гоголю, приехали деятели науки и культуры. По этому случаю прошло мероприятие в Большом зале

---

[560] Айвазян К.В. О некоторых русских поэтах-переводчиках «Поэзии Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван: Издательство «Айастан», 1968. С. 273.
[561] Там же. С. 274.
[562] Левик В. О поэте-переводчике Сергее Васильевиче Шервинском // Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / пер. с латин. С.В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1983. С. 506.
[563] Евтушенко Е. Приблизившийся к девяноста девяти // Поэт в России — больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии. Антология: в 5 т. / сост. Е. Евтушенко. М.: Русскій міръ, 2015. Т.4. С. 314-316.
[564] Евтушенко Е. «Как удалось ему себя спасти…» // Поэт в России — больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии. Антология: в 5 т. / сост. Е. Евтушенко. М.: Русскій міръ, 2015. Т.4. С. 316.

консерватории. Выступал и Брюсов. Шервинский пишет: «То была его известная речь, где характер Гоголя обнажился с необщепринятой откровенностью. Публика вскоре уловила этот непривычный тон, усмотрела в нем неуважение к любимому писателю — и вот уже Брюсов вынужден прервать доклад, в зале шторм. Брюсов стоит так же бесстрастно и гордо — пережидает, когда же затихнет свист, топот, крик. Будь то в Италии, не обошлось бы без тухлых апельсинов. Подозреваю, что этот эффект тогда был приятен Брюсову. Он был освистан, как дерзкий новатор, как противник косности <...> Свистел и я. Свистел от всей возмутившейся души и ногами топал. Думал ли я тогда, что освистываю того самого человека, которому буду столь многим обязан впоследствии, с кем меня вскоре свяжет уверенная, хотя и не интимная дружба?»[565]

Эмма Герштейн рассказывала: «Ахматова дружила с Шервинским, но для Мандельштама поэты и деятели искусств подобного склада были противопоказаны. Так как я слышала много восторженных отзывов о Шервинском от его учеников, в частности от моей подруги Лены, от артистов-чтецов, студентов ГИТИСа, от переводчиков, я спросила Осипа Эмильевича, как он относится к нему. “Молодой человек с Пречистенки, — равнодушно ответил Мандельштам, имея в виду поколение, вышедшее из семейств московской высшей академической среды, — он таким и остался”»[566].

В 1933 г. в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ), за год до Первого Всесоюзного съезда советских писателей вышел историко-приключенческий роман «Ост-Индия» Сергея Шервинского.

Роман «Ост-Индия» отнюдь не детский и не подростковый, это взрослая, «злая» проза, в которой показаны ужасы западной колониальной политики. Из-за его высокого литературного уровня и нетипичности для советской литературы роман прошел практически незамеченным, его не хвалили, но и не громили. При этом в 1934 г. Шервинского приняли в только что основанный Союз писателей СССР, что уже говорит о многом. Между прочим, в 1930-х гг. роман намеривался

[565] Шервинский С.В. Ранние встречи с Валерием Брюсовым // Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания / сост. Е.С. Дружинина. Томск: Издательство «Водолей», 1997. С. 81-82.
[566] Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 52.

перевести на армянский язык Егише Чаренц (1897-1937), классик армянской литературы, вот как об этом пишет Шервинский: «Наша встреча с Чаренцем сразу же приняла дружественный характер. При первых же рукопожатиях он заговорил со мной о недавно вышедшем моем романе «Ост-Индия». Читал он его, естественно, на русском, которым отлично владел и это очень облегчало наше общение. Он сказал, что хочет перевести роман на армянский. Этот проект не осуществился по страшной причине — Чаренц подвергся репрессиям, был заключен в тюрьму и погиб не дождавшись свободы»[567].

К счастью, роман не затерялся в архивах. Вадим Перельмутер вспоминал, как зимой 1973 года купил у букиниста «Ост-Индию» С. Шервинского, с которым был лично знаком. Как пишет Перельмутер, «роман оказался — не оторваться, и написан хорошо»[568]. Перельмутер рассказывал: «Через несколько лет — у того же, к слову, букиниста, в Камергерском, — выловил я второй экземпляр. Подарил Витковскому. А он как раз в ту пору общался с приехавшим поработать в московских архивах голландским русистом Яном Паулом Хинрихсом. И дал ему почитать. Яну Паулу роман понравился, а знание автором голландского языка и литературы поразило. Потому что, сказал он, в романе явно использованы мемуары некоего голландца XVII века, с него и главный герой написан. Мемуары те в последний раз издавались очень давно и на другие языки не переводились»[569]. Когда Перельмутер поведал про это Шервинскому, тот признался, что не знает ни одного слова на голландском языке, о той книге понятия не имеет и «пользовался совсем другой, французской, откуда взял кое-какой *материал*, остальное, включая главного персонажа, придумал»[570]. Здесь нельзя не сказать о том, что намного позже Шервинский перевел с латинского языка на русский «Поцелуи» Иоанна Секунда (Яна Эверартса, 1511-1536), один из шедевров латинской нидерландской поэзии; этот перевод был впервые опубликован издательством «Наука» в 1983 году.

---

[567] Шервинский С.В. Несколько часов с Чаренцем // Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания / сост. Е.С. Дружинина. Томск: Издательство «Водолей», 1997. С. 134-135.
[568] Перельмутер В. Фрагменты о Шервинском // Вопросы литературы. 2010. №1 (янв.-февр.). С. 180.
[569] Там же. С. 180.
[570] Там же. С. 180.

И как раз при непосредственном участии Евгения Витковского роман «Ост-Индия» дважды был переиздан, в 1991 г. издательством «Художественная литература» и в 2016 г. издательством «Престиж Бук». Витковский очень высоко ценил роман Шервинского и написал о нем статью «Свет малых голландцев» (первая ред. 1991 г.; вторая ред. подготовлена в 2015 г., издана в 2016 г.), ниже цитируемую по изданию 2016 года.

Сам Шервинский так говорил о своей книге: «Врожденная тяга к разным культурным мирам, к далеким морям и прибрежьям, а также основательное знание изобразительных искусств, в частности, голландской живописи, послужили основой моего романа «Ост-Индия», изданного в 30-х годах. Этот роман я намеренно не называю историческим: в нем нет исторических личностей и событий, а дана широкая картина быта, ограниченная восприятием главного героя книги, молодого, ничем не примечательного, «среднего» голландца эпохи. «Ост-Индия» — роман историко-бытовой, он закономерно включается в ряд произведений европейской прозы современной антиколониальной тем»[571]. Витковский в статье «Свет малых голландцев» утверждает: «Перед читателем — исторический роман. В самом строгом значении этих слов. Тем не менее в нем нет ни единого персонажа, взятого собственно из истории»[572]. И всё же нельзя согласиться с мнением, пусть и высказанным самим автором, что «Ост-Индия» — историко-бытовой роман. Конечно, это историческое произведением, более того, динамичный сюжет, странствия на море и на суше, схватки и прочие элементы служат маркерами не просто исторической прозы, а историко-приключенческой. То есть «Ост-Индия» — антиколониальный историко-приключенческий роман.

Роман состоит из четырех частей. В первой «Надежда купца» описывается морское путешествие, во второй «Рим Восточный» — жизнь на Гоа, в третьей «На индийских путях» — странствие по Индии и работа надсмотрщиком на алмазных

[571] Шервинский С.В. Образование и деятельность. Из автобиографии // Бессмертие. Из истории семьи Шервинских / авт.-сост. Е.С. Дружинина (Шервинская). М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2013. С..218.
[572] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338.

копях, в четвертой «Йост Поттер» — события в Батавии, хитроумная интрига, шантаж...

Йост Перк из Нейкерка, главный герой «Ост-Индии», — простой, маленький человек, каких было много в 1660-х годах (время действия романа), да и до этого периода и после. Не святой, но и не отъявленный негодяй. Живя в Амстердаме, он перебивается случайными заработками, наслаждаясь ласками своей ненаглядной продавщицы капусты Дортхен и мечтая о богатстве. Видя, как в город возвращаются моряки, сколотившие состояние в далеких странах, он сам подумывает о том, чтобы стать одним из них. Постепенно Йост утверждается в мысли отправиться в странствие. Окончательно его на этот шаг толкает тот факт, что дядя его возлюбленной превращается в большого человека в колониях и зовет ее к себе. Надеясь, что поплывет на том же корабле, что и она, он нанимается в Ост-Индскую компанию.

И вот уже Йост на корабле, причем отплывают сразу два судна, судьба разделяет его с возлюбленной, он находится на одном, на «Надежде купца», а она — на другом, на «Альционе», символически названном именем звезды в созвездии Тельца, ярчайшей в Плеядах. И здесь, в море, Шервинский начинает проводить своего героя через ряд испытаний, демонстрируя, как меняется его характер, мировоззрение, как с каждым днем он становится всё черствее.

На судне Йост слушает разговоры моряков, и это влияет на его нрав. Так, один из моряков повествует, как некий англичанин угодил в плен к чернокожим. Они хотели его съесть, но его спасла полюбившая его прелестная туземка, невзирая на то, что ей самой за это грозила смерть. И как же отблагодарил ее спасенный? Он продал ее за три фунта золотом купцу, плывшему на подобравшем их корабле! Возмущает ли это моряков? Нет, они спокойно воспринимают это, начинают обсуждать, такая ли цена на невольников, а один прямо заявляет: «А чего с ней, черномазой, стесняться!»[573] Всё это исподволь начинает приводить Йоста к мысли, что туземцы не люди, но он еще не привык к этому.

[573] Цит. по изд.: Шервинский С.В. Ост-Индия. М.: Престиж Бук, 2016. С. 46.

В пути Йост переживает не только бури, но и голод, и жажду, и скорбут. Шервинский во всех ужасных подробностях описывает, что происходит с человеком во время этой болезни: «У огромного Барента почернели и пальцы на ногах. Он лежал в высоком жару на гондеке, тяжко дыша, выставив голые ноги и еле шепча запекшимися лиловыми губами. У великана доставало мужества лечить свое гераклово тело. Он брал нож — тот самый, которым ел, — с трудом приподымался и резал пальцы ног. На пол вытекала липкая густая нездоровая кровь. Он надрезал также десны, чтобы облегчить и во рту напряжение крови. Однажды Йост видел, как с черной кровью выплюнул он выпавший из рыхлой десны зуб»[574]. Наблюдая всё это, Йост свыкается с чужими страданиями и смертью, но пока еще не становится безжалостным дельцом, способным на всё ради денег.

Там же, на корабле, он близко сходится с фан-Байереном, который показывает ему алмазы, говорит об их ценности и заручается преданностью Йоста, насколько это вообще возможно для последнего. Образ фан-Байерена, человека умного, начитанного, неоднозначен: с одной стороны, фан-Байерен чуть ли не искушает Йоста, а с другой — он правда хочет ему помочь остаться собой, понимая, что в Ост-Индии Йост всеми способами будет пытаться обогатиться. Фан-Байерен даже спасает его от высадки на необитаемый остров, к которой его приговаривают за похищение в приступе ревности в бурю из каюты офицеров Дортхен, прибывшую для развлечения на «Надежду купца».

Интересны рассуждения обожающего драгоценные камни фан-Байерена о страсти, ведь именно страстью, ведущей к нравственной деградации, буквально пропитана каждая страница романа: «Нет, страсть еще лучше сравнить с водой, которая заливает пустую луговину. Если в душе или в сердце, молодой человек, образовалась пустота, ее должна залить страсть. Иначе как жить?.. Ты сам видел, милый, как в Амстердаме люди губят себя в кутежах с красотками, которые обирают их и заражают. Страсть к женщинам полонит их до старых холодных лет, и крышка гроба открывается им как дверь в погреб... Крысы и жабы!.. А

[574] Там же. С.88.

другой мечет колоду за колодой... Есть страшные страсти, молодой человек <…> Но мне провидение даровало страсть тихую, великолепную, и... это уже до могилы. Я сомневаюсь, чтоб одинокий человек мог жить без страсти... Счастье ли она? Это вопрос другой»[575].

Во время очередной бури корабль гибнет в огне, на глазах Йоста умирают его товарищи, но за месяцы плавания он уже привык спокойно относиться к смерти, он неоднократно хоронил приятелей в море, он жаждет выжить, и судьба не дает ему умереть. Так Йост оказывается на Гоа, где делает новые шаги по пути греха, хотя поначалу ничто не предвещает этого.

Очутившись в обители монахов, отцов-паулистов, Йост постепенно проникается духом святости, он всерьез задумывается о том, чтобы остаться тут, более не гнаться за деньгами, не биться в страстях. Да и сами жизненные обстоятельства складываются таким образом: куда ему идти? С праведного пути — впрочем, как выяснится позже, не такого уж и праведного — свернуть его заставляет женщина, прекрасная сеньора де Сантош. Она увлекает в свои сети молодого человека, в котором еще горит огонь жизни. Она изменяет с ним своему мужу, находящемуся в это час в одурманенном состоянии.

Поселившись за счет поддержки благородной сеньоры в городе, но не прервав общения с монахами, Йост снова и снова наблюдает, как жестоко европейцы поступают с коренным населением: «Видя каждый день, как рабы-туземцы валяются словно домашний скот на земле, как бьют их в домах, садах, на улицах, зная, что одна старуха-соседка за свою долгую жизнь в колониях забила насмерть семь невольников, — Йост привыкал понемногу к мысли, что рабы в самом деле домашний скот и что нежничать с ними нечего. Никто кругом не думал иначе»[576].

Здесь, на Гоа, где властвовали в ту пору португальцы и к голландцам относились с подозрением, мировоззрение Йоста претерпевает очередные изменения. Во-первых, он становится намного циничнее, особенно на его

[575] Там же. С. 61.
[576] Там же. С. 164.

характере сказывается участие с местными офицерами в грабеже пагоды, он даже собственноручно отрезает пальцы вместе с перстнями одной из храмовых танцовщиц. Во-вторых, он разочаровывается в служителях церкви, включая научившего его португальскому языку брата Себастиана, который устраивает за ним слежку и выносит приговор. В-третьих, он понимает, что нельзя доверять даже добрым приятелям: тот же военный Жоан в трудную минуту, когда Йоста приговаривают и светские власти, и духовные, не отдает ему бесплатно, а продает пропуск из города, при этом посылает приказ схватить его у ворот, чтобы отправить в тюрьму.

Разврат, лицемерие, стяжательство, предательство, жестокость и прочее, что он видит и чему сам подвержен, всё больше и больше делают из по своей сути неплохого человека Йоста Перка негодяя, способного в своих интересах совершить любой, даже самый страшный грех. Вскоре судьба вновь сводит его с фан-Байереном, протянувшим ему руку помощи. Фан-Байерен рассуждает о колониальной политике: «Вся наша колонизация — война, и с очень опасными врагами, Йост: океаном, мором, зноем, язычниками, христианами... Зато в супе у амстердамской купчихи плавает три перечных зернышка...»[577] И далее: «Ты правильно начинаешь <…> этот мир должен колонизироваться зверем. Зверь — сильнейший и по-своему умнейший, — ему дорога»[578].

Йост, подивившись на чудеса Индии, становится надсмотрщиком на алмазных копях. Фан-Байерен щедро платит ему, но Йост думает не о зарплате, а о том, как бы украсть огромный алмаз, когда такой будет найден. Страсть, жажда наживы заставляют его совершить очередное преступление — убить свободного человека, и вот уже Йост опять превращается в бродягу...

Тут Шервинский мог бы поставить точку, показать, как судьба карает нечестивца за грехи, но он предпочел продолжить повествование, чтобы продемонстрировать, как окончательно изменится мировоззрение Йоста, став истинно колониальным мировоззрением «среднего» человека, для которого в

[577] Там же. С. 191.
[578] Там же. С. 192.

экзотических странах важнее всего набить карманы и который с пренебрежением относится к местным жителям.

И вот уже голландец добирается до Батавии, по дороге приняв участие в морском сражении с китайцами. В Батавии он, именуя отныне себя на всякий случай другим именем — Йост Поттер, быстро поднимается по карьерной лестнице: после того, как он упоминает имя знаменитого фан-Байерена, его назначают в охрану к губернатору Маркаарту, а через какое-то время и секретарем Брекелеера, начальника портовых контор Батавии. Всего этого он добивается благодаря не только имени фан-Байерена, но и своей беспринципности: так, он участвует в сделках с туземцами, сперва приобретает у них перец, при этом обманывая компанию с подачи своего начальника, а потом, когда они напиваются, вместе с другими хватает их и увозит в рабство.

В Батавии он встречается со своей возлюбленной Дортхен, которая к тому моменту уже успевает стать женой Брекелеера, того самого человека, что сообщил ей о ее разбогатевшим дяде и отвез в Ост-Индию. Йост и Дортхен решают шантажировать Брекелеера, стремясь получить от него половину его состояния, четыреста тысяч, добиться развода для Дортхен и вернуться в Амстердам. Дело в том, что Брекелеер вместе с фан-Туком, начальником отряда охраны порта, убил бывшего начальника портовых контор фан-Схутена. Стоит ли говорить, что у зверя, в которого превратился Йост, всё получается?..

Порой Йост рефлексирует, размышляет, как изменился, осознает, что в дальнейшем, если ему удастся вернуться на родину, ему придется, по крайней мере, внешне вести себя иначе: «Йост вдруг почувствовал, что если он может здесь даже иной раз прихвастнуть совершенными преступлениями, то там, по возвращеньи в Амстердам, он никогда никому, — разве на духу, перед смертью, — не признается в таких делах. <…> Там, в Амстердаме, нужно быть солидным, чтоб ни одна душа не прочла в глазах, что совершилось там, за океаном»[579]. Окончательной точкой в изменении его личности становится случайная встреча с умирающим фан-Байереном, некогда его покровителем: «Он думал, что, загляни

[579] Там же. С. 263-264.

фан-Байерен вместе с ним в его душу, он не узнал бы своего выученика. Думал, что он и всегда-то не охотник был до возвышенных предметов, но что теперь нет такой низости, какая не ужилась бы на дне его души, как карась в илистой заводи; что ему нечего больше бояться в жизни; что единственное, чего он боялся, была встреча с фан-Байереном; что после этого испытания он будет готов»[580].

В финале романа Йост, похоронив в море умершую в пути Дортхен, ставшую его женой, возвращается в Амстердам, где встречает своего приятеля — бедного художника, который, однако, удачно женился и у которого уже родился ребенок, художника, счастливого тем, что он любим и может творить. Так кто из них счастливее, богач Йост, совершавший чудовищные преступления на чужбине, но решивший на родине вести себя как добропорядочный гражданин, или добродушный, честный, талантливый художник Иохим?..

Витковский подчеркивает, что «именно Рембрандта имел в виду Шервинский, создавая образ Иохима»[581], но Иохим — не Рембрандт, на это указывает хотя бы тот факт, что еще молодой Иохим женился в 1660-х гг. и у него родился первый ребенок, Рембрандту к тому времени было уже много лет, и он скончался в 1669 году. Йост — олицетворение жажды наживы, невзирая ни на что, а Иохим — радости создателя, творца гениальных полотен. Один берет от мира всё, до чего может дорваться, а другой — отдает от чистого сердца.

Да, хоть в романе и нет исторических личностей, имена, по мнению Витковского, с которым нельзя не согласиться, «почти без исключений взяты из области искусства, в основном из живописи»[582]. Витковский приводит примеры: «Перк — фамилия голландского поэта XIX века, Поттер — фамилия художника, жившего двумя столетями раньше, — оба умерли весьма молодыми. Брекелеер — фамилия двоих фламандских художников XIX века, Абрахам ван Бейерен — также имя голландского художника. Правда, за образом Балтазара фан-Байерена у Шервинского отчетливо проступает личность француза Жана-Батиста Тавернье,

---

[580] Там же. С. 310.
[581] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 344.
[582] Там же. С. 342.

двадцать лет державшего в руках европейскую торговлю индийскими алмазами, чье последнее путешествие в Индию пришлось на 1664 год, однако Шервинский сильно идеализировал этот образ. Исторический Тавернье, кстати, умер не в Батавии, а по иронии судьбы в Москве»[583].

Витковский указывает на еще один момент: «Резко изменилось со времени написания романа русское прочтение как голландских, так и португальских имен. Героине романа Шервинский дал имя, уменьшительное от Доротея, — однако прибавил к нему не голландский, а немецкий уменьшительный суффикс — и вместо голландской Дортье отправилась в Ост-Индию процветать онемеченная Дортхен. Несколько офранцузилось чтение фамилии «фан-Схутен» (нужно — ван Схаутен); да и вообще от передачи голландского звука, среднего между «в» и «ф», наша современная нидерландистика (как «ф») отказалась, — кроме слов «Фландрия» и «фламандский». Умер и неизвестно откуда взявшийся дефис, проставлявшийся у Шервинского всякий раз после этого самого «фан». То же и с португальскими именами: «Диаш де Сантош» ныне давно уже «Диас де Сантос»; «Дамиао» — «Дамиан» и т.д.»[584]. Но в современных изданиях эти анахронизмы не стали исправлять, чтобы вернуть роман в печать «в первозданном виде»[585].

Роман «Ост-Индия» Сергея Шервинского созвучен антиколониальной историко-приключенческой прозе западных мастеров. Его можно сравнить с «Нена Сагибом» Джона Ретклиффа (Германа Гёдше). И там, и там авторы критикуют антиколониальную политику, во всех подробностях изображают, как европейцы чудовищно поступают с коренным населением. И у Ретклиффа, и у Шервинского мировоззрение персонажей претерпевает трансформацию. И Ретклифф, и Шервинский изображают события реалистично, без идеализации.

Сама фабула — путешествие героя в поисках богатства в чужие страны, в данном случае — в Ост-Индию, — типична для приключенческого жанра. Среди массы приключенческих текстов как отечественных авторов, так и зарубежных роман выделяет и тщательная проработка характеров персонажей, и великолепное

[583] Там же. С. 342-343.
[584] Там же. С. 348-349.
[585] Там же. С. 349.

знание реалий XVII века (автор изучил множество самых разных источников), и в первую очередь тот факт, что в «Ост-Индии», как уже отмечалось выше, нет ни одного исторического персонажа, хоть и использованы образы известных людей. Последнее необычно для антиколониальной историко-приключенческой прозы, в которой зачастую выводятся реальные исторические лица.

Витковский утверждал: «...такой книги в советской литературе попросту быть не могло. Да в известном смысле ее и не было: пресса тридцатых годов аккуратно обошла ее молчанием, литературоведы забыли о ней напрочь; для них Шервинский до 1980-х годов оставался только переводчиком античных авторов, притом «бывшим буквалистом» к тому же (по мнению сторонников переводческой «гладкописи»)»[586]. Но, пожалуй, достоверно изобразить, как герой, оставив привычную мирную жизнь, превращается в зверя, а затем возвращается к обычной жизни, мог только человек, переживший страшные годы Гражданской войны, видевший кровь и боль, знавший это не понаслышке, не из книг.

В последующие годы Сергей Васильевич Шервинский более не обращался к приключенческому жанру. Умер 30 июля 1991 года.

[586] Там же. С. 340.

Заключение

В начале XX века в приключенческой прозе на Западе произошли изменения: наряду с произведениями об индейцах, пиратах, поисках золота на Аляске, робинзонадами, романами «плаща и шпаги», книгами об Англо-бурских войнах, восстании сипаев и прочими историко-приключенческими текстами начало всё больше появляться иронически-приключенческих работ и рассказов о затерянных мирах. Ситуация в первые годы XX века в русской приключенческой прозе была схожая, если не считать того, что отечественные писатели опирались не только на лучшие зарубежные образцы, но и на популярные отечественные конца XIX в., те же романы Г. Хрущова-Сокольникова. Русские авторы сочиняли и историко-приключенческую прозу («Смелая жизнь» Л. Чарской и др.), и книги о странствиях подростков («Путешественники» Л. Кормчего и др.), и иронически-приключенческие тексты («Капитан “Дедалуса”» («Капитан корабля “Дедалуса”») М. Волконского и др.), и работы о затерянных мирах («Колыбель человечества» М. Первухина и др.), и т.д. При этом в первые годы XX века среди отечественных писателей были и те, кто, основываясь на личных впечатлениях и «книжной премудрости», смогли найти новые подходы и темы в жанре. Их герои сильно отличались друг от друга по мировоззрению, это связано и с личными интересами авторов, и с тем, как складывались их судьбы в это кризисное время.

Еще с начала XX века исследователи отмечали, что В.Г. Тан-Богораз научился понимать мифологическое мировоззрение северных племен и сумел достоверно передать его в текстах. Лев Мович (Л.З. Маркович) так писал о романе «Восемь племен»: «…не «этнографический» материал ценен нам в этом романе, а душа поэта, сумевшая так глубоко проникнуть в коллективную душу восьми племен, заставить нас переживать зарождение истории на заре человечества»[587]. Но если в «Восьми племенах» автор строго придерживается мифологического мировоззрения северных племен, то в романе «Жертвы дракона» и повести «На

[587] Мович Л. [Маркович Л.З.]. И.А. Тан (литературный портрет) // Вестник и библиотека самообразования. 1904. №45 (4 нояб.). Стб. 1655.

озере Лоч» («На озере Лоче») он уже прибег к приемам модернизма, заимствуя имена из разных языков и мифологий: то же имя Аслан явно взято из тюркских языков и означает «лев», а Низея, судя по всему, пришло из греческой мифологии, так звали нереиду, одну из дочерей морского божества Нерея и океаниды Дориды. Кроме того, он, будучи революционером, привнес идею богоборчества в роман «Жертвы дракона».

Александр Барченко рассматривал оккультизм как науку со своими строгими правилами, что нетипично для приключенческого жанра. И это нашло отражение в мировоззрении одного из главных героев его дилогии «Доктор Черный», собственно, самого доктора Черного. А в повести «Океан-кормилец» он в традиции западных приключений описал нравы мурманских промышленников, их мировоззрение, с восприятием океана как живого существа, и эта повесть за счет изображаемого региона и героев отличается от зарубежных образцов.

Павел Белецкий в стилистике вестернов сочинил произведения о Русском Севере — истерны «В горах Даурии» («Золотоискатели в горах Даурии»), «Король тайги» и др. У его таежных бродяг обыденное мировоззрение. Отмечу, что, невзирая на мнение В.М. Головко, автора статьи «Литературный истерн как художественное открытие П. К. Белецкого»[588], в жанре «истерн», хоть тогда он так и не назывался, работали и некоторые русские авторы XIX в., то есть «истерн» не является открытием Белецкого, но Белецкий, в отличие от своих предшественников, к примеру, Николая Каразина, первым стал сочинять истерны о Русском Севере, а не о Средней Азии.

Пожалуй, учитывая царскую цензуру, такие необычные приключенческие тексты могли добраться до широких масс только в начале XX века, в преддверии Октябрьской революции и Гражданской войны.

Но если развитие русской приключенческой прозы начала XX века, до Октябрьской революции, вполне сопоставимо с тем, что происходило в западной, то в последующие годы разница значительная. В нашей стране в ту пору на

[588] Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П.К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 150-166.

первый план выходит созданный во многом благодаря идеологу Н. Бухарину жанр «красный Пинкертон», в рамках которого трудились авторы, не уехавшие за рубеж. Писатели-эмигранты либо продолжали сочинять зачастую эпигонские тексты, либо выдавали свой ответ «красному Пинкертону» — в настоящее время издатели именуют подобные тексты «белым Пинкертоном».

В 1920-х гг. и русские, и зарубежные авторы не забросили «чистые» приключения. Но если зарубежные авторы обычно играли по «старым правилам» — и таковыми являются даже лучшие написанные ими в этот период образцы, та же «Одиссея капитан Блада» (1922) Рафаэля Сабатини (1875-1950), то русские писатели, кроме всего прочего, занимались переосмыслением собственной истории. Д.Д. Николаев подчеркивает: «Изменения, происходящие в русской исторической прозе в метрополии после революционных событий 1917 г., связаны с привнесением «новой тенденциозности». В наиболее общей форме новая тенденциозность определяется словом «переосмысление». Если в предшествующий период развития литературы к истории обращались чаще всего в поисках «урока», то на этапе становления советской литературы писатели выступают скорее в качестве «учителей». Долгое время в метрополии «переосмысление» связано с тотальным или частичным отрицанием национального прошлого. Отрицание это проявляется двояко: либо отвергается вообще все, что происходило до начала «третьего этапа освободительного движения», либо отвергается все, кроме выступлений против власти. Социальные конфликты переосмысляются в духе новой идеологии, нравственные конфликты — в духе новой морали; «переоценка ценностей» зачастую доходит до абсурда. Задача «развенчания» самодержавия понималась иногда настолько буквально, что любые силы, боровшиеся с «царской» Россией, показывались с симпатией»[589].

Переосмысление было характерно не только для исторической прозы, но и для историко-приключенческой. Именно таким переосмыслением являются «Сказание о граде Ново-Китеже», «Злая земля» и «Гул пустыни» Михаила Зуева-

[589] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. С. 663-664.

Ордынца и «Государство Солнца» Николая Смирнова. Причем в «Сказании…» Зуев-Ордынец сумел гармонично совместить классическую фабулу о затерянном мире и переосмысление отечественной истории. Не удивительно, что в этот период прошел практически незамеченным антиколониальный роман «Ост-Индия» Сергея Шервинского, обращавшийся к далекому зарубежному прошлому, к путешествию голландца в Ост-Индию в надежде «урвать золотишка», роман, в котором нет исторических персонажей, но в котором строго выдержаны исторические реалии (на эту особенность романа указывал и Е. Витковский в работе «Свет малых голландец»: «...в нем нет ни единого персонажа, взятого собственно из истории»[590]). При этом в приключенческой прозе, вышедшей после Гражданской войны, всё чаще высказывались идеи не просто поиска, но создания справедливого государства, эти идеи встречаются как в «Финикийском корабле» В. Яна, так и в «Государстве Солнца» Н. Смирнова, персонажи которого сначала ищут, а потом предпринимают попытку построить справедливое государство.

Еще одной особенностью послереволюционных русских приключенческих текстов становится их чрезвычайная жестокость, если только они не были обращены к читателям-подросткам, как «Финикийский корабль» В. Яна или «Черные паруса» Б. Житкова, которые, в свою очередь, прекрасно иллюстрируют положение Д.Д. Николаева о писателях-учителях; более того, повесть Житкова является образцом зародившейся в 1920-е гг. русской историко-технической приключенческой прозы. Д.Д. Николаев так писал об отношении к смерти в послереволюционной литературе: «Вряд ли можно говорить о том, что первая мировая война, революция, гражданская война обесценили жизнь, но с уверенностью можно утверждать, что они обесценили смерть. Из явления «значительного», «самостоятельного», требующего специального внимания, смерть вновь превратилась в обыденность, повседневность, обычность»[591]. И правда, смерть в послереволюционных русских приключенческих книгах обычно

---

[590] Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] // Шервинский С.В. Ост-Индия. М: Престиж Бук, 2016. С. 338.

[591] Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: Монография. М.: Наука, 2006. С. 674.

изображается без многостраничной рефлексии, однако порой натуралистично. Натурализм, несвойственный русской приключенческой прозе начала XX века, присутствующий, впрочем, в книгах о доисторических временах В.Г. Тана-Богораза, стал чаще встречаться в жанре в 1920-х — начале 1930-х гг.

Образ героя в русских приключенческих текстах в первой трети XX века постепенно изменялся.

С 1901 по 1917 гг. были герои с разнообразным мировоззрением. Нередко у них было противоположное мировоззрение: так, героиня «Смелой жизни» Л. Чарской — девушка, восторгающаяся царем и жаждущая сражаться за Родину, а ребята из «Путешественников» Л. Кормчего просто хотят пожить жизнью, описываемой в классических приключенческих книгах, при этом автор исподволь осторожно критикует существующий строй. В эти же годы выходили приключенческие тексты, у героев которых было и мистико-религиозное мировоззрение, как у доктора Черного из одноименной дилогии А. Барченко, и обыденное, как у таежных бродяг П. Белецкого, и даже мифологическое, как у героев произведений о доисторических временах В.Г. Тана-Богораза.

В послереволюционный период наряду с такими оложительными героями, как мечтающий о справедливой стране Лёнька из «Государства Солнца» Н. Смирнова, были и неоднозначные персонажи, как в «Злой земле» М. Зуева-Ордынца, и откровенные негодяи, как в его же повести «Гул пустыни» и романе «Ост-Индия» С. Шервинского. Причем Зуев-Ордынец и Шервинский описывают странствия негодяев с определенной целью: благодаря им они стремятся ярче изобразить свое отрицательное отношение к старому колониализму, в случае с Зуевым-Ордынцем — именно к царской колониальной политике, советскую колониальную политику он приветствовал, что видно по первым редакциям «Сказания о граде Ново-Китеже».

Авторы самобытной русской приключенческой прозы часто прибегали к диалектизмам, чтобы придать достоверности художественному миру. А. Барченко использовал «северные» диалектизмы в «Океане-кормильце» — *падуны* (водопады), *кережка* (санки) и др. П. Белецкий ввел в тексты «сибирские»

диалектизмы: *поты* (переметная сума), *бродни* (сапоги) и др. В «Сказании о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца много устаревших слов, помогающих создавать атмосферу XVII в., в которую попали герои, и подчеркивающих контраст между жителями затерянного града и современниками автора — *напалок* (перстень), *большина* (власть) и пр.; в его же «Гуле пустыни» есть «туркестанские» диалектизмы — *сарбаз* (солдат), *бача* (мальчик, ребенок), *тюря* (начальник, господин), *барантачи* (разбойники) и пр.

Следует подчеркнуть, что среди русских приключенческих текстов первой трети XX века было много переходных, которые нельзя назвать самобытными ввиду очевидного заимствования элементов из трудов предшественников, однако нельзя считать и эпигонскими, так как их авторы привносили национальные черты в свои творения. Яркими представителями таких переходных текстов являются полюбившиеся читателям «Остров Погибших Кораблей» А. Беляева и «Земля Санникова» В. Обручева.

Таким образом, невзирая на «магистральную линию» «пинкертоновщины» вообще и «красного Пинкертона» в частности, влияния западной классики жанра и революционных событий в стране, а следовательно, повышенного интереса к книгам о революциях, то есть невзирая на массовый запрос и идеологический заказ, русская приключенческая проза как начала XX века, так и в послереволюционный период, до Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г., характеризуется разнообразием тем, методов и подходов, герои произведений, как и их авторы, придерживались разного мировоззрения, были писатели, сумевшие сказать новое слово в жанре.

Конечно, нельзя утверждать, что список значимых с художественной точки зрения, самобытных русских приключенческих текстов этого периода ограничивается разобранными в исследовании. Среди произведений того непростого времени, сохранившихся в архивах и частных коллекциях, вполне могут скрываться и другие уникальные тексты, которые еще только предстоит выявить и изучить в научном дискурсе.

Список литературы

Источники

1. Адалис А. Абджед хевез хютти...: Роман приключений / А. Адалис, И. Сергеев. – М., Л.: Молодая гвардия, 1927. – 224 с.

2. Адамов Г.Б. Тайна двух океанов / Г.Б. Адамов. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.

3. Алтаев Ал. [Ямщикова М.В.]. История Глеба Бокия (начало) / Ал. Алтаев [М.В. Ямщикова] // Псков. – 2001. – № 14. – С. 205-219.

4. Алтаев Ал. [Ямщикова М.В.]. История Глеба Бокия (окончание) / Ал. Алтаев [М.В. Ямщикова] // Псков. – 2001. – № 15. – С. 203-210.

5. Алтаев Ал. [Ямщикова М.В.]. Повести / Ал. Алтаев [М.В. Ямщикова]. – М.: Детская литература, 1972. – 544 с.

6. Анненская А. Робинзон Крузе. Новая переработка темы Де-Фоэ / А. Анненская. – СПб.: В. Лесевич, 1874. – 521 с.

7. Арсеньев В.К. Дерсу Узала / В.К. Арсеньев. – М.: Вече, 2022. – 496 с.

8. Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. / А.В. Барченко. – М.: Издательство Престиж Бук, 2022. – Т.1: Доктор Черный: романы. – 464 с.

9. Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. / А.В. Барченко. – М.: Издательство Престиж Бук, 2022. – Т.2: Волны жизни: повести, рассказы. – 464 с.

10. Барченко А.В. Собр. соч.: в 3 т. / А.В. Барченко. – М.: Издательство Престиж Бук, 2022. – Т.3: Океан-кормилец: повесть, рассказы, очерки, статьи. – 432 с.

11. Белецкий П.К. В горах Даурии (начало) / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1912. – Кн. 1. – Стб. 1-56.

12. Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1912. – Кн. 2. – Стб. 359-416.

13. Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1912. – Кн. 3. – Стб. 523-578.

14. Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1912. – Кн. 4. – Стб. 735-784.

15. Белецкий П.К. В горах Даурии (продолжение) / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1912. – Кн. 5. – Стб. 975-1024.

16. Белецкий П.К. В горах Даурии (окончание) / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1912. – Кн. 6. – Стб. 1187-1230.

17. Белецкий П. Вопросы времени / П. Белецкий // Сибирский сборник (приложение к газете «Восточное обозрение») / под ред. И.И. Попова. – 1900. – Вып. 1. – С. 139-152 (в оглавлении ошибочно указана с. 138).

18. Белецкий П. Дар судьбы / П. Белецкий // Гибель Петрограда: Фантастика Серебряного века. Том XII / подг. текстов, сост. и комм. М. Фоменко и А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – С. 60-71.

19. Белецкий П. Забайкальские раскольники / П. Белецкий // Сибирский сборник (приложение к газете «Восточное обозрение») / под ред. И.И. Попова. – 1901. – Вып. 1. – С. 81-87.

20. Белецкий П. Золотоискатели в горах Даурии / П. Белецкий. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В. по заказу ООО «Фаворит», 2014. – 332 с.

21. Белецкий П. История двух приисков (начало) / П. Белецкий // Восточное обозрение. – 1899. – № 209 (29 сент.). – С. 2.

22. Белецкий П. История двух приисков (окончание) / П. Белецкий // Восточное обозрение. – 1899. – № 211 (1 окт.). – С. 2.

23. Белецкий П. К вопросу о реформе золотопромышленности / П. Белецкий // Русское богатство. – 1902. – № 8, отд. 2. – С. 100-114.

24. Белецкий П. Король Тайги: роман, повесть / П. Белецкий. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. – 492 с.

25. Белецкий П. Людоеды / П. Белецкий // Мир приключений. – 1927. – № 5. – С. 40-47.

26. Белецкий П. Мечта жизни / П. Белецкий // Волны (приложение ко второму изданию «Газеты-Копейки»). – 1913. – № 4 (март). – Стб. 9-16.

27. Белецкий П.К. На вольной земле / П.К. Белецкий. – Петроград: Школа наборного и печатного дела, 1914. – 112 с. (Библиотека «Всходов» № 10)

28. Белецкий П.К. На лоне природы / П.К. Белецкий // Мир приключений. – 1910. – Кн. 6. – С. 659-664.

29. Белецкий П. Неблагодарный край / П. Белецкий // Современник. – 1913. Кн. 11. – С. 209-226 (в оглавлении ошибочно указана с. 219).

30. Белецкий П. Чертово городище (легенда) / П. Белецкий // Колдовской цветок: Фантастика Серебряного века. Том IX / подг. текстов, сост. и комм. М. Фоменко и А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – С. 130-136.

31. Беляев А.Р. Остров Погибших Кораблей / А.Р. Беляев // Беляев А.Р. Человек-амфибия: сборник. – М.: Эксмо, 2009. – С. 11-130.

32. Берх В.Н. Побег графа Беньевского с Камчатки во Францию (начало) / В.Н. Берх // Сын Отечества. – 1821. – №27. – С. 3-23.

33. Берх В.Н. Побег графа Беньевского с Камчатки во Францию (окончание) / В.Н. Берх // Сын Отечества. – 1821. – №28. – С. 49-79.

34. Бляхин П. А. Красные дьяволята / П.А. Бляхин. – М., Л.: Земля и фабрика, 1927. – 228 с.

35. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия / Н.Н. Брешко-Брешковский. – Рига: Мир, 1920. – 191 с., 2 л. ил.

36. Брешко-Брешковский Н.Н. Собр. соч.: в 2 т. / Н.Н. Брешко-Брешковский. – М.: Издательство Престиж Бук, 2020. – Т.2: Женщины, кровь и бриллианты: романы, повесть, рассказы. – 640 с.

37. Брешко-Брешковский Н. Шпионы и солдаты / Н. Брешко-Брешковский. – Петроград: Рубикон, 1915. – 186 с.

38. Буссенар Л. Ледяной ад. Капитан Сорви-голова / Л. Буссенар; пер. с фр. А. Лущанова, К. Полевого. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 672 с.

39. Васильев Б. Летят мои кони... / Б. Васильев // Васильев Б. Летят мои кони…: сборник. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 133-200.

40. Верн Ж. Двадцать тысяч лье под водой / Ж. Верн; пер. с фр. Н. Яковлевой, Е. Корша. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.

41. Верн Ж. Ледяной сфинкс / Ж. Верн; пер. с фр. А. Кабалкина // Загадка Артура Гордона Пима: антология. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 209-532.

42. Верн Ж. Путешествие к центру Земли / Ж. Верн; пер. с фр. Н.А. Егорова. – М.: Эксмо, 2020. – 288 с.

43. Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть / М.Н. Волконский. – М.: Миллиорк, 2017. – 488 с.

44. Гайдар А. Малое собрание сочинений / А. Гайдар. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 640 с.

45. Гайдар А. Обыкновенная биография в необыкновенное время / А. Гайдар // Гайдар А. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Детская литература, 1972. – Т. 4. – С. 5-10.

46. Гейнце Н.Э. Драма в тайге. Роман из сибирской жизни в двух частях / Н.Э. Гейнце. – Екатеринбург: Издание В.Г. Чекан, 1899. – 256 с.

47. Герштейн Э.Г. Мемуары / Э.Г. Герштейн. – СПб.: Инапресс, 1998. – 528 с.

48. Гинзбург Л.Я. Агентство Пинкертона / Л.Я. Гинзбург. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. – 188 с.

49. Глоух К. Заколдованная земля / К. Глоух. – М., Петроград: Государственное издательство, 1923. – 162 с.

50. Гоголь Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009. – С. 501-724.

51. Грин А.С. Собр. соч.: в 5 т. / А.С. Грин. – М.: Художественная литература, 1994. – Т.4: Алые паруса. Блистающий мир. Золотая цепь. Сокровище африканских гор. – 543 с.

52. Давыдов З. Русские робинзоны / З. Давыдов // Русские робинзоны: сборник. – Рязань: Издатель Митин А.С., 2018. – С. 447-654.

53. Дефо Д. Робинзон Крузо. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо: романы / Д. Дефо. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.

54. Дойл А.К. Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе / А.К. Дойл. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. – 1152 с.

55. Дойл А.К. Собр. соч.: в 12 т. / А.К. Дойл. – М.: РИПОЛ классик; Престиж книга; Литература, 2005. – Т.10: Затерянный мир; Отравленный пояс; Рассказы о профессоре Челленджере; Туманная земля. – 544 с.

56. Евтушенко Е. «Как удалось ему себя спасти…» / Е. Евтушенко // Поэт в России — больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии. Антология: в 5 т. / сост. Е. Евтушенко. – М.: Русскій міръ, 2015. – Т.4. – С. 316.

57. Житков Б. Чёрные паруса: повесть / Б. Житков. – М.: Издательство «Мелик-Пашаев», 2017. – 112 с.

58. Заяицкий С. Красавица с острова Люлю / С. Заяицкий // Lib.ru/Классика. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/z/zajaickij_s_s/text_0040.shtml (дата обращения: 9.08.2023).

59. Зуев М. Приспособили / М. Зуев // Тверская правда. – 1925. – №266 (22 нояб.). – С. 5.

60. Зуев М.Е. По разные стороны окна / М.Е. Зуев // Вокруг света (ЗиФ) (М.). – 1927. – №1. – С. 6-8.

61. Зуев-Ордынец М.Е. Адмирал Карибского моря: повести и рассказы / М.Е. Зуев-Ордынец. – М.: Престиж Бук, 2016. – 416 с.

62. Зуев-Ордынец М.Е. Бунт на борту: рассказы и очерки / М.Е. Зуев-Ордынец. – М.: Издательство Престиж Бук, 2019. – 544 с.

63. Зуев-Ордынец М. Злая земля (начало) / М. Зуев-Ордынец // Всемирный следопыт. – 1929. – №8. – С. 563-581.

64. Зуев-Ордынец М. Злая земля (продолжение) / М. Зуев-Ордынец // Всемирный следопыт. – 1929. – №9. – С. 643-661.

65. Зуев-Ордынец М. Злая земля (продолжение) / М. Зуев-Ордынец // Всемирный следопыт. – 1929. – №10. – С. 739-764.

66. Зуев-Ордынец М. Злая земля (продолжение) / М. Зуев-Ордынец // Всемирный следопыт. – 1929. – №11. – С. 821-845.

67. Зуев-Ордынец М. Злая земля (окончание) / М. Зуев-Ордынец // Всемирный следопыт. – 1929. – №12. – С. 893-916.

68. Зуев-Ордынец М.Е. Злая Земля: романы, рассказы / М. Зуев-Ордынец. – М.: Престиж Бук, 2015. – 448 с.

69. Зуев-Ордынец М.Е. Клад Чёрной Пустыни: Повесть о кара-кумской сере / М.Е. Зуев-Ордынец. – М., Л., Новосибирск: Государственное научно-техническое горно-геологическое нефтяное издательство, 1933. – 60 с.

70. Зуев-Ордынец М. Крушение экзотики (Узбекистан и Туркмения): сборник очерков / М. Зуев-Ордынец. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – 173 с.

71. Зуев-Ордынец М.Е. Колокольный омут: повести и рассказы / М.Е. Зуев-Ордынец. – М.: Престиж Бук, 2015. – 448 с.

72. Зуев-Ордынец М.Е. На слом! (начало) / М. Зуев-Ордынец // Всемирный следопыт. – 1928. – №5. – С. 323-340.

73. Зуев-Ордынец М.Е. О себе / М.Е. Зуев-Ордынец // Зуев-Ордынец М.Е. Бунт на борту: рассказы разных лет. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1968. – С. 5-14.

74. Зуев-Ордынец М.Е. Снежный поход: повести и рассказы / М.Е. Зуев-Ордынец. – М.: Престиж Бук, 2016. – 496 с.

75. Ильф И.А. Двенадцать стульев; Золотой теленок: романы / И.А. Ильф, Е.П. Петров. – Краснодар: Издательство «Советская Кубань», 1992. – 288, 288, с. встреч. паг.

76. Каду Р. Атлантида под водой: роман / единственный авторизованный перевод с французского О. Савича и В. Пиотровского. – М.: Артель писателей «Круг», 1927. – 312 с.

77. Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / Н.Н. Каразин; подгот. Э.Ф. Шафранской. – М.: Наука, 2019. – 629 с.

78. Каэн Л. Плавание Магона-финикиянина / Л. Каэн. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2020. – 448 с.

79. Кервуд Д.О. Золотоискатели: романы / Д.О. Кервуд; пер. с англ. А. Карасика и З. Львовского. – М.: Вече, 2008. – 320 с.

80. Кервуд Д.О. Охотники за золотом. История жизни и приключений на диких берегах Гудзонова залива / Д.О. Кервуд; пер. с англ. А. Гуровой // Кервуд Д.О. Охотники на волков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. – С. 139-282.

81. Киплинг Р. Бремя белых / Р. Киплинг; пер. с англ. М. Фромана // Киплинг Р. Избранные стихи. – Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – С. 93-94.

82. Киплинг Р. Ким / Р. Киплинг; пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой. – М.: ЭНАС-КНИГА, 2017. – 400 с.

83. Киплинг Р. Отважные капитаны / Р. Киплинг; пер. с англ. И. Бернштейн. – М.: ЭНАС-КНИГА, 2021. – 272 с.

84. Книга Екклезиаста, или Проповедника // Священные книги Ветхого Завета в русском переводе. – СПб.: Синодальная типография, 1876. – С. 997-108.

85. Кольчугин А. Сокровища Непобедимой Армады / А. Кольчугин. – М.: Молодая гвардия, 1927. – 317 с.

86. Кормчий А. Дочь весталки / А. Кормчий. – М.: ТЕРРА — Книжный клуб, СПб.: Северо-Запад, 2009. – 288 с. (псевдоним автора указан в книге с ошибкой, правильно не А. Кормчий, а Л. Кормчий)

87. Кормчий Л. Наследство пирата / Л. Кормчий. – Рига: Пресса, 1925. – 82 с.

88. Кормчий Л. Путешественники / Л. Кормчий. – М.: ЭНАС-КНИГА, 2016. – 240 с.

89. Кормчий Л. Серый домик / Л. Кормчий. – Рига: Саламандра, 1926. – 206 с.

90. Кормчий (Пирагис) Л. Проклятие капуцина: романы, рассказы. / Л. Кормчий (Пирагис). – М.: Престиж Бук, 2020. – 560 с.

91. Красницкий А. От океана к океану / А. Красницкий. – СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1901. – 232 с.

92. Краснов П. С Ермаком на Сибирь: романы / П. Краснов. – М.: Вече, 2021. – 320 с.

93. Крафт Р. Морские бродяги: в 5 кн / Р. Крафт. – Нижний Новгород: Орион, 2022. Кн. 1: Капитан Альготс. – 520 с.

94. Крафт Р. Морские бродяги: в 5 кн / Р. Крафт. – Нижний Новгород: Орион, 2022. Кн. 2: Коммодор Тишкофф. – 584 с.

95. Линевский А.М. Листы каменной книги / А.М. Линевский. – М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2009. – 352 с.

96. Лондон Д. Клянусь черепахами Тасмана / Д. Лондон // Лондон Д. Собр. соч.: в 14 т. – М.: Правда, 1961. – Т. 12. – С. 295-325.

97. Лондон Д. Морской волк. Рассказы / Д. Лондон; пер. с англ. Д. Горфинкеля, Л. Хвостенко, Л. Чуковской, Н. Чуковского, Н. Галь. – М.: Эксмо, 2014. – 704 с.

98. Лори А. Тайна мага / А. Лори // Лори А. Тайна мага. Атлантида. – М.: Вече, 2022. – С. 5-232.

99. Лоскутов М. Тринадцатый караван. Записки о пустыне Кара-Кумы / М. Лоскутов. – М.: Детгиз, 1935. – 188 с.

100. Лундберг Е. Кремень и кость / Е. Лундберг. – М.; Л.: Огиз — Молодая гвардия, 1931. – 200 с.

101. Марков С.Н. Юконский ворон / С.Н. Марков. – М., Л.: Издательство Главсевморпути, 1946. – 336 с.

102. Мат Н. [Костарёв Н., Матвеев В.] Желтый дьявол / Н. Мат [Н. Костарёв, В Матвеев]. – М.: Издательство Престиж Бук, 2021. – 640 с.

103. Никитин П. Приключения Шерлока Холмса в России: в 2 т. / П. Никитин; сост., подг. текста и послесл. А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – Т.1: Загробный гость. – 218 с.

104. Никитин П. Черный ворон. Приключения Шерлока Холмса в России: в 2 т. / П. Никитин; сост., подг. текста и послесл. А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – Т.2: Черный ворон. – 205 с.

105. Обручев В.А. Земля Санникова / В.А. Обручев. – М.: Детская литература, 2015. – 400 с.

106. Обручев В.А. Как возник замысел «Плутонии» (из воспоминаний) / В.А. Обручев // Обручев В.А. За тайнами Плутона / сост. и авт. сопроводит. текста А.В. Шумилов. – М.: Молодая гвардия, 1986. – С. 133-134.

107. Обручев В.А. Плутония / В.А. Обручев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 400 с.

108. Ордынцев-Кострицкий М. За счастьем, золотом и славой: рассказы и повести / М. Ордынцев-Кострицкий. – М.: Престиж Бук, 2016. – 416 с.

109. Орловец П. Воскресший Каин: романы / П. Орловец. – Нижний Новгород: Орион, 2022. – С. 556.

110. Орловец П. Похождения Шерлока Холмса в Сибири / П. Орловец; послесл. и прим. А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 167 с.

111. Орловец П. Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России / П. Орловец; предисл. А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 177 с.

112. Паустовский К. Собр. соч.: в 9 т. / К. Паустовский. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 1. – 623 с.

113. Пахомов Д.А. Первый художник: Повесть из времен каменного века / Д.А. Пахомов. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. – 170 с.

114. П.Б. [Белецкий П.К.] Деревенский лекарь / П.Б. [П.К. Белецкий] // Неделя. – 1897. – №38 (21 сент.). – Стб. 1204-1207.

115. Первухин М. Вторая жизнь Наполеона: романы, рассказы / М. Первухин. – М. Престиж Бук, 2014. – 400 с.

116. Первухин М. На краю гибели: рассказы / М. Первухин. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2024. – 444 с.

117. Первухин М. Пугачев-победитель / М. Первухин. – Екатеринбург: Крок-центр, 1994. – 490 с.

118. Перов П. Братство Вия: романы, рассказы / П. Перов. – М.: Миллиорк, 2015. – 480 с.

119. Платов Л.Д. Страна Семи Трав / Л.Д. Платов // Платов Л.Д. Повести о Ветлугине. – 2-е изд., исправл. – Рязань: Издатель Митин А.С., 2024. – С. 285-711.

120. По Э.А. Повесть о приключениях Артура Гордона Пима / Э.А. По; пер. Г. Злобина // По Э.А. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Альд, Империум Пресс, Литература, 2003. – Т.2. – С. 5-164.

121. Покровский С.В. Поселок на озере / С.В. Покровский // Покровский С.В. Охотники на мамонтов. – Рязань: Издатель Митин А.С., 2019. – С. 133-314.

122. Пушкин А.С. Капитанская дочка / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т.3: Проза. – С. 229-328.

123. Пушкин А.С. Руслан и Людмила / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1985. – Т.1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – С. 653-718.

124. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1985. – Т.1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – С. 606-629.

125. Раскатов М. Антон Кречет / М. Раскатов. – М.: Престиж Бук, 2016. – 288 с.

126. Ретклифф Дж. Нена Сагиб: в 3 т. / Дж. Ретклифф. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2017. – Т.1. – 652 с.

127. Ретклифф Дж. Нена Сагиб: в 3 т. / Дж. Ретклифф. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2017. – Т.2. – 560 с.

128. Ретклифф Дж. Нена Сагиб: в 3 т. / Дж. Ретклифф. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2017. – Т.3. – 524 с.

129. Рокхиль В.В. В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету / В.В. Рокхиль; пер. с англ. под ред. В.К. Агафонова, с предисловием примечаниями Г.Е. Грум-Гржимайло. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. – 196 с.

130. Рони Ж. До потопа / Ж. Рони. – СПб.: Издатель Ф.Ф. Павленков, 1892. – 136 с.

131. Рони-старший Ж. Борьба за огонь: романы / Ж. Рони-старший; пер. с фр. И. Орловской, М. Таймановой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 672 с.

132. Ряпасов И. Неведомый город: роман, рассказы / И. Ряпасов. – М.: Миллиорк, 2014. – 336 с.

133. Сабатини Р. Одиссея капитана Блада / Р. Сабатини; пер. с англ. Ан. Горского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. – 512 с.

134. Сальгари Э. Капитан Темпеста. Дамасский Лев. Дочери фараонов / Э. Сальгари; пер. с ит. О. Егоровой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 832 с.

135. Сенковский О.И. Сочинения барона Брамбеуса / О.И. Сенковский. – М.: Советская Россия, 1989. – 496 с.

136. Сибиряков Н. Русский Робинзон / Н. Сибиряков // Русские робинзоны: сборник. – Рязань: Издатель Митин А.С., 2018. – С. 5-306.

137. Смирнов Н.Г. Государство Солнца / Н.Г. Смирнов. – М., Л.: ЦК ВЛКСМ Издательство детской литературы, 1936. – 308 с.

138. Смирнов Н.Г. Джек Восьмеркин американец / Н.Г. Смирнов. – М., Л.: Государственное издательство, 1930. – 288 с.

139. Смирнов Н.Г. Джек Восьмеркин американец / Н.Г. Смирнов. – М.Л.: Молодая гвардия, 1933. – 430 с.

140. Смирнов Н.Г. Дневник шпиона / Н.Г. Смирнов. – М., Л.: Московский рабочий, 1929. – 336 с.

141. Смирнов Н.Г. Приключения Пинчика Котмана / Н.Г. Смирнов. – М.: ОГИЗ, Молодая гвардия, 1931. – 96 с.

142. Ставропольский П. [Белецкий П.]. Король тайги (начало) / П. Ставропольский [П. Белецкий] // Газета-Копейка. – 1911. – №1179. – 30 окт. (12 нояб.) – С. 2-3.

143. Ставропольский П. [Белецкий П.]. Король тайги (продолжение) / П. Ставропольский [П. Белецкий] // Газета-Копейка. – 1911. – №1189. – 9 нояб. (22 нояб.) – С. 2.

144. Ставропольский П. [Белецкий П.]. Король тайги (продолжение) / П. Ставропольский [Белецкий П.] // Газета-Копейка. 1911. – №1195. – 15 нояб. (28 нояб.) – С. 3.

145. Ставропольский П. [Белецкий П.К.]. Король тайги (окончание) / П. Ставропольский [П.К. Белецкий] // Газета-Копейка. – 1911. – №1241. – 31 дек. (13 янв.). – С. 3-4.

146. Станюкович К.М. Вокруг света на «Коршуне» / К.М. Станюкович. – СПб.: Н.Н. Морев, 1896. – 544 с.

147. Станюкович К.М. Похождения одного матроса: сборник / К.М. Станюкович; сост. и послесл. М.А. Соколовой. – М.: Правда, 1991. – 477 с.

148. Стивенсон Р.Л. Остров сокровищ. Владетель Баллантрэ / Р.Л. Стивенсон; пер. с англ. Н. Чуковского, И. Кашкина. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 416 с.

149. Стэнли Г.М. Как я отыскал Ливингстона: Путешествие, приключения и открытия Стэнли в Африке / Г.М. Стэнли. – СПб.: Типография В. Демакова, 1873. – 582 с.

150. Сю Э. Парижские тайны / Э. Сю. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 1328 с.

151. Тан В.Г. Восемь племен. Роман из древней жизни крайнего северо-востока Азии / В.Г. Тан. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1910. – 212 с.

152. Тан В.Г. Колымские рассказы / В.Г. Тан. – 3 изд., исправл. и доп. – СПб.: Просвещение, 1910. – 359 с.

153. Тан В. Старые и новые. Часть первая «Ружейная дука» (начало первой части) / В. Тан // Вокруг света (Л.). – 1927. – №5. – С. 3-8.

154. Тан В. Старые и новые. Часть вторая «Союз молодых» (начало второй части) / В. Тан // Вокруг света (Л.). – 1927. – №8. – С. 3-6.

155. Тан В. Старые и новые. Часть третья «Молодые партизаны» (начало третьей части) / В. Тан // Вокруг света (Л.). – 1927. – №17. – С. 3-8.

156. Тан (Богораз В.Г.). Восемь племен. Чукотские рассказы / Тан (В.Г. Богораз). – М.: Гослитиздат, 1962. – 403 с.

157. Тан-Богораз В.Г. Восемь племен / В.Г. Тан-Богораз. – М.: Издательство «РуДа», 2020. – 186 с.

158. Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. Воскресшее племя: романы, рассказы / В.Г. Тан-Богораз. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. – 576 с.

159. Тан-Богораз В.Г. Жертвы Дракона. На озере Лоч: роман, повесть / В.Г. Тан-Богораз. – М.: Издательство «РуДа», 2019. – 240 с.

160. Тан-Богораз В. Союз молодых / В. Тан-Богораз. – М., Л.: Земля и фабрика, 1930. – III-X, 360 с.

161. Тан-Богораз В.Г. Союз молодых / В.Г. Тан-Богораз. – М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. – 366 с.

162. Твен М. Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, её пажа и секретаря / М. Твен; пер. с англ. З.Е. Александровой. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 448 с.

163. Толстой А.Н. Похождения Невзорова, или Ибикус: повесть / А.Н. Толстой // Толстой А.Н. Алексей Толстой: сборник / сост., вступ. ст. С.А. Щербакова. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2006. – С. 192-312.

164. Уоддель А. Лхаса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903-1904 года / А. Уоддель; пер. с англ. Е.М. Чистяковой-Вэр. – СПб.: Типография П.Ф. Пантелеева, 1906. – 344 с.

165. Уэллс Г. Остров доктора Моро. Рассказы / Г. Уэллс. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 256 с.

166. Фаррер К. Карибские пираты: Рыцарь свободного моря / К. Фаррер. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 397 с.

167. Фортунатов Б. Остров гориллоидов / Б. Фортунатов. – М.: ТЕРРА-Книжный Клуб; СПб.: Северо-Запад, 2009. – 256 с.

168. Хаггард Г.Р. Копи царя Соломона: романы / Г.Р. Хаггард; пер. с англ. Н. Маркович, К. Королева. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 800 с.

169. Хаггард Г.Р. Айша. Возвращение Айши. Дочь мудрости: романы / Г.Р. Хаггард; пер. с англ. А. Ибрагимова, А. Крышана. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 880 с.

170. Хмелева О. Робинзон в русском лесу / О. Хмелева // Русские робинзоны: сборник. – Рязань: Издатель Митин А.С., 2018. – С. 307-446.

171. Хрущов-Сокольников Г. Избранное: в 2 т. / Г. Хрущов-Сокольников. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2023. – Т.1: Месть и золото: Роман из уголовной хроники. – 360 с.

172. Цобельтитц Х. фон. Затонувший корабль с золотом: в 2 т. / Х. фон Цобельтитц; пер. с нем. Л.А. Ярошевич. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2017. – Т.1. – 420 с.

173. Цобельтитц Х. фон. Затонувший корабль с золотом: в 2 т. / Х. фон Цобельтитц; пер. с нем. Л.А. Ярошевич. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2017. – Т.2. – 356 с.

174. Чарская Л. Смелая жизнь / Л. Чарская. – М.: Детская литература. 2018. – 336 с.

175. Чехов А.П. Мальчики / А.П. Чехов // Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. – М.: Наука, 1985. – Соч.: Т.6. – С. 424-429.

176. Чехов А.П. [Письмо В.С. Миролюбову, 6 декабря 1899 г. Ялта] / А.П. Чехов // Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1980. – Письма: Т.8. – С. 323-324.

177. Чуковский Н.К. Водители фрегатов: всё об отважных капитанах, морских приключениях, великих открытиях: повести / Н.К. Чуковский. – М.: Махаон, 2014. – 512 с.

178. Чуковский Н.К. Капитан Джемс Кук / Н.К. Чуковский. – М., Л.: Государственное издательство, 1927. – 136 с.

179. Чуковский Н.К. Навстречу гибели: Повесть о плаваньи и смерти капитана Ла-Перуза / Н.К. Чуковский. – М., Л.: Государственное издательство, 1929. – 216 с.

180. Чуковский Н.К. Один среди людоедов / Н.К. Чуковский. – М., Л.: Государственное издательство, 1930. – 189 с.

181. Чуковский Н.К. Путешествие капитана Крузенштерна / Н.К. Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 1930. – 156 с.

182. Шагинян М. Месс-Менд / М. Шагинян. – М.: Детгиз, 1956. – 352 с.

183. Шаламов В. Двадцатые годы / В. Шаламов // Варлам Шаламов. [Электронный ресурс] URL: https://shalamov.ru/library/30/ (дата обращения: 11.04.2022).

184. Шахматов А.А. Письмо В. Г. Богоразу от 13 мая 1905 года / А.А. Шахматов // СПбФ АРАН. – Ф. 250. Оп. 4. Д. 369. Л. 1.

185. Шервинский С.В. Несколько часов с Чаренцем / С.В. Шервинский // Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания / сост. Е.С. Дружинина. – Томск: Водолей, 1997. – С. 134-136.

186. Шервинский С.В. Ранние встречи с Валерием Брюсовым / С.В. Шервинский // Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания / сост. Е.С. Дружинина. – Томск: Водолей, 1997. – С. 81-94.

187. Шервинский С.В. Образование и деятельность. Из автобиографии / С.В. Шервинский // Бессмертие. Из истории семьи Шервинских / авт.-сост. Е.С. Дружинина (Шервинская). – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2013. – С. 211-218.

188. Шервинский С.В. Ост-Индия / С.В. Шервинский. – М.: Престиж Бук, 2016. – 352 с.

189. Шторх Э. Охотники на мамонтов / Э. Шторх; пер. с чеш. И. Безруковой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 384 с.

190. Шульц Дж. У. Враждующие племена / Дж. У. Шульц. – М.: Издательство Престиж Бук, 2020. – 416 с.

191. Шульц Дж. У. Победная песня: рассказы из палаток черноногих / Дж. У. Шульц. – СПб., 2005. – 400 с. (Библиотека альманаха «Первые американцы». Серия «Мир индейцев». Кн. 7).

192. Элиас Ф. Загадка «Мэйфлауэра» / Ф. Элиас; пер. с англ. С.М. Левиной // Загадка «Мэйфлауэра»: сборник. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2020. – С. 5-180.

193. Эллис Э. Понтиак, вождь оттавов: романы / Э. Эллис; пер. с англ. Н. Лукьяновой, М. Золотова. – М.: Мир книги, Литература, 2010. – 256 с.

194. Ян В. Финикийский корабль / В. Ян // Ян В. Финикийский корабль: исторические повести. – М.: Радуга, 1993. – С. 5-112.

Научные, литературно-критические и справочные труды на русском языке

195. А. [Айхенвальд Ю.И.] [Рец. на роман «Восемь племен» г. Тана в разделе «Журнальное обозрение»] / А. [Ю.И. Айхенвальд] // Русская мысль. – 1903. – Кн. IX (сент.), отд. 2. – С. 210-211.

196. Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге, 1918-1944 / Ю.И. Абызов. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2006. – 416 с.

197. Айвазян К.В. О некоторых русских поэтах-переводчиках «Поэзии Армении» / К.В. Айвазян // Брюсовские чтения 1966 года. – Ереван: Айастан, 1968. – С. 229-299.

198. Алькор Я.П. В.Г. Богораз-Тан / Я.П. Алькор // Советская этнография. – 1935. – №4-5. – С. 5-31.

199. Андреев А.И. Время Шамбалы / А.И. Андреев. – 2-е изд. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. – 384 с.

200. [Анонс романа «Король тайги» П. Ставропольского] // Газета-Копейка. – 1911. – №1177. – 28 окт. (10 нояб.). – С. 2.

201. Арзамасцева И.Н. Детская литература в первые десятилетия советского периода / И.Н. Арзамасцева / 37-й Всемирный конгресс Международного совета по детской книге (IBBY). – 2021. [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20221201225730/https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletiya-sovetskogo-perioda (дата обращения: 12.06.2024).

202. Архивные копии документов о М.Е. Зуеве-Ордынце // Карагандинская областная универсальная научная библиотека. [Электронный ресурс] URL: https://old-site.karlib.kz/zuev_ordynec_arhiv.htm (дата обращения: 14.04.2023).

203. Баландин Л. Свежесть чувства: [Рец. на сб. «Вызывайте 5... 5... 5…», изд. «Молодая гвардия», 1961] / Л. Баландин // Сибирские огни. – 1962. – №7. – С. 188-190.

204. Баринов И.И. Александр Барченко: новые документы о жизни и деятельности / И.И. Баринов // Историческая экспертиза. – 2022. – №1 (30). – С. 171-179.

205. Бар-Селла З. Александр Беляев / З. Бар-Селла. – М.: Молодая гвардия, 2013. – С. 428 с.

206. Барченко С.А. Время собирать камни: [Предисловие] / С.А. Барченко // Барченко А. Из мрака. – М.: Современник, 1991. – С. 3-38.

207. Баскаков В.Н. Белецкий Павел Кузьмич / В.Н. Баскаков // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая российская энциклопедия: НВП «Фианит», 1992. – Т. 1: А-Г. – С. 205-206.

208. Бегак Б.А. В мире приключений (Приключенческая литература для детей) / Б.А. Бегак. – М.: «Знание», 1979. – 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература». № 3).

209. Бегак Б.А. Тропинками тайны. Приключенческая литература и дети / Б.А. Бегак. – М.: Детская литература, 1985. – 95 с.

210. Белецкий Б. П.К. Белецкий (1871-1934) / Б. Белецкий, Г. Белецкий // Литературная Сибирь. Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири / сост. В.П. Трушкин, В.Г. Волкова. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. – Т.1. – С. 180-182.

211. Беликов Г.А. Дом ставропольского Фенимора Купера / Г.А. Беликов // Беликов Г.А. Старый Ставрополь. – 2-е изд. – Ставрополь, 2009. – С. 259-260.

212. Бианки В.В. Борис Степанович Житков и его литературное наследие / В.В. Бианки // Бианки В.В. Собр. соч.: в 4 т. – Л.: Детская литература, 1976. – Т.4: Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. – С. 218-222.

213. Бичехвост Н. Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким: [Послесловие] / Н. Бичехвост // Белецкий П. Золотоискатели в горах Даурии. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В. по заказу ООО «Фаворит», 2014. – С. 324-328.

214. Богомолов Н.А. Авантюрный роман как зеркало русского символизма / Н.А. Богомолов // Вопросы литературы. – 2002. – №6. – С. 43-56.

215. Борисов Б.Н. Две редакции повести П. А. Бляхина «Красные дьяволята» / Б.Н. Борисов // Художественный образ и историческое сознание. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет им. О.В. Куусинена, 1974. – С. 190-205.

216. Борисов В.И. Как убивали фантастику: [Рец. на кн.: Швартц М. Экспедиции в другие миры] / В.И. Борисов // Новый мир. – 2016. – № 10. – С. 179-185.

217. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман / А.Ф. Бритиков. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. – 448 с.

218. Бугров В. …И выдумали самих себя! / В. Бугров // Уральский следопыт. – 1970. – №7. – С. 72-77.

219. Булычева В.П. Взгляд православной культуры на приключенческую литературу / В.П. Булычева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6, №5. – С. 245-248.

220. Булычева В.П. К проблеме понятия «приключенческая литература» / В.П. Булычева // Гуманитарные исследования. – 2014. – №3 (51). – С. 77-81.

221. Булычева В.П. Поэтика приключенческой прозы первой половины XX века / В.П. Булычева // Проблемы современной науки и образования. – 2013. – №2 (16). – С. 124-127.

222. Булычева В.П. Приключенческая литература: история изучения и жанровая природа / В.П. Булычева // Фундаментальные исследования. – 2014. – №8-4. – С. 998-1002.

223. Булычева В.П. Приключенческая литература: проблемы поэтики / В.П. Булычева // Апробация. – 2013. – №5 (8). – С. 126-129.

224. Булычева В.П. Русская приключенческая литература первой половины XX века в сравнительно-историческом аспекте / В.П. Булычева // Гуманитарные исследования. – 2015. – №4 (56). – С. 125-131.

225. Булычева В.П. Русская приключенческая проза первой половины XX века / В.П. Булычева // Lingua Mobilis. – 2013. №4 (43). – С. 24-32.

226. Булычева В.П. Сказка в русской приключенческой прозе первой половины XX века / В.П. Булычева // Современныее проблемы науки и образования. – 2014. – №2. [Электронный ресурс] URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12545 (дата обращения: 01.11.2023).

227. Бутлер В.Ф. Четверть века в литературном строю (К 25-летию литературной деятельности Л. Кормчего): [Предисловие] / В.Ф. Бутлер // Кормчий Л. Мир Любви. – Рига: Издательство «Школа жизни» В.Ф. Бутлера, 1931. – С. 3-6.

228. Бухарин Н.И. Научимся влиять на молодежь / Н.И. Бухарин // Бухарин Н.И. Борьба за кадры: Речи и статьи. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. – С. 174-176.

229. Бухарин Н.И. О коммунистическом воспитании молодежи в условиях нэпа (доклад тов. Бухарина) / Н.И. Бухарин // Пятый Всероссийский съезд РКСМ 11-19 октября 1922 года. Стенографический отчет. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. – С. 109-132.

230. Б-ч С. [Булич С.К.]. Тапробана / С. Б-ч [С.К. Булич] // Энциклопедический словарь. – СПб.: Типография Акционерного Общества «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. – Т. XXXIIa: Тай-Термиты. – С. 616.

231. Ваенская Е.Ю. Островной локус в повести З.С. Давыдова «Беруны» / Е.Ю. Ваенская, А.В. Давыдова, М.В. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-1 (53). – С. 47-51.

232. Витковский Е.В. Свет малых голландцев: [Послесловие] / Е.В. Витковский // Шервинский С.В. Ост-Индия. – М: Престиж Бук, 2016. – С. 338-350.

233. Владимирски И. Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX — начале XX в.: взгляд изнутри / И. Владимирски, М.В. Кротова // История повседневности. – 2021. – №1 (17). – С. 6-33.

234. Вулис А.З. В мире приключений. Поэтика жанра / А.З. Вулис. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.

235. Гершензон М. Революционная романтика в детской книге о Гражданской войне / М. Гершензон // Печать и революция. – 1928. – Кн. 5. – С. 142-149.

236. Головко В.М. В поисках «дороги к светлому будущему людей» (к 150-летию со дня рождения писателя Павла Кузьмича Белецкого) / В.М. Головко // Ставропольский хронограф: год будущий и год минувший (2022/2021) / отв. за вып. М.Н. Овчелупова. – Ставрополь: ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; Кемерово: ОАО «ИПП Кузбасс». – 2022. – С. 316-337.

237. Головко В.М. Литературный истерн как художественное открытие П. К. Белецкого / В.М. Головко // Вестник славянских культур. – 2023. – Т. 68. – С. 150-166.

238. Голощапова Г. Незаслуженно забытый… [о П. К. Белецком] / Г. Голощапова // Вечерний Ставрополь. – 2010. – № 169 (4609) (18 сент.). [Электронный ресурс] URL: https://old.vechorka.ru/article/nezasluzhenno-zabyityij/ (дата обращения: 24.07.2024).

239. Гольцев В. [Рец. на «Возмутителей» М. Зуева-Ордынца] / В. Гольцев // Печать и революция. – 1929. – Кн. 1. – С. 143-144.

240. Горький М. Мальва / М. Горький // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – Т. 3. Рассказы 1896-1899. – С. 241-290.

241. Горячев А. В память о талантливом земляке / А. Горячев // Индустриальная Караганда. – 1968. – 24 дек. – С. 2.

242. Гуревич Г. О романах В.А. Обручева «Плутония» и «Земля Санникова»: [Послесловие] / Г. Гуревич // Обручев В.А. Плутония. Земля Санникова. – М.: Детгиз, 1958. – С. 630-639.

243. Гуров П. Роман приключений в библиотеке (начало) / П. Гуров // Красный библиотекарь. – 1930. – №3 (март). – С. 32-43.

244. Гуров П. Роман приключений в библиотеке (окончание) / П. Гуров // Красный библиотекарь. – 1930. – №4 (апр.). – С. 37-44.

245. Давидсон А.Б. Зов дальних морей / А.Б. Давидсон, В.А. Макрушин. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 320 с.

246. Даусон О. Российский Фенимор Купер / О. Даусон // Кавказский край. – 1992. – № 13 (23-29 март.). – С. 8-9.

247. Демин Р. Ученый и мистик с елецкими корнями / Р. Демин // Липецкая газета. – 2021. – 19 окт. [Электронный ресурс] URL: https://lg.lpgzt.ru/aticle/uchenyy-i-mistik-s-eletskimi-kornyami.htm/?sphrase_id=126580 (дата обращения: 10.05.2022).

248. Дёмин В.Н. История Гипербореи / В.Н. Дёмин. – М.: Вече, 2009. – 384 с.

249. Дианова Е.В. Советские истерны / остерны 1920-х годов: приключенческие фильмы о Кавказском фронтире России / Е.В. Дианова // Журнал фронтирных исследований. – 2024. – Т.9, №3 (35). – С. 200-225.

250. Дубин Б.В. Социальное воображение в советской научной фантастике 1920-х годов / Б.В. Дубин, А.И. Рейтблат // А.И. Рейтблат. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 130-156.

251. Евтушенко Е. Приблизившийся к девяноста девяти / Е. Евтушенко // Поэт в России — больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии. Антология: в 5 т. / сост. Е. Евтушенко. – М.: Русскій міръ, 2015. – Т.4. – С. 314-316.

252. Евфимия Монахиня. Под знаменем «Башмака» / Монахиня Евфимия // Новая Либерея. О книгах с любовью. [Электронный ресурс] URL:

https://www.youtube.com/watch?v=usmtcxGXY6o (дата обращения: 12.12.2022) (РКН: сайт YouTube нарушает закон РФ).

253. Емец И.А. Случайные и неслучайные совпадения / И.А. Емец // Емец И.А. В поисках затерянных городов. – М.: Армада-пресс: Дрофа, 2002. – С. 193-284.

254. Ермолаев Д. Мурман фантастический 6. Родоначальник кольской Гипербореи / Д. Ермолаев // Мурманский вестник. – 2017. – 26 янв. [Электронный ресурс] URL: http://www.mvestnik.ru/our-home/pid201701268l/ (дата обращения: 6.05.2022).

255. Ермолаев Д. Мурман фантастический 6.2. Родоначальник кольской Гипербореи / Д. Ермолаев // Мурманский вестник. – 2017. – 2 февр. [Электронный ресурс] URL: http://www.mvestnik.ru/our-home/pid201702028l/ (дата обращения: 6.05.2022).

256. Жидкова Л. Потерянный клад... К 150-летию Павла Кузьмича Белецкого / Л. Жидкова // Литературное Ставрополье. – 2021. – №3. – С. 95-102.

257. Жиркова М.А. Русский Шерлок Холмс и его авторы: П. Никитин / М. А. Жиркова // Art Logos (Искусство слова). – 2017. – №2. – С. 36-46.

258. [Заметка от редакции о фантастическом кинорассказе «Остров Погибших Кораблей» А. Беляева] // Всемирный следопыт. – 1926. – №3. – С. 3.

259. Звойдин Ф. Приключенческая повесть на актуальном материале (Смирнов Н. «Джек Восьмёркин американец») / Ф. Звойдин // Детская и юношеская литература. – 1933. – №8. – С. 4-6.

260. Зеленин Д.К. В.Г. Богораз — этнограф и фольклорист / Д.К. Зеленин // Памяти В.Г. Богораза (1865-1936): сборник статей / отв. ред. академик И.И. Мещанинов. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1937. – С. V-XVIII.

261. Зелинский К. Грин / К. Зелинский // Красная Новь. – 1934. – Кн. 4 (апр.). – С. 199-206.

262. Зорин А.В. Русская Америка: один автор, два образа / А.В. Зорин // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А.

Филимоновой. – Курск: Курский государственный университет, 2015. – Вып. 7. – С. 83-91.

263. Зырин А. [Рец. на «Бунт на борту» М.Е. Зуева-Ордынца] / А. Зырин // Звезда. – 1969. – №5. – С. 216.

264. Ингирев З. Творческий путь В.А. Обручева / З. Ингирев. – М., Л.: Госгеолиздат, 1948. – 96 с.

265. Иокар Л.Н. М. Горький и проблемы советского исторического романа 20-х и начала 30-х годов (По материалам личной библиотеки писателя) / Л.Н. Иокар // Наследие М. Горького и современность / отв. ред. Б.А. Бялик. – М.: Наука, 1986. – С. 65-82.

266. Ионов Ю.В. Фельдшер П.К. Белецкий — писатель, публицист, этнограф, общественный деятель / Ю.В. Ионов, А.Ю. Ионов // Фельдшер и акушерка. – 1982. – № 1. – С. 55-58.

267. Кагаров Е.Г. В.Г. Богораз в зарубежной критике / Е.Г. Кагаров // Советская этнография. – 1935. – №4-5. – С. 233-235.

268. Караваев А. Возвращение «Плутонии»: [Послесловие] / А. Караваев // Обручев В. Плутония. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – С. 386-394.

269. Караваев А.В. Назовем его «Всемирный следопыт» / А.В. Караваев. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – 268 с.

270. Карташев Б.И. По стране оленных людей. Путешествия В.Г. Тана-Богораза / Б.И. Карташев. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1959. – 45 с.

271. Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина / В.Е. Ковский. – М.: Наука, 1969. – 296 с.

272. Козьмина К. [Рец. на роман «Земля Санникова или последние онкилоны» В. Аф. Обручева] / К. Козьмина // Сибирские огни. – 1927. – №2. – С. 240.

273. Колтоновская Е.А. Интеллигент-скиталец / Е.А. Колтоновская // Колтоновская Е.А. Критические этюды. – СПб.: Типо-литография акционерного общества «Самообразование», 1912. – С. 258-264.

274. Кормчий Л. Забытое оружие (О детской книге) / Л. Кормчий // Правда. – 1918. – №28 (255) (17 февр.) – С. 3.

275. Короленко В.Г. Тан. — Чукотские рассказы, СПб. 1900 / В.Г. Короленко // Короленко В.Г. Полное собр. соч.: в 9 т. – Петроград: Издание Товарищества А.Ф. Маркс, 1914. – Т. 9. – С. 335-341.

276. Костров А.В. Забайкальское старообрядчество в трудах дореволюционных авторов / А.В. Костров // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (79). – С. 329-334.

277. Краснолистов О. Кострицкий Михаил Дмитриевич / О. Краснолистов, Л. Гаврина // Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – Т. 3: К-М. – С. 106-107.

278. Крупская Н.К. Отзыв на книги для детей / Н.К. Крупская // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962. – Т.10: Рецензии, отзывы, замечания. – С. 228-231.

279. Кудрявцев Э. Новое об оккультисте Страны Советов / Э. Кудрявцев // Нева. – 2006. – №12. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/neva/2006/12/novoe-ob-okkultiste-strany-sovetov.html (дата обращения: 6.05.2022).

280. Кузьминов Д.А. Циркуляр «О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных» и его влияние на сословный состав средних учебных заведений по материалам отчетов гимназий / Д.А. Кузьминов // Повышение эффективности реализации фундаментальных научных исследований как условие долгосрочного устойчивого развития России: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 июля 2020 г. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. – С. 28-34.

281. Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество / Н.Ф. Кулешова. – Минск: Издательство БГУ, 1975. – 112 с.

282. Куренная И. Король забайкальской тайги. Русский писатель Павел Кузьмич Белецкий / И. Куренная // Читинское обозрение. – 2016. – №10 (1390) (9 март.). [Электронный ресурс] URL: https://obozrenie-chita.ru/korol-zabaykalskoy-taygi/ (дата обращения: 27.09.2024).

283. Куренная И. Король забайкальской тайги. Русский писатель Павел Кузьмич Белецкий. Часть II / И. Куренная // Читинское обозрение. – 2016. – №11 (1391) (16 март.). [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20160913234205/http://obozrenie-chita.ru/article/pavel-beleckij (дата обращения: 27.09.2024).

284. Курочкин Ю. Из племени следопытов [о писателях Николае Ловцове и Михаиле Зуеве-Ордынце] / Ю. Курочкин // Уральский следопыт. – 1988. – №4. – С. 5-6.

285. Лавринец П. В. Бутлер, Л. Кормчий и Литва / П. Лавринец // Inkluzīvi / сост. Я. Курсите. – Рига: LU Akadēmiskais apgāds, 2012. – С. 126-134.

286. Лапудев А.А. Шерлокиана. Опыт русской библиографии / А.А. Лапудев. – Электронное изд. – М.: Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2017. – 301 с.

287. Л-в. [Рец. на «Каменный пояс (Уральские очерки)» М. Зуева-Ордынца] / Л-в // Северная Азия. – 1929. – Кн. 2. – С. 142-143.

288. Левик В. О поэте-переводчике Сергее Васильевиче Шервинском / В. Левик // Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / пер. с латин. С.В. Шервинского. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 505-508.

289. Лимеров П.Ф. Легенды о чуди: предки, не принявшие новую веру / П.Ф. Лимеров // Словесность и история. – 2020. – №2. – С. 64-79.

290. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

291. Лихачёв В.А. Александр Барченко: факты биографии / В.А. Лихачёв // Земля TRE. – 2015. – №2. – С. 9-13.

292. Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание в двух книгах / ред. Л.П. Быковцева, А.М. Крюкова, сост. А.Д. Смирнова, М.М. Пешкова, Р.Г. Бейслехем. – М.: Наука, 1981. – Кн. 1. – 412 с.

293. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собр. соч.: в 11 т. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – Т.6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747 – 1765 гг. – С. 417-498.

294. Луначарский А.В. О культуре на Западе и у нас / А.В. Луначарский. – Нижний Новгород: Нижегородская коммуна, 1927. – 39 с.

295. Лунц Л. На Запад! / Л. Лунц // Лунц Л. Обезьяны идут. – СПб.: Инапресс, 2003. – С. 343-351.

296. Ляпин Д.А. Наука и мистика / Д.А. Ляпин // Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в XVIII — начале XX веках. – Саратов: Новый ветер, 2012. – С. 167-169.

297. Малая С. Борис Житков. Чёрные паруса: [Рец. на «Чёрные паруса», изд. «Мелик-Пашаев», 2017] / С. Малая // Библиогид. [Электронный ресурс] URL: https://bibliogid.ru/knigi/tematicheskie-obzory/2315-boris-zhitkov-chjornye-parusa (дата обращения: 9.02.2023).

298. Маликова М.Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа / М.Э. Маликова // Новое литературное обозрение. – 2010. – №3 (103). – С. 109-139.

299. Марков С.Н. Русские на Аляске / С.Н. Марков. – М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1946. – 152 с.

300. Мароши В.В. В поисках нового Эдема: «Император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники / В.В. Мароши // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 807-825.

301. Маршак С.Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе / С.Я. Маршак // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934.

Стенографический отчет. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934. – С. 20-38.

302. Маслинская С. «Наследство и наследственность»: эволюция критики русской детской литературы 1910-1920-х годов / С. Маслинская // Revue des études slaves. – 2017. – Т. 88, № 1-2. – С. 237-255.

303. Маслинская (Леонтьева) С. «Пионерская» беллетристика vs «Большая» детская литература / С. Маслинская (Леонтьева) // Детские чтения. – 2012. – Т1, №1. – С. 100-116.

304. Меклер Г. Смирнов Н.Г. / Г. Меклер // «Литературная энциклопедия» на сайте Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). [Электронный ресурс] URL: https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/lea/lea-9211.htm (дата обращения: 11.04.2022).

305. Мерц З.С. Трагические уроки истории (по материалам биографии М.Е. Зуева-Ордынца из фонда Дома-музея П. Васильева) / З.С. Мерц // Виктор Астафьев и духовное возрождение России: материалы Международной научно-практической конференции (Омск, 29-30 ноября 2011 г.) / отв. ред. В.И. Хомяков. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. – С. 51-59.

306. Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель / Е.А. Михайлова // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. – М.: Наука, 2004. – С. 95-136.

307. Мович Л. [Маркович Л.З.]. И.А. Тан (литературный портрет) / Л. Мович [Л.З. Маркович] // Вестник и библиотека самообразования. – 1904. – №45 (4 нояб.). – Стб. 1651-1656.

308. Могильницкий В. Под зэковским номером 179888 / В. Могильницкий // Простор. – 2001. – №9. – С. 30-32.

309. Моисеев П. Мистика, гиньоль, бульварщина и исторический эпос: [Рец. на сб. «Проклятие капуцина» Л. Кормчего (Пирагиса), изд. «Престиж Бук», 2019] / П. Моисеев // Год Литературы. – 2019. – 17 декабря. [Электронный ресурс] URL:

https://godliteratury.ru/articles/2019/12/17/mistika-ginol-bulvarshhina-i-istori (дата обращения: 10.12.2022).

310. Мурашов Д. Фантаст из Пензы / Д. Мурашов // Улица Московская. [Электронный ресурс] URL: https://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/lyudi/item/2416-fantast-iz-penzy (дата обращения: 10.11.2022).

311. Неграш С.В. Иные тропы. Путеводитель по приключенческой литературе / С.В. Неграш. – СПб.: Северо-Запад, 2023. – 340 с.

312. Неграш С.В. Мировоззренческие аспекты русской подростковой приключенческой прозы начала XX в. / С.В. Неграш // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы международной научной конференции: в 2 т. / под общей редакцией Л.М. Кобриной. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2023. – Т. 2. – С. 166-174.

313. Неграш С.В. Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века / С.В. Неграш // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 668-672.

314. Неграш С.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: [Послесловие] / С.В. Неграш // Белецкий П. Король тайги. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2016. – С. 478-486.

315. Неграш С.В. Проблема самобытности в русской приключенческой прозе 1901-1917 / С.В. Неграш // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 1. – С. 7-13.

316. Неграш С.В. Пути развития русской приключенческой прозы 1918-1933 годов / С.В. Неграш // Art Logos (Искусство слова). – 2024. – № 1 (26). – С. 44-58.

317. Неграш С.В. Русская приключенческая проза первой трети XX века в зарубежном критическом дискурсе / С.В. Неграш // Пушкинские чтения-2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIX Международной научной конференции, 6-7 июня 2024 г. / отв. ред. проф. Т.В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 148-153.

318. Неграш С.В. Русская приключенческая проза первой трети XX века: от эпигонства к самобытности / С.В. Неграш // Пушкинские чтения-2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация: материалы XXVII Международной научной конференции / отв. ред. С.А. Петрова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 246-251.

319. Некрасов В. Извинение перед читателями, а также императором Францем-Иосифом / В. Некрасов // Литературная газета. – 1970. – №46 (4280) (11 нояб.). – С. 7.

320. Немировский А.И. Античный цикл В. Яна: [Послесловие] / А.И. Немировский // Ян В.Г. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1989. – Т.1. – С. 546–554.

321. Николаев Д.Д. Литература как пропаганда / Д.Д. Николаев // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов. – М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2010. – С. 494-594.

322. Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Д.Д. Николаев. – М., 2006. – 44 с.

323. Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: монография / Д.Д. Николаев. – М.: Наука, 2006. – 688 с.

324. Обручев С. [Рец. на «Государство Солнца» Н.Г. Смирнова] / С. Обручев // Печать и революция. – 1928. – Кн. 6. – С. 214-215.

325. Обручев С. [Рец. на III и IV тома собр. соч. В.Г. Тана] / С. Обручев // Печать и революция. – 1929. – Кн. 1. – С. 142-143.

326. Окорокова В.Б. Юкагирский роман / В.Б. Окорокова. – Якутск: ЧИФ «Ситим», 1994. – 136 с.

327. Окулов В.И. «Российский Рони» / В.И. Окулов. // Окулов В.И. Bibliouniversum (Попытка контакта). – Иваново: Талка, 2008. – С. 88-90.

328. Оскоцкий В.Д. Уроки мастерства. Творческий путь Василия Яна (В. Г. Янчевецкого): [Предисловие] / В.Д. Оскоцкий // Ян В.Г. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – С. 5-40.

329. Осьмухина О.Ю. Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.) / О.Ю. Осьмухина, Е.П. Овсянникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, №1. – С. 40-44.

330. Осьмухина О.Ю. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов / О.Ю. Осьмухина, Е.П. Овсянникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, №6. – С. 2079-2085.

331. Осьмухина О.Ю. Особенности романа перевоспитания в отечественной литературе 1920 — начала 1930-х гг. / О.Ю. Осьмухина, Е.П. Овсянникова // Новый филологический вестник. – 2025. – №3 (74). – С. 214-225.

332. Павел Кузьмич Белецкий (к 125-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1996 год / сост. М.В. Агаркова, Е.Б. Егорова, Т.Ю. Кравцова. – Ставрополь: СГК УНБ им. М.Ю. Лермонтова, 1996. – С. 92-95.

333. Палей А.Р. Мастер научно-художественного жанра (О творчестве К. Паустовского) / А.Р. Палей // Новый мир. – 1936. – Кн. 11 (нояб.). – С. 294-302.

334. Пантелеев Л. Как я стал детским писателем / Л. Пантелеев // Детская литература. – 1979. – №11 (167). – С. 16-18.

335. Перельмутер В.Г. Фрагменты о Шервинском / В.Г. Перельмутер // Вопросы литературы. – 2010. – №1 (янв.-февр.). – С. 161-199.

336. Петри Г. [Рец. на книгу «Запорожцы в Саргоссе» М.Д. Ордынцева-Кострицкого] / Г. Петри // Что и как читать детям. – 1913-1914. – №3 (дек.). – С. 26.

337. Петряев Е. Врач, ученый, писатель / Е. Петряев // Забайкальский рабочий. – 1981. – №172 (26 июля). – С. 4.

338. Пешков А. [Письмо З.С. Давыдову от 17 июля 1933] / А. Пешков // Горький М. Полное собр. соч. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2022. – Т.22, кн. 1. – С. 99-101.

339. Пилиев Г.К. Михаил Волконский и его «романы действия»: [Послесловие] / Г.К. Пилиев // Волконский М.Н. Сокровище Родины: романы, повесть. – М.: Миллиорк, 2017. – С. 475-484.

340. Пищенко В.И. Литература о необычайном / В.И. Пищенко, Е.В. Харитонов // Фантастика и приключения: в 2 т. / сост., коммент. В.И. Пищенко, Е.В. Харитонова. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – Т.1. – С. 5-24.

341. Платонов А.П. «Финикийский корабль» В. Яна / А.П. Платонов // Платов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. – М.: Время, 2011. – С. 560-562.

342. Плахин Е. Рассказы о мужественных людях: [Рец. на сб. «Вызывайте 5... 5... 5…», изд. «Молодая гвардия», 1961] / Е. Плахин // Простор. – 1962. – №10. – С. 110-112.

343. Покровская А. Основные течения в современной детской литературе / А. Покровская. – М.: Работник просвещения, 1927. – 56 с.

344. Покровская А. «Приключения» в современной детской литературе (Обзор 19 книг) / А. Покровская // Новые детские книги. – М.: Работник просвещения, 1926. – Сб. IV. – С. 17-92.

345. Полякова М.М. Давыдов З.С. / М.М. Полякова // «Краткая литературная энциклопедия» / гл. ред. А.А. Сурков / на сайте Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). [Электронный ресурс] URL: http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke2/ke2-4882.htm (дата обращения: 10.02.2023).

346. Порудоминский В. Весна продолжается / В. Порудоминский // Искатель. – 1961. – №2. – С. 142-144.

347. Прашкевич Г.М. Владимир Германович Богораз (Тан) / Г.М. Прашкевич // Прашкевич Г.М. Красный сфинкс. История русской советской фантастики от В.Ф. Одоевского до Б.Г. Штерна: в 3 кн. – 4 изд., исправл. и доп. – М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – Кн. 1. – С. 77-96.

348. [Предисловие] // Житков Б. Морские рассказы: сборник. – М.: Детгиз, 1935. – С. 3-4.

349. Привалова Е. Что мне читать? Указатель литературы для детей старшего возраста / Е. Привалова, И. Халтурин. – Л.: Прибой, 1928. – 180 с.

350. Приходько В. «Скачи, мой конь, во весь опор...»: [Предисловие] / В. Приходько // Чарская Л. Смелая жизнь. – М.: Детская литература, 2018. – С. 5-10.

351. Пуряева Н.Н. Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице / Н.Н. Пуряева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 224-233.

352. Рагозин А. Лирика Гайдара / А. Рагозин // Детская литература. – 1939. – № 8. – С. 10-18.

353. Рахтанов И. «Государство Солнца» (Н. Смирнов, «Государство Солнца») / И. Рахтанов // Детская литература. – 1937. – №12. – С. 11-15.

354. Рахтанов И.А. «Свежатина», «крупнятина» / И.А. Рахтанов // Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. – М.: Советский писатель, 1969. – С. 84-99.

355. [Рец. на роман «За свободу» Р.Швейхеля] // Русская мысль. – 1906. – Кн. VIII (авг.), библиографич. отд. – С. 197-201.

356. Решетин С. О детской мечте / С. Решетин // Детская литература. – 1938. № 13 (июль). – С. 15-18.

357. Родионова Н.Н. Советская приключенческая повесть (проблема типологии жанра): автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.Н. Родионова. – М., 1990. – 15 с.

358. Роскин А. Конец робинзонады. О «Джеке Восьмеркине» Н. Смирнова / А. Роскин // Литературная газета. – 1934. – №82 (398) (28 июня). – С. 2.

359. Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны / Я. Рыкачев // Молодая гвардия. – 1929. – № 5. – С. 87-91.

360. Рябинин Б. Клянусь черепахами Тэсмана!.. / Б. Рябинин // Уральский следопыт. – 1960. – №7. – С. 55-58.

361. Самородов Д.П. Советский основоположник «удлиненной» модели всемирно-исторической хронологии. Профессор-оккультист Александр

Васильевич Барченко / Д.П. Самородов // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.П. Самородов, зам. отв. редактора А.А. Богданова. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2020. – С. 288-310.

362. Свет Я. О «Государстве Солнца» и авторе этой книги: [Предисловие] / Я. Свет // Смирнов Н. Государство Солнца. – М.: Детская литература, 1972. – С. 3-6.

363. Сенников Г. Тропою приключений: Творческий путь нашего земляка / Г. Сенников // Центральный Казахстан. – Караганда. – 1964. – 26 янв. – С. 4.

364. Серебренников Н. Владимир Обручев: [Послесловие] / Н. Серебренников // Обручев В. Избранное. – Томск: Томская писательская организация, 2015. – С. 298-300.

365. Симонова О.А. Девочки в детской литературе 1920-х гг. о Гражданской войне (на примере повести П.А. Бляхина «Красные дьяволята») / О.А. Симонова // Детские чтения. – 2021. – Т. 20, №2. – С. 77-95.

366. Синявская М. [Рец. на «На Куликовом поле» М.Д. Ордынцева] / М. Синявская // Что и как читать детям. – 1913-1914. – №5 (февр.). – С. 23-24.

367. Синявская М. [Рец. на «Строитель Государев» М.Д. Ордынцева-Кострицкого] / М. Синявская // Что и как читать детям. – 1913-1914. – №5 (февр.). – С. 24-25.

368. Слободнюк С.Л. Идущие путями зла... (древний гностицизм и русская литература 1880-1930 гг.) / С.Л. Слободнюк. – СПб.: Алетейя, 1998. – 428 с.

369. Снесаревский П. Судьба Русской Америки: [Послесловие] / П. Снесаревский // Зуев-Ордынец М. Последний год. – Калининград: Калининградское книжное издательство, 1960. – С. 505-511.

370. Соколов Н.Н. Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики I / Н.Н. Соколов // Русская старина. – 1894. – Т.81 (февр.). – С. 191-209.

371. Соколов Н.Н. Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики II-III / Н.Н. Соколов // Русская старина. – 1894. – Т.81 (март). – С. 164-192.

372. Соколовски М. Идейно-эстетическая концепция вестерна и ее трансформации (на материале американского и европейского кинематографа): автореф. дис. … канд. искусствоведения / М. Соколовски. – М., 1991. – 29 с.

373. Сошкин Е.П. Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана / Е.П. Сошкин // Литературный факт. – 2020. – № 1 (15). – С. 8-41.

374. Сошкин Е. П. Русский модернизм и палеофантастика / Е.П. Сошкин // Зеркало. – 2020. – №55. [Электронный ресурс] URL: http://zerkalo-litart.com/?p=12502 (дата обращения: 9.09.2023).

375. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. / М.А. Терентьев. – СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1903. – Т.I. – 510 с.

376. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. / М.А. Терентьев. – СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. – Т.II. – 547 с.

377. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. / М.А. Терентьев. – СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. – Т.III. – 496, 30 с.

378. Удалин С.Б. Двойники Земли Санникова / С.Б. Удалин // Горизонт. – 2023. – №9 (47). [Электронный ресурс] URL: https://astra-nova.org/issues/horisont/n047/сергей-удалин-двойники-земли-саннико/ (дата обращения: 30.12.2024).

379. Ульман Г. Что делать с найденным золотом, или Сокровища Непобедимой Армады: [Послесловие] / Г. Ульман // А. Кольчугин. Сокровища Непобедимой Армады. – Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2015. – С. 377-388.

380. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – Т. 4: С – Ящурный. – 1500 стб.

381. Фалеев В. Утопия или антиутопия? [Послесловие] / В. Фалеев // Смирнов Н. Джек Восьмеркин американец. – М.: Правда, 1990. – С. 468-476.

382. Халымбаджа И.Г. Зуев-Ордынец Михаил Ефимович / И.Г. Халымбаджа // Энциклопедия фантастики: Кто есть кто / под ред. Вл. Гакова. – Минск: ИКО «Галаксиас», 1995. – С. 249.

383. Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего / Б. Хеллман // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): сб. статей / сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 20-45.

384. Хлебус М.А. В поисках «праучителей»: миф о Гиперборее в жизни и творчестве А.В. Барченко / М.А. Хлебус // Забытые писатели. Вып. 3 / Ред.-сост. Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, Ш.Р. Кешфидинов. – СПб.: Свое издательство, 2023. – С. 161-172.

385. Хлебус М.А. Гностические аспекты в художественном творчестве А.В. Барченко / М.А. Хлебус // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – №12/2. – С. 194-198.

386. Черняк М.А. Массовая литература XX века / М.А. Черняк. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 432 с.

387. Чуковская Л. Борис Житков / Л. Чуковская // Пионер. – 1957. – №9 (сент.). – С. 58-62.

388. Чуковский К.И. Лидия Чарская / К.И. Чуковский // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. / предисл. и коммент. Е. Ивановой. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – Т. 7: Литературная критика. 1908-1915. – С. 303-312.

389. Чуковский К.И. Нат Пинкертон и современная литература / К.И. Чуковский // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. / предисл. и коммент. Е. Ивановой. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – Т. 7: Литературная критика. 1908-1915. – С. 23-62.

390. Чуковский К.И. Речь К.И. Чуковского / К.И. Чуковский // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. – М.: Художественная литература, 1934. – С. 179-182.

391. Чупырина Л. Детские кружки, работающие с книгой / Л. Чупырина // Красный библиотекарь. – 1929. – № 8-9 (10-11). – С. 85-93.

392. Шахова В.Е. Семиотика поведения героев в пространстве Арктики (на материале повести З.С. Давыдова «Беруны») / В.Е. Шахова // Litteraterra. Материалы IX Международной конференции молодых ученых. Вып. 15. Ч. 2. / гл. ред. И.А. Семухина. – Электронное изд. – Екатеринбург: [б. и.], 2021. – С. 108-113.

393. Шацкий Е.О. Патриотический потенциал повести Л.А. Чарской «Смелая жизнь» / Е.О. Шацкий // Начальная школа. – 2010. – №3. – С. 97-100.

394. Швецова Т.В. Арктический хронотоп в повестях З. Давыдова «Беруны» и К. Бадигина «Путь на Грумант» / Т.В. Швецова, В.Е. Шахова // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 232-252.

395. Шерман А. Загадка Никитина: [Послесловие] / А. Шерман // Никитин П. Приключения Шерлока Холмса в России: в 2 т. / сост., подготовка текста и послесловие А. Шермана. – Электронное изд. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – Т.2: Черный ворон. – С. 192-201.

396. Шестакова Е.Ю. Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) / Е.Ю. Шестакова // Филологический класс. – 2006. – № 16. – С. 27-30.

397. Шишкина Т.А. Финский язык. Тематический словарь. 20 000 слов и предложений. С транскрипцией финских слов. С русским и финским указателями / Т.А. Шишкина. – М.: Живой язык, 2018. – 256 с.

398. Шкловский В. Новелла тайн / В. Шкловский // Шкловский В. О теории прозы. – М., Л.: Круг, 1925. – С. 97-111.

399. Шкловский В. Роман тайн / В. Шкловский // Шкловский В. О теории прозы. – М., Л.: Круг, 1925. – С. 112-138.

400. Шпрыгов Ю.М. Владимир Тан-Богораз / Ю.М. Шпрыгов // Шпрыгов Ю.М. Проза утреннего края: Литературно-критические очерки. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1985. – С. 5-17.

401. Шумкин В.Я. Проблемы сохранения археологического наследия Северо-Запада Российской Арктики / В.Я. Шумкин // Полярные чтения на ледоколе «Красин»-2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2016 г.). – М.: Издательство «Паулсен», 2017. – С. 275-293.

402. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

403. Юрина М.А. Двуплановый характер образной организации романа В.Г. Тана-Богораза «Восемь племён» / М.А. Юрина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 10-2. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvuplanovyy-harakter-obraznoy-organizatsii-romana-v-g-tana-bogoraza-vosem-plemyon (дата обращения: 19.10.2022).

404. Юрина М.А. Художественное отражение бытовой и религиозной жизни северных народов в романе В.Г. Тана-Богораза «Восемь племён» / М.А. Юрина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №11-3 (53). – С. 221-223.

405. Яковлев Е. В поисках Гипербореи. Александр Барченко (1881-1938) / Е. Яковлев // Яковлев Е. Друг государства. Гении и бездарности, изменившие ход истории. – СПб.: Питер, 2020. – С. 54-67.

406. witkowsky [Витковский Е.В.]. [Отзыв на роман «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца] / witkowsky [Е.В. Витковский] // Лаборатория фантастики. [Электронный ресурс] URL: https://fantlab.ru/work159134 (дата обращения: 20.04.2023).

Материалы на иностранных языках

407. Aulak J. Syberyjskie motywy w twórczości Władimira Germanowicza Tana-Bogoraza / J. Aulak // Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986. – Tom 8: Z badań nad językami i literaturami słowiańskimi. – Pp. 125-134.

408. Bogoraz V. Le Dragon de Lune / V. Bogoraz; traduit du russe par Viktoriya & Patrice Lajoye. – Paris: Éditions Callidor, 2022. – 288 p.

409. Bogoras W. Sons of the Mammoth / W. Bogoras; translated from the Russian by Stephen Graham. – New York: Cosmopolitan Book Corporation, 1929. – 254 p.

410. Brooks D.A. Russian Literary Portraiture in the Twentieth Century: Collecting and Re-Collecting Lichnosti in Criticism and Memoir: A dissertation… Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures / D.A. Brooks. – Berkeley: University of California, 2015. – 223 p.

411. Brooks J. Chapter 7. Readers and Reading During Russia's Literacy Transition, 1850-1950: How Readers Shaped a Great Literature / J. Brooks // The Edinburgh History of Reading. Common Readers / ed. by Jonathan Rose. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. – Pp. 137-156.

412. Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917 / J. Brooks. – Princeton (N.J.): Princeton U.P., 1985. – 450 p.

413. Forbice A. Il Giro del Vaticano, Bogoraz, scrittore o giornalista? / A. Forbice // Avanti! – 2019. – 2 settembre. [Электронный ресурс] URL: https://www.avantionline.it/il-giro-del-vaticano-bogiraz-scrittore-o-giornalista/ (дата обращения: 20.09.2023).

414. Irwanto D. Taprobana is not Sri Lanka nor Sumatera, but Kalimantan / D. Irwanto // Atlantis in the Java sea. A scientific eddort to math Plato's narrative location for Atlantis. [Электронный ресурс] URL: https://atlantisjavasea.com/2015/09/26/taprobana-is-not-sri-lanka-nor-sumatera-but-kalimantan (дата обращения: 07.03.2024).

415. Lajoye V. Alexandre Beliaev et les littératures populaires d'Occident: [Предисловие] / V. Lajoye, P. Lajoye // Beliaev A. L'Île des navires perdus. – Lisieux: Lingva, 2015. – Pp. 5-9.

416. Mantell G. A. Petrifactions and their teachings; or, hand-book to the gallery of organic remains of the British Museum / G. A. Mantell. – London: Henry G. Bohn, 1851. – 496 p.

417. Moskowitz S. Birth Control: Better the World Below Than the World Above / S. Moskowitz // Moskowitz S. Strange Horizons: The Spectrum of Science Fiction. – New York: Charles Scribner's Sons, 1976. – Pp. 92-106.

418. Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit / M. Schwartz. – Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2014. – 684 p.

419. Sheldon C. List of Tribes and Bands Mentioned in the Journals / C. Sheldon // Sheldon C. The Wilderness of Denali: Explorations of a Hunter-Naturalist in Northern Alaska. – New Edition. – New York: Charles Scribner's sons, 1960. – Pp. 405-406.

420. Shishkin O. The Occultist Aleksandr Barchenko and the Soviet Secret Police (1923-1938) / O. Shishkin // The new age of Russia: Occult and esoteric dimensions / ed. B. Menzel, M. Hagemeister, B.G. Rosenthal. – Munchen, Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. – C. 81-100.

421. Smirnov N. Ríša slnka / N. Smirnov; preložila Olga Baginová. – Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1982. – 180 p.

422. Smirnov N. Říše slunce / N. Smirnov; překlad Olga Ptáčková-Macháčková. – Praha: Albatros, 1976. – 242 p.

423. Smirnov N. G. Sluneční říše / N. G. Smirnov; překlad Bohumil Korecký. – Praha: Dědictví Komenského, 1937. – 273 p.

424. Tan Bogoraz. Le otto tribu e altre storie / Tan Bogoraz; traduzione a cura di Luciana Vagge Saccorotti. – Sestri Levante: Gammarò Edizioni, 2019. – 298 p.

425. Tan W. Ofiary Smoka / W. Tan. – Warszawa: Hachette, 2019. – 156 p. (Arcydzieła Literatury Rosyjskiej).

426. Tan W. Ofiary smoka. Romans z życia pierwotnego ludzkości: w 2 cz. / W. Tan; tłomaczyła z upoważnienia autora i opatrzyła przedmową Savitri. – Warszawa: Biblioteka Dzieł Wyborowych, 1910. – Cz. 1. – 140 p.

427. Tan W. Ofiary smoka. Romans z życia pierwotnego ludzkości: w 2 cz. / W. Tan; tłomaczyła z upoważnienia autora i opatrzyła przedmową Savitri. – Warszawa: Biblioteka Dzieł Wyborowych, 1910. – Cz. 2. – 107 p.

428. The New Books (Science) // The Saturday Review of Literature. – 1930. – Vol. VI, № 33 (8 march). – P. 815.

429. Znamenski A. Alexander Barchenko: Budding Red Merlin and His Ancient Science / A. Znamenski // Znamenski A. Red Shambhala: Magic, Prophecy, and Geopolitics in the Heart of Asia. – Wheaton (IL): Quest Books / Theosophical Publishing House, 2011. – Pp. 43-66.